

Н. Н. Брешко-Брешковскій

Голубой Мундиръ

**Романъ въ двухъ частяхъ
съ прологомъ**

1930

Рига

1930

Н. Н. Брешко-Брешковский

Голубой Мундиръ

**Романъ въ двухъ частяхъ
съ прологомъ**

И з д а н і е М. Д и д к о в с к а г о

1930

/

Рига

/

1930

**Всѣ права сохранены
за авторомъ
Alle Rechte vorbehalten
Copyright by the author**

**Типографія „Vārds“ Рига
Бл. Плавучая ул. № 24
Телефонъ 23409**

Прологъ.

I. Быкъ въ пенснѣ.

Онъ былъ извѣстенъ подъ фамиліей Піотровскаго, а самъ увѣрялъ, что это весьма древній польскій родъ, и Піотровскіе совсѣмъ еще недавно были графами.

На пальцѣ носилъ перстень съ замысловатымъ гербомъ. Гербомъ Піотровскихъ.

Но все это нисколько не мѣшало ему быть социалистомъ-революціонеромъ.

Вотъ она, чрезвычайно показательная разница между русскими и польскими революціонерами! Русскій революціонеръ изъ потомственныхъ дворянъ обыкновенно стыдится своей бѣлой кости и своей голубой крови. Онъ пытается доказать, что настоящій, фактическій отецъ его — кучеръ или лакей, съ которымъ случайно согрѣшила его мамаша.

Польскій же социалистъ, будь онъ самый что ни на есть «густой» плебей, непременно имѣетъ въ запасѣ легенду о своемъ высокородномъ шляхетскомъ происхожденіи. Онъ ссылагается на документы, коихъ никто никогда не видѣлъ и на перстень съ гербомъ, купленный въ еврейской антикварной лавчкѣ.

Піотровскій или именующій себя Піотровскимъ, не являлъ исключенія. Называли его настоящую

фамилію: Болтуць. Въ ней было очень мало польскаго и очень много литовско-жмудскаго.

Партійная же кличка его была «быкъ въ пенснэ». Довольно мѣткая, ибо Піотровскій—Болтуць имѣлъ въ себѣ что-то бычачье, и вздернутый носъ его задорно поднимался острымъ, какъ бы вынюхивающимъ кончикомъ своимъ между стеколь пенснэ. Болтуць былъ невысокъ, широкоплечъ и грудастъ, съ массивными затылкомъ и шеей. Лицо съ тяжелымъ выдвинутымъ подбородкомъ—мясистое, большое.

По сравненію съ его крупной не по росту головой, узокъ и невеликъ былъ скошенный лобъ. Носикъ же былъ совсѣмъ крохотный; какъ то теряясь среди этой мякоти румяныхъ, здоровыхъ челюстей и щекъ, онъ казался прилѣпленнымъ съ чужого лица.

Ни въ Аполлоны Бальведерскіе, ни просто даже въ красавцы не годился Балтуць, но самъ былъ другого мѣвія, считая себя неотразимымъ мужчиною.

Нѣсколько побѣдъ надъ «женщинами революціи» окончательно укрѣпили его въ этомъ.

Болтуцю такія побѣды особаго удовольствія не доставляли. Онъ бралъ этихъ революціонныхъ женщинъ изъ партійной вѣжливости, да еще въ силу соображеній, такъ сказать, карьерныхъ.

Истерички и психопатки создаютъ имя опернымъ пѣвцамъ. Такія же истерички и психопатки создаютъ имена героямъ и вождямъ революціоннаго движенія.

А Болтуцю хотѣлось быть героемъ и вождемъ.

Но карьера карьерой, а отъ стриженныхъ, чемытыхъ и веряшливыхъ дѣвъ революціи его тянуло къ другимъ дѣвамъ съ надушеннымъ, холенымъ тѣламъ и въ шелковыхъ чулкахъ. Къ дѣвамъ открытой сцены и веселья.

«Быкъ въ пенснэ» любилъ пожить всласть. Ради этого и ушелъ въ революцію, ибо на всякомъ другомъ поприщѣ надобно умѣть работать и на-

добно кое-что знать. А Болтуць не имѣлъ и не хотѣлъ работать, и былъ человѣкомъ безо всякой специальности. Такимъ людямъ, именно такимъ, революціонное подполье широко раскрываетъ свои объятія. Болтуць уже былъ навиду. У него уже имѣлись «заслуги».

Съ 1905 года его приблизилъ къ себѣ Дзюкъ. А Дзюкъ,—парти́нная кличка,—былъ очень видною фігурою на фонѣ польской соціалистической парти́и. Вмѣстѣ съ нимъ совершилъ Болтуць нѣсколько политическихъ убійствъ — жертвы все сплошь представители «кроваваго царизма». Вмѣстѣ съ Дзюкомъ ограбилъ онъ два почтовыхъ ваго́на, одинъ подъ Роговымъ, другой подъ Бездинами. Правда, денежныя сумки достались въ обоихъ случаяхъ цѣною крови почтальоновъ и полицейскихъ стражниковъ. Но что такое кровь почтальоновъ и стражниковъ передъ святою цѣлью борьбы съ проклятымъ самодержавіемъ, борьбы требующей денегъ, денегъ и денегъ?...

Одно изготовленіе бомбъ чего стоитъ! Химическіе продукты дьявольски дороги!

Но горизонтъ Болтуця не всегда былъ ясно—безоблачнымъ. Порою онъ затуманивался темными тучами. Активный революціонеръ всегда долженъ быть готовъ къ «переменѣ погоды».

Однажды Болтуць «влипъ» и очутился въ тюрьмѣ.

Ему предложили на выборъ одно изъ двухъ: прогулка на нѣсколько лѣтъ въ сибирскія тундры, гдѣ нѣтъ ни ресторановъ, ни дѣвицъ въ шелковыхъ чулкахъ, либо онъ сдѣлается агентомъ варшавскаго охраннаго отдѣленія и будетъ освѣдомлять обо всемъ, что увидитъ и узнаетъ среди «своихъ».

Безъ колебаній и сомнѣній сдѣлался Болтуць агентомъ полковника въ голубомъ мундирѣ.

Да и самъ Дзюкъ, буравя своего любимца маленькими, острыми глазами изъ-подъ пучковатыхъ

бровей и теребя жесткіе усы благословилъ его на эту двойную игру.

— Всегда необходимо имѣть своихъ людей въ станѣ враговъ. Ты будешь откровенничать съ ними въ установленныхъ мною границахъ. Этимъ жандармскимъ шакаламъ, чтобы они больше вѣрили, всегда можно швырнуть, какъ подачку, третьестепенную падаля, то, что на жаргонѣ русской каторги называется «шпаною», — пояснилъ Дзюкъ, отвѣдавшій за свои злодѣянія русской каторги, послѣ чего возненавидѣлъ Россію лютой звѣриной ненавистью.

— Шпана всегда найдется, — отвѣчалъ Болтуць, — по моему, даже слѣдуетъ время отъ времени выдергивать никчемную сорную траву, чтобы настоящіе революціонеры могли свободнѣе работать.

— Но запомни! — предостерегалъ Дзюкъ, — если ты когда-нибудь перейдешь границы дозволеннаго, польстившись на деньги, или я тамъ не знаю на что, — берегись! Ты можешь играть головами только тѣхъ, кого я самъ укажу.

— Комендантъ не вѣритъ мнѣ? — обидѣлся Болтуць.

— Я никому не вѣрю! Всѣ мерзавцы! И правые и лѣвые... Всѣ! Мерзавцы и... — Тутъ Дзюкъ уронилъ изъ-подъ усовъ одно изъ тѣхъ словечекъ, на которыя онъ былъ великій мастеръ и до которыхъ былъ большой охотникъ.

Такимъ языкомъ говорилъ онъ почти со всѣми въ своей партіи, ибо всѣхъ считалъ не только ниже себя, а мерзавцами. Исключенія дѣлались для очень немногихъ. Однимъ изъ этихъ немногихъ былъ писатель Станишевскій, маленькій, съ подслѣповатыми глазками гномикъ, подобно Дзюку имѣвшій и каторжный и тюремный стажъ.

Его Дзюкъ уважалъ за «талантъ».

Болтуць парнемъ робкаго десятка не былъ, но отъ угрозы Дзюка повѣяло на него жутью. Онъ зналъ, что Дзюкъ больше дѣлаетъ, чѣмъ общается.

Зналъ, что Дзюкъ собственноручно убилъ двухъ партійныхъ работниковъ, уличенныхъ въ измѣнѣ революціи.

«Быкъ въ пенснэ» зналъ все это и боялся сгорбленнаго, физически слабаго «коменданта», котораго однимъ щелчкомъ могъ бы перешибить пополамъ.

Страхъ передъ Дзюкомъ удерживалъ Болтуця отъ измѣны. Въ сущности, въ высокой степени было ему наплевать на революцію. Еслибы ему хорошо заплатили, онъ со спокойной совѣстью—если только была у него совѣсть,—предалъ бы всю такъ называемую «головку», всю революціонную аристократію, ибо и въ революціи имѣется своя аристократія, до того кастовая, то того привилегированная — пожалуй, больше нигдѣ такой нѣтъ!

Дзюкъ, напримѣръ? Это ли не монархъ, некоронированный монархъ всего подполья, всѣхъ десяти Привисленскихъ губерній? Да и не только этихъ губерній. Власть его — и какая еще! — простиралась на всѣ тайныя организации и на Волыни и на Кіевщинѣ и въ Сѣверо-западномъ краѣ и въ Галиціи. Ему подчинялись польскія революціонныя ячейки Парижа, Лондона, Рима, Швейцаріи.

Болтуць никогда не посмѣлъ бы играть нечесанной, всклокоченной головой Дзюка и выдать его, не посмѣлъ бы, но не разъ чисто академически прикидывалъ, сколько онъ могъ бы получить за эту голову?..

Но только и оставалось мечтать. Волей-неволей приходилось быть «честнымъ», слѣпо дѣйствовать по указкѣ Дзюка и выдавать «жандармскимъ пакаламъ» третьестепенную падаль, или, какъ называлъ ее Дзюкъ, — «шпану».

2. Революціонеръ и жандармъ.

Варшава. 1910 годъ. Весна. Холодная, дождливая весна, похожая на осень. На берегахъ Вислы такая весна — не рѣдкость.

Косой, мелкій дождь. Заплаканныя стекла газовыхъ фонарей. Дрожащіе огоньки въ зыблящихся лужахъ. Вечеръ, когда не тянетъ на улицу... Налевки — шумный еврейскій кварталъ, днемъ густо кишашій толпою, — вымеръ.

Маячатъ одинокія фигуры. Дремлетъ, а можетъ быть, и не дремлетъ, на своемъ посту городской въ шинели. А поверхъ шинели кудая, непромокаемая накидка. По ней струйками сбѣгаетъ дождь. Мимо городского, хлюпая по грязи, проходитъ мужчина въ надвинутой на глаза кепкѣ и съ поднятымъ воротникомъ пальто. Кепка скрываетъ верхнюю половину лица, воротникъ — нижнюю. Видны, да и то неясно, кончикъ носа и жесткіе усы.

Человѣкъ опирается на толстую палку, почти дубинку. Этотъ человѣкъ — Дзюкъ.

Ему смѣшно: его ищутъ не тамъ, гдѣ надо. Ищутъ гдѣ-то въ Кѣлецкой губерніи, а онъ въ Варшавѣ. О, если бы этотъ сонный городской зналъ, кто проходитъ мимо него? А если-бы даже и зналъ? Такихъ встрѣчъ одинъ на одинъ закаленный въ конспираціи Дзюкъ не боится. Въ лѣвой рукѣ у него палка, пальцы правой сжимаютъ готовый ко всякимъ случайностямъ револьверъ...

Дзюкъ входитъ въ зіяющій въ деревянныхъ воротахъ прямоугольникъ. Сначала липкій отъ грязи помостъ, дальше камни двора, стиснутаго флигелями. Потомъ еще дворъ и полусвѣщенная лѣстница, пахнувшая котами, помоями и еще чѣмъ-то кислымъ.

Поднявшись въ четвертый этажъ, Дзюкъ трижды стукнулъ палкою въ дверь.

Поднявшись въ четвертый этажъ, Дзюкъ трижды стукнулъ палкою въ дверь.

Кто-то завозился, взвизгнулъ ключъ, зашуршала цѣпочка, и Дзюкъ увидѣлъ маленькаго борода-таго гнома. Заморгали подслѣповатыя глазки. Осторожный попотъ:

— А, комендантъ!..

«Комендантъ» прошелъ черезъ кухню въ ком-

нату, обставленную по мѣщански, съ геранью на окнахъ, съ вязанными салфеточками и увеличенными фотографіями на стѣнахъ.

Въ этой комнатѣ Дзюка встрѣтилъ одѣтый щеголемъ дурного тона Болтуць и угодливо началъ стаскивать съ сутулой фигуры коменданта мокрое пальто.

Австрійской блузой и штанами, заправленными въ желтыя, забрызганныя грязью кожаные гетры при черныхъ ботинкахъ, Дзюкъ хотѣлъ придать себѣ военный видъ. И усѣвшись, раздвинулъ ноги и скрестивъ пальцы на своей дубинѣ, такъ это сдѣлалъ, какъ если-бы опирался на саблю.

Тоже показательная черточка польскаго революціонера: въ то время, какъ русскіе революціонеры презираютъ «военщину», едва ли не каждый польскій бомбистъ чувствуетъ себя въ душѣ генераломъ.

Да и почему бы не такъ? Развѣ не одержалъ онъ цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ? И далеко не безкровныхъ надъ царскимъ казначействомъ, банками, почтовыми поѣздами? Это пока.. А впереди, почему знать, какія головокружительныя перспективы?..

Да что Дзюкъ,—бывавшій въ передѣлкахъ террористическій волкъ! Даже Станишевскій, этотъ писатель, никогда не бросившій ни одной бомбы, не убившій ни одного полицейскаго, даже онъ, размечтавшись, видѣлъ себя гарцующимъ на конѣ въ лихо заломленной конфидераткѣ и съ кривой саблей у пояса. Даже этотъ глубоко-штатскій гномъ бредилъ военной формой..

Болтуць и Станишевскій ждали, что скажетъ Дзюкъ, не любившій, чтобы къ нему обращались съ вопросомъ, пока онъ не заговоритъ первый. Это ли не генеральство?

И онъ заговорилъ:

— Болтуць, надо покончить съ Вонсяцкимъ!..

— Какъ это покончить?—сорвалось у Болтуця, ошеломленнаго, неподготовленнаго. И онъ даже

снялъ пенснэ съ пуговики носа, отчего лицо его стало еще болѣе животнымъ, вульгарнымъ, а сходство съ быкомъ стало еще разительнѣе.

Жестокая усмѣшка скользнула по морщинистому, сухому лицу Дзюка:

— Наивный младенецъ, что-ли? Какъ? это ужъ твое дѣло... Какъ? Ты можешь его застрѣлить, заколотъ стилетомъ... Можешь, наконецъ, задушить. Руки то у тебя, какъ у гориллы...

Болтуцъ, уже сквозь стекла пенснэ невольно поглядѣлъ на свои не по росту длинныя руки съ узловатыми пальцами. Этими пальцами онъ гнулъ серебряныя десятикопеечныя монеты...

Станишевскій давно зналъ коменданта, зналъ, что комендантъ въ борьбѣ съ политическими врагами своими прямолинейно жестокъ, рѣшителенъ и неумолимъ, но и Станишевскій, какъ и Болтуцъ, ошеломленъ былъ требованіемъ убить Вонсяцкаго. Именно Вонсяцкаго! Будь это другой какой-нибудь жандармскій офицеръ, приговоръ встрѣчевъ былъ-бы совсѣмъ иначе.

Но, Вонсяцкій, Вонсяцкій?..

Хотя полковникъ Вонсяцкій въ теченіе многихъ лѣтъ съ усѣхомъ подавлялъ революціонное движеніе, но, какъ это ни странно звучитъ онъ пользовался симпатіями революціонеровъ. Они видѣли въ немъ не карьериста-чиновника въ голубомъ мундирѣ, а человѣка долга, человѣка, искренно любящаго Россію, и менѣе всего думающаго о повышеніяхъ и отличіяхъ.

На дняхъ еще, сидя въ этой самой квартирѣ, въ этомъ же самомъ креслѣ, и такъ же опираясь на дубину свою, какъ если-бы это былъ эфесъ кавалерійской сабли говорилъ Дзюкъ о Вонсяцкомъ?

— Въ десятомъ бастионѣ цитадели я былъ его узникомъ. Онъ, такъ сказать, завѣдывалъ нами. И вотъ впервые, къ удивленію своему, разглядѣлъ я въ русскомъ жандармѣ — человѣка. Настоящаго чловѣка! И вѣжливость Вонсяцкаго была не холодно-оскорбительная, жандармская, а именно че-

ловѣческая. И за это я готовъ былъ его возненавидѣть. больше чѣмъ послѣдняго изъ мерзавцевъ. Вы понимаете, это чувство росло по мѣрѣ того, что я видѣлъ, какъ онъ завоевывалъ уваженіе политическихъ. Эге, думалъ я, такіе честные жандармы, какъ ты, опаснѣе обыкновенныхъ. Противъ обыкновенныхъ легко фантазировать и партійныхъ людей и населеніе, вообще. Одинъ пьетъ, другой тупо жестоко, третій ради чина и ордена создаетъ дѣло изъ ничего и шлетъ въ тюрьму невинныхъ, четвертый, какъ лакей, угодливо прислушивается къ высшему начальству. Пятаго, наконецъ можно купить. Вонсяцкій же неуязвимъ! Помните вы дѣло Фанни Гартманъ, когда въ Маріамполѣ Вонсяцкій произвелъ у нея обыскъ и нашелъ бумаги — это была сенсация! — бумаги, компрометирующія министра финансовъ Витте. Всякій другой на его мѣстѣ, испугавшись этихъ ниточекъ, ведущихъ такъ высоко, дорожи карьерой, замялъ бы весь этотъ скандалъ, Вонсяцкій же не замялъ! Больше: изъ Петербурга надавили на него и какъ надавили! Прекращай, молъ, все! ликвидируй! — Онъ въ отвѣтъ пригрозилъ отставкой... Его съ повышеніемъ перевели въ Сибирь. А цѣлый рядъ покушеній? А адская машина, разворотившая все кругомъ, когда онъ уцѣлѣлъ прямо чудомъ? Другой послѣ такихъ «предостереженій» сидѣлъ бы тихо, не рыпаясь, только бы удержать голову на плечахъ. Этотъ же, этомъ развиваетъ все большую и большую активность. Ему тѣсно въ провинціи. Въ немъ что-то диктаторское. Если-бы царь Николай умѣлъ выбирать людей, если-бы не заправляла всѣмъ дворцовая камарилья, — вотъ для Россіи министръ внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто трусливыхъ бездарностей типа Горемыкиныхъ, Булыгиныхъ и Сипягиныхъ.

Такъ говорилъ Дзюкъ нѣсколько дней назадъ. А въ этотъ дождливый вечеръ отдалъ приказъ Болтюцю покончить съ Вонсяцкимъ и замолчалъ... И вытягивалась пауза, и слышно было, какъ уда-

ряли въ окно дождевыя капли. Мигаль. точно жало гадюги, раздвоенный язычекъ керосиновой лампы...

Станишевскій, поглаживая густую бороду свою, моргаль подслѣповатыми глазками Болтуць сопѣль отъ волненія, сопѣль пуговкою вздернутаго носа и наливалось кровью лицо, ставовясь еще шире.

Дзюкъ продолжалъ:

— Лично я цѣню сильныхъ и честныхъ враговъ. Теоритически воздаю имъ должное. Практически же считаю ихъ очень опасными для нашего дѣла и посему подлежащимся уничтоженію. Дайте Вонсяцкому еще два-три года, и онъ задавить революціонное движеніе во всей Польшѣ. Такъ 'задавить, — на сѣмена ничего не останется! Готовься-же, Болтуць! Ты долженъ быть гордъ и счастливъ. Завидная миссія возлагается на тебя. Изъ поручиковъ революціи ты сразу выскочишь въ генералы. Наполеонъ и тотъ не прыгалъ такъ сразу — усмѣхнулся Дзюкъ, и дрогнули его жесткіе, закрывавшіе губы усы.

Болтуць хотѣлъ отвѣтити усмѣшкой же, но 'не могъ. Лицевые мускулы не повиновались.

Легко шутить Дзюку! А ему, Балтуцю, совсѣмъ не до шутокъ! Онъ обжился въ Варшавѣ, обжился припѣваючи. Завелись кой-какія интрижки и, не угодно-ли — новая авантюра, на которой можно сломать себѣ шею. На лучшій конецъ бѣгство, скитанія, на худшій — висѣлица и если даже не висѣлица, то многолѣтняя каторга со всѣми ея прелестями.

А послушаться нельзя. Если Болтуць не убьетъ Вонсяцкаго, то Дзюкъ убьетъ Балтуця. ; Или, или... Третьяго выхода нѣтъ!

Хотя... хотя... Есть, пожалуй. Что-то папряженно лихорадочное работало подъ низкимъ, скошеннымъ лбомъ.

Есть еще и третій выходъ: однимъ ударомъ снести всю головку. Вмѣстѣ съ Дзюкомъ предать ее тому-же Вонсяцкому. А дальше что? Жизнь

травимаго звѣря подѣ фальшивымъ паспортомъ и, ни одной минуты покоя...

И Болтуцъ изъ краснаго сталъ багровымъ и даже потъ выступилъ на лбу и на кончикѣ носа...

Тяжело перевелъ духъ.

А Дзюкъ, угадывая происходившее въ немъ, сощуривъ одинъ глазъ, погрозилъ ему пальцемъ.

— Не вертись. Не отвертисься! Разъ пошелъ въ революцію, будь готовъ къ подвигу. На нашемъ пути гораздо больше колючихъ шиповъ, чѣмъ розъ, — и, повернувшись къ писателю, Дзюкъ съ улыбкой спросилъ: — Не такъ ли, дорогой Воцлавчикъ?

— Комендантъ правъ! — покорно отозвался Вацлавчикъ.

— А что-же, что со мной будетъ?

— Съ тобой? — пожавъ плечами переспросилъ Дзюкъ. — Если работа будетъ чистая, мы тебя перебросимъ въ Австрію, въ Краковъ, гдѣ у насъ много друзей. Но даже и въ случаѣ неуспѣха, я тебя не оставляю. Мнѣ случалось спасать людей накануне разстрѣла и висѣлицы.

«Плохое утѣшеніе», подумалъ Болтуцъ, но ничего не отвѣтилъ.

3. Полковникъ Вонсяцкій.

Положеніе русскаго жандарма было невиносимо трагическое. Революціонное подполье ненавидѣло его и охотилось за его головою. Широкіе же круги общества, не только нереволуціонные, а чуть чуть развѣ лишь тронутые либерализмомъ относились къ жандармскому мундиру — не скажешь, гдѣ кончалась беззгливость и начиналось презрѣніе.

Эти «общественные круги» безжалостно оклеветали русскаго офицера и еще суровѣе оклеветали русскаго жандарма. Подобно тому, какъ пу-

щено было: «Почему генераль носить пальто на красной подкладкѣ?» «Потому, что дуракъ красному радъ», — такъ ходячею фразою было и про жандармскій корпусъ, что въ него устремляются отбросы офицерства, не могущіе удержаться въ полкахъ въ силу низкихъ моральныхъ качествъ своихъ. Такъ ли это было? Совсѣмъ не такъ, особенно въ началѣ, когда неизвѣстно было отношеніе «общественности» къ молодому корпусу жандармовъ. Надѣвали голубой мундиръ не отбросы полковъ, а тѣ, кого не удовлетворяла военная служба мирнаго времени, служба въ малыхъ чинахъ, съ малымъ горизонтомъ, съ малыми возможностями.

Въ жандармы шли авантюристы въ лучшемъ значеніи слова, искавшіе новыхъ впечатлѣній, искавшіе живой и кипучей дѣятельности и съ ними шли офицеры, любящіе Родину, идейные борцы съ бунтарскимъ началомъ, грозившимъ Россіи большими потрясеніями.

Будь корпусъ прибѣжищемъ никуда не годныхъ отбросовъ, онъ не далъ бы пѣлой плеяды умныхъ, образованныхъ жандармскихъ офицеровъ, близкихъ къ искусству и литературѣ, не только платонически, но и причастныхъ къ тому и другому.

Жандармскій полковникъ Львовъ, создалъ непревзойденной красоты гимнъ «Боже Царя храни!» Жандармскій полковникъ Вилье - де - Лиль - Аданъ имѣлъ европейское имя одного изъ талантливѣйшихъ художниковъ-акварелистовъ. И было еще много второстепенныхъ музыкантовъ, композиторовъ, поэтовъ и писателей, носившихъ этотъ «ужасный», этотъ «зачумленный» голубой мундиръ. А такая фаланга государственно - мыслившихъ жандармовъ, какъ генералы Спиридовичъ, Герасимовъ, Заварзинъ?..

Принимать жандармовъ въ гостиныхъ считалось дурнымъ тономъ. Даже въ домахъ менѣе всего съ лѣвымъ уклономъ. Передъ офицеромъ,

ушедшимъ въ жандармы навсегда закрывалась дверь въ собраніе его полка, будь это гвардія, будь это армія, все равно.

Требовалось наличіе крѣпкихъ нервовъ, сильной воли и вѣры въ себя и свое дѣло, чтобы не обращать вниманія на этотъ остракизмъ, часто переходящій въ подлинную травлю. Многіе жандармы постепенно замыкались въ себѣ и, озлобляясь, становились сухими, жесткими. И на внѣшность ихъ мало по малу накладывалась печать чего-то непріятнаго и отталкивающе-надменнаго.

Пожалуй, не многимъ и убѣжденнымъ и сильнымъ удавалось сохранить спокойную ясность и подняться надъ этими удушливыми газами ненависти, вражды и презрѣнія.

Однимъ изъ такихъ немногихъ былъ полковникъ Андрей Николаевичъ Вонсяцкій. То, что другихъ преждевременно старило, дѣлая раздражительными, невыносимыми, желчными не касалось его, и въ свои сорокъ восемь лѣтъ онъ сохранилъ благородное достоинство, сохранилъ здоровый цвѣтъ лица и спокойный открытый взглядъ большихъ голубыхъ глазъ. Онъ говорилъ въ назиданіе и въ утѣшеніе тѣмъ изъ своихъ сослуживцевъ, кто сгибался подъ тяжестью всего того, что не могло ни согнуть, ни надломить его самого:

— Я понимаю тѣхъ изъ насъ, кто, видя во кругъ себя пустоту, чувствуя себя какими-то прокаженными, ищутъ забвенья въ картахъ, въ винѣ, въ любовныхъ утѣхахъ, или становятся брызгами и мизантропами. Но это удѣлъ слабыхъ, это уже малодушіе. Правда, нельзя требовать отъ всѣхъ героизма, но нѣкоторой доли подвижничества, я сказалъ-бы подвижничества во имя родины — можно! Пусть насъ, жандармовъ не принимаютъ въ офицерскихъ собраніяхъ, пусть либеральничашіе губернаторы и прокуроры съ тайной брезгливостью жмутъ намъ руки. Пусть! Это ихъ дѣло! Вѣрнѣе, ихъ совѣсти и также недомыслія. Пусть! Мы же смѣло, честно, безтрепетно будемъ идти

къ своей великой цѣли. Эта цѣль — сохраненіе порядка въ Имперіи. Недопущеніе такихъ взрывовъ, когда наускиваемая интеллигенціей чернь развѣшиваетъ на фонаряхъ губернаторовъ и прокуроровъ, а съ избитыхъ, окровавленныхъ офицеровъ, улюлюкая, срываетъ погоны... 1905 годъ былъ первымъ предостереженіемъ, генеральной репетиціей, за которой можетъ воспослѣдовать уже спектакль-галя. Своимъ отношеніемъ къ жандармамъ общество въ концѣ концовъ можетъ добиться, что въ корпусъ пойдутъ лишь тѣ, кому некуда больше дѣваться. А лучшіе идейные офицеры, не желая быть заплеванными и, фигурально выражаясь, «лишенными огня и воды», не рѣшатся надѣть голубой мундиръ, столь дружно забрасываемый грязью. И вотъ, когда моральный и дѣйствительный уровень корпуса понизится, наполнившись безпринципными людьми, — только бы получать относительно крупное жалованье — тогда революція смѣло подниметъ голову и не дай Богъ, какіе грозные, кровавые встанутъ призраки!..

Вонсяцкій проповѣдуя подвижничество, иллюстрировалъ его своимъ же собственнымъ примѣромъ. Министры внутреннихъ дѣлъ звали его состоять при своихъ особахъ, — постъ заманчивый, безопасный и такой на виду, въ столицѣ. Но Вонсяцкій твердо отклонялъ эти назначенія, доказывая, что его активная работа въ провинціи много полезнѣе и осязательнѣе.

И онъ занимался въ своемъ правленіи, отдыхалъ въ своей семьѣ. Онъ былъ вѣрующимъ человекомъ, но религіозность его не была показной, съ выстаиваньемъ службъ въ церкви на лучшемъ мѣстѣ. Вѣра его была такою же непоказной и скромной, какъ и онъ самъ, этотъ полковникъ блестящихъ и внутреннихъ и внѣшнихъ качествъ.

Его смѣлость и отвага внушали уваженіе даже такимъ смертельнымъ политическимъ врагамъ, какъ Дзюкъ.

Въ 1905 году, когда на улицахъ Варшавы сви-

рѣшительнѣе революціонный терроръ, когда генералъ-губернаторъ былъ добровольнымъ плѣнникомъ своего замка и лишь въ случаяхъ крайней необходимости выѣзжалъ густо оцѣпленный конвоемъ, когда, что ни день, подстрѣливали жандармовъ и полицейскихъ, въ любое время можно было видѣть красиваго, представительнаго полковника одного, безъ всякой охраны. И это уже послѣ нѣсколькихъ остервенѣлыхъ покушеній,

Дзюкъ въ бесѣдѣ съ Болтуцемъ и Станишевскимъ отмѣтилъ въ Вонсяцкомъ отсутствіе чиновничьяго карьеризма. Дѣйствительно, Вонсяцкій терпѣть не могъ дешевыхъ лавровъ, стяжаемыхъ путемъ раздуванія «липовыхъ» дѣлъ.

Однажды Болтуцъ, слѣдуя приказу коменданта жертвовать «шпаню» донесъ Вонсяцкому, что въ партію социалистовъ революціонеровъ вступила Богуславская, дочь извѣстнаго директора банка, и на квартирѣ у нея имѣется кой-какая «литература».

Вонсяцкій, не полагаясь на Болтуца навелъ справки черезъ другого агента и узналъ, что Богуславская просто-на просто экспансивная дѣвица, увлекающаяся не столько революціей, сколько сочиненіями Станишевскаго и его талантомъ.

Однако, необходимо было произвести обыскъ. О дѣлѣ Богуславской донесли Утгофу, прямому начальству Вонсяцкаго.

Вонсяцкій вызвалъ къ себѣ отца экзальтированной дѣвицы.

— Вотъ что, господинъ Богуславскій. Ваша дочь держитъ у себя нелегальную литературу. По долгу службы я произведу завтра ночью у васъ квартирѣ обыскъ. Поняли?

Богуславскій «понялъ» и, растроганный, не зналъ, какъ благодарить полковника. Конечно, вся агитаціонная дрянь была выкинута и обыскъ не далъ никакихъ результатовъ. Проболтался ли обезумѣвшій отъ радости отецъ, или какъ-нибудь иначе, но только исторія съ обыскомъ не осталась для Утгофа тайной. Онъ донесъ министру внутрен-

нихъ дѣлъ Столыпину о противозаконныхъ дѣйствіяхъ полковника Вонсяцкаго. Столыпинъ, лично знавшій и цѣнившій Вонсяцкаго, телеграммой вызвалъ его въ Петербургъ для объясненій:

— Полковникъ. вѣрно-ли все то, что сообщаетъ мнѣ генераль Утгофъ?

— Вѣрно, ваше высокопревосходительство...

— Что вы скажете въ свое оправданіе?

— Скажу слѣдующее: считалъ бы вредною для нашего дѣла ошибкою «найти» литературу у Богуславской. Эта молодая дѣвушка такая же революціонерка, какъ и я съ вами, ваше высокопревосходительство. Если бы ее посадили въ тюрьму, или выслали административно, было бы зря загублена молодая жизнь. А, главное, тамъ въ тюрьмѣ, или въ ссылкѣ распропагандировали бы ее по настоящему и революціонные кадры пополнились бы озлобленной нафанатизированной активисткой. Такъ было бы, дѣйствуй я «по закону». А теперь дѣвица Богуславская отослана родителями въ одинъ изъ краковскихъ монастырей, гдѣ она закончитъ уже не социалистическое, а душеспасительное свое образованіе. Вотъ и все. Больше ничего не имѣю добавить.

Столыпинъ въ отвѣтъ крѣпко пожалъ ему руку.

— Полковникъ Вонсяцкій, побольше бы такихъ жандармскихъ офицеровъ, какъ вы! Побольше-бы такихъ «беззаконниковъ», и я былъ бы спокоенъ за судьбы Россіи..

4. Болтуць виляетъ, Болтуць рѣшился.

Только теперь увидѣлъ Болтуць, въ какихъ желѣзныхъ тискахъ очутился. Да, путь революціонера усыпанъ не только розами. Много, слишкомъ много шиповъ!...

Болтуця эти шипы начали донимать съ того дождливаго вечера въ мѣщански обставленной квартирѣ, когда Дзюкъ потребоваль отъ него голову полковника Вансяцкаго.

Болтуць медлилѣ. Дзюкъ насѣдалѣ, торопилѣ. Болтуць тянулѣ, какъ могъ, выискивалѣ отговорки, подчасъ такія наивныя и для него самого и въ особенности для террористическаго волкодава, какъ Дзюкъ.

— Комендантъ знаетъ, что у него семья, что у него сынъ мальчикъ?

— Такъ тебѣ жаль этого мальчика? Какой сентиментальный юноша выискался! Да ты съ холодной кровью своихъ собственныхъ отца и мать зарѣжешь. Я самъ знаю, что у полицейскихъ и у жандармовъ есть семьи, но это не должно останавливать карающій мечъ революціи. Если путь къ свободѣ лежитъ черезъ трупы душителей свободы, мы должны быть неумолимы!...

Болтуць все отвиливалѣ отъ исполненія возложенной на него миссіи. Увиливалѣ изъ соображеній, конечно, меньше всего човѣкълюбиваго свойства. Кромѣ Вансяцкаго, онъ попалъ еще и въ освѣдомители къ генералу Утгофу. Объ этомъ Дзюкъ ничго не зналъ. Матеріально Болтуць катался, какъ сыръ въ маслѣ, и мѣнять безпечальное житѣе свое на полную тревоги неизвѣстность, не было никакого желанія.

Даже перспектива выскочить въ генералы отъ революціи ничуть не зажигала его террористическій пылъ.

Онъ вспоминалъ услышанное отъ кого-то и когда-то.

— Лучше быть живой собакой, чѣмъ мертвымъ львомъ.

Такъ и онъ, предпочиталъ на вѣки вѣчныя остаться революціоннымъ поручикомъ, нежели генераломъ маячить на висѣлицѣ. А если даже и не висѣлица, то голодать въ скучномъ и тихомъ Краковѣ, гдѣ жизнь замираетъ уже въ девять ве-

вчера, тоже не Богъ вѣсть какое удовольствіе. Такъ, всѣми правдами и неправдами дотянуль Болтуць до лѣта. Можно было дотянуть, ибо Дзюкъ отлучался нѣсколько разъ изъ Варшавы. Отлучки были продолжительныя, и временно тиски разжимались.

Уже лѣто. Уже цвѣли каштаны въ Саксонскомъ саду и Уяздовскихъ аллеяхъ.

Нежданно негаданно свалился Дзюкъ, успѣвшій побывать въ Австріи и въ Швейцаріи.

— Болтуць, даю тебѣ трехдневный срокъ. Вонсяцкій получаетъ Кіевское жандамское управленіе и можетъ уѣхать въ любой моментъ. Болтуць, ты меня знаешь! я не кидаю словъ на вѣтеръ. Если ты дашь ему уѣхать, то тоже уѣдешь, но уже не вмѣстѣ съ нимъ, а на тотъ свѣтъ прямымъ, безпересядочнымъ сообщеніемъ.

Болтуць ощущалъ во всемъ тѣлѣ испарину, не могъ смотрѣть въ глаза Дзюку. Въ эти маленькіе глаза, такъ рѣшительно и холодно угнѣздившіеся подъ пучками бровей, бровей «запятыхъ».

Дзюкъ былъ вѣрно освѣдомленъ. Въ самомъ дѣлѣ, Вонсяцкій назначенъ былъ въ Кіевъ съ крупнымъ, завиднымъ повышеніемъ.

Теперь уже Болтуць не колебался. Надо спасти свою собственную шкуру. Лучше неизвѣстность, чѣмъ быть продырявленнымъ пулею Дзюка.

Болтуць смотрѣлъ на Вонсяцкаго, какъ на обреченнаго. И это казалось ему неизбѣжнымъ и страннымъ. Неизбѣжнымъ, потому что уже теперь всѣ пути отступленія отрѣзаны, а страннымъ, потому что уже не только дни, а и часы этого представительнаго, съ породистымъ лицомъ полковника сочтены. Да, странно: такой цвѣтушій, впереди еще такъ много и вдругъ небытіе, мракъ... И эта видная фигура въ форменномъ нѣжно сиреневаго цвѣта пальто съ серебряными погонами исчезнетъ навсегда съ поверхности земли. Не останется ничего! Останется лишь вдова съ поху-

дѣвѣшимъ, исплаканнымъ лицомъ и мальчикъ, прелестный мальчикъ, съ такими же голубыми, какъ и у отца, глазами.

Животный страхъ передъ Дзюкомъ,—это очень много, но это еще не все для расправы съ Вонсяцкимъ. Быкъ въ пенснѣ еще искусственно прививалъ себѣ ненависть къ полковнику, гипнотизировалъ себя этой ненавистью.

Болтуць пытался убѣдить себя, что онъ, Болтуць, дѣйствительно партизанъ социалистической свободы, вообще, и освобожденія Польши въ частности. На пути къ этимъ свободамъ, выросъ полковникъ въ голубомъ мундирѣ и этого полковника необходимо убить.

Такъ-же внушалъ онъ себѣ, что Дзюкъ—одинъ изъ величайшихъ вождей революціи всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ. Слово такого вождя—законъ, и повиновеніе должно быть слѣпое.

Не онъ ли Дзюкъ, страдалъ въ глубокихъ снѣгахъ Сибири и желѣзные кандалы обмерзали на его рукахъ и ногахъ?

Пусть «обмерзающія кандалы» были романтической легендой, но Болтуцю необходима была эта легенда, въ которую онъ самъ не вѣрилъ.

А дальше... Кто другой на мѣстѣ Дзюка поступилъ бы такъ и, главное, такъ преуспѣлъ бы?

Въ дни Манжурской войны Дзюкъ поѣхалъ въ Японію, получилъ аудіенцію у самаго микадо и получилъ довольно крупную сумму денегъ на организацію въ Швейцаріи военной академіи, гдѣ могли бы обучаться поляки, желающіе вырвать изъ когтей русскаго двуглаваго орла свою отчизну, И для этой академіи Дзюкъ просилъ японскихъ офицеровъ-инструкторовъ, каковыхъ получилъ вмѣстѣ съ субсидіей.

Дзюкъ объяснилъ такъ:

— Великой европейской войны не избѣжать. Она виситъ въ воздухѣ. И вотъ, когда она грянетъ, кадры польскаго офицерства должны быть готовы стать въ ряды тѣхъ, кто пойдетъ на Россію...

И швейцарская академія съ маленькими желтыми профессорами пополнялась недоучившимися студентами изъ Львова и Кракова, юными коммивояжерами, безталанными живописцами и парикмахерами, всѣми тѣми, для кого Дзюкъ былъ кумиромъ и кому онъ заманчиво сулилъ генеральскіе эполеты въ будущей независимой Польшѣ... Возсоздавая эти картины, Болтуць увѣрялъ себя, что по одному движенію Дзюковыхъ бровей-запятыхъ, готовъ пожертвовать не только Вонсяцкимъ, а чудовищными гекатомбами изъ сотенъ и тысячъ русскихъ жандармовъ.

Воспитывая себя на ненависти къ полковнику, Болтуць уже не прощалъ ему ни его барской внѣшности, ни его благородства, ни безъ малаго тысячелѣтняго дворянства, не прощалъ всего того, чего онъ самъ былъ такъ безнадежно лишенъ, хотя и носилъ перстень съ гербомъ и считалъ себя неотразимымъ красавцемъ.

И, готовясь къ убійству, Болтуць сгущалъ свое подобострастное отношеніе къ Вонсяцкому. Онъ все чаще и чаще называлъ себя «униженнымъ слугою «пана пулковника». И, дѣйствительно, такъ унижался, что лишь строго недоумѣвающій взглядъ Вонсяцкаго обрывалъ потокъ приторной лести.

— Я такъ люблю пана пулковника!—разсыпался Болтуць, —что готовъ слѣдовать за нимъ хотя на край свѣта! И если бы пана пулковника перевели изъ Варшавы, я не зналъ бы, что мнѣ дѣлать? И на кого я остался-бы? Кажется, пѣшкомъ побѣждалъ бы за поѣздомъ!

Игралъ эту комедію Болтуць такъ рьяно и такъ входилъ въ роль, даже въ потъ бросало его и, вынувъ крѣпко надушенный какой-то дрянью платокъ, онъ обтиралъ и лобъ и лицо.

Вонсяцкій замѣчалъ съ легкой гримасой:

— Чѣмъ это вы душитесь?

А Болтуць не упускалъ случая взвинтить себя:

— А, тебѣ не нравятся мои духи? Духи мои тебѣ не нравятся? погоди-же, скоро ты перестанешь ихъ нюхать...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1. Была смерть, стала жизнь.

Въ лѣтній, жаркій, полный истомы день, когда ласточки низко летаютъ надъ водою, генералъ Слащевъ со своей дивизіей выгналъ красныхъ изъ Николаева, и занялъ этотъ большой приморскій городъ съ своей дивизіей.

Эта дивизія не насчитывала и двухъ тысячъ штыковъ, имѣя вчетверо сильнѣйшаго противника.

Но въ гражданской войнѣ количество бойцовъ занимаетъ, если и не послѣднее мѣсто, то ужъ никакъ не первое, и не количествомъ дается побѣда, а умѣемъ драться, смѣлостью и порывомъ. Добавимъ, что значительную часть своей «дивизіи» Слащевъ бросилъ на Херсонъ, а Николаевъ брали вѣскольکو сотъ человѣкъ.

Обрушились бѣлые такъ стремительно, красные, отступая не успѣли взорвать мостъ на Дняпрѣ, великолѣпный мостъ, металлическимъ кружевомъ повисшій надъ великой рѣкой.

Отборныя коммунистическія части изъ матросовъ, изъ красныхъ курсантовъ и фанатиковъ—рабочихъ пытались задержать наступавшія бѣлыя цѣпи.

А впереди цѣпей—нигдѣ, кромѣ гражданской войны этого не увидишь—самъ Слащевъ вмѣстѣ со своимъ штабомъ, со своей контръ — развѣдкой, со своимъ конвоемъ. И у всѣхъ, начиная съ генерала, винтовки!

Въ яркомъ блескѣ солнечнаго дня эта группа была красочной, эффектной картиною.

Красочнѣй и эффектнѣй всѣхъ былъ самъ Слащевъ, съ бритымъ, мальшески задорнымъ лицомъ, съ дымящейся трубкой въ зубахъ, одѣтый въ фантастическую, имъ же самимъ сочиненную форму.

Бѣлая мѣховая шапка, на подобіе тѣхъ, что носили генералы свиты Его Величества. Бѣлый доломанъ, отороченный бѣлымъ мѣхомъ, на подобіе гусарскаго, но не гусарскій. Защитнаго цвѣта бриджи и мягкіе желтые сапоги безъ шпоръ. Слѣва къ поясу подтянута была кривая азіатская сабля.

Если-бы не шелкающіе сухіе залпы большевицкихъ винтовокъ и не «таканье» большевицкихъ пулеметовъ, безпечная фигура Слащева казалась бы маскарадно—опереточной фигурой.

Но совсѣмъ не по маскарадно—опереточному двигались цѣпи, оставляя на желѣзнодорожномъ полотнѣ и по сторонамъ его убитыхъ и раненыхъ.

Слащевъ высокъ ростомъ, но еще выше—они были рядомъ—герцогъ Лейхтенбергскій, въ кожаной курткѣ съ погонами морского офицера. Начальникъ штаба дивизіи полковникъ Дубяго, маленькій, широкій и плотный, едва поспѣвалъ за шагавшими по журавлиному на своихъ длинныхъ ногахъ Слащевымъ и Лейхтенбергскимъ. И тутъ же офицеры и всадники генеральскаго конвоя въ красныхъ гусарскихъ чахчирахъ.

Выдѣлялся въ этомъ слащевскомъ созвѣздіи стройный и сильный, щеголевато, но строго по формѣ одѣтый, совсѣмъ юный корнетъ съ солдатскимъ Георгіемъ на груди.

Красивое лицо съ чертами классической правильности, лицо рѣдко улыбавшееся,—прекрасные голубые съ поволокою глаза, тоже улыбались рѣдко—затуманено было тихой печалью, особенной печалью безъ возраста.

Этотъ двадцати-лѣтній корнетъ съ профилемъ

Аполлона былъ начальникомъ дивизионной контръ-развѣдки.

Сзади шли пѣхотныя цѣпи, офицеры и солдаты, запыленные, вспотѣвшіе, а сзади пѣхотныхъ цѣпей кавалеристы вели въ поводу своихъ коней, чтобы, если непріятель дрогнетъ, мигомъ очутившись въ сѣдлѣ, гнать и рубить отступающихъ...

Шли смѣло. Шли прямо въ огонь. Этотъ огонь могъ быть убійственнымъ. Шли, вѣря въ счастливую звѣзду человѣка съ трубкою въ зубахъ и въ опереточной формѣ.

Слащевъ, какъ азартный игрокъ — онъ былъ азартенъ во всемъ, — рѣшилъ хватить красныхъ по воображенію.

И хватилъ.

Безумная отвага страннаго, расцвѣченнаго авангарда съ горящимъ на солнцѣ бѣлоснѣжнымъ доломаномъ Слащева и красными чакчирами конная ошеломила матросовъ пулеметчиковъ. Они первые бросились бѣжать, увлекая за собою отборныхъ коммунистическихъ бойцовъ.

И скверкнула на солнцѣ кривая сталь азіатской сабли Слащева, и кавалеристы цѣпко и ловко вскочивъ на коней, выхватывая на галопѣ пашки, съ пронзительнымъ гикомъ устремились на мостъ...

Головоломная атака. Пришлось мчаться по тоненькимъ доскамъ между рельсами двухъ путей. И справа и слѣва желѣзный переплетъ, подъ корымъ тамъ, далеко, внизу несла свои воды рѣка. Лошадь, попавшая въ «пустоту» желѣзнаго переплета, ломала ноги, калѣчилась и калѣчился всадникъ.

Благополучно не обошлось, да и не могло обойтись. Но почти весь эскадронъ изъ черкесовъ, драгунъ и казаковъ прогрохоталъ по деревянной настилкѣ, и разсыпавшись лавою, врѣзался въ безпорядочно бѣгущія большевицкія толпы.

Пока на улицахъ и на окраинахъ шелъ бой, притаившейся городъ выжидалъ. Выжидалъ, чѣмъ это кончится, и кто возметъ верхъ.

Николаевъ такъ привыкъ къ смѣнѣ власти! Кто только не повластвовалъ здѣсь? И «Керенщина», свергшая царя, и свергшіе керенщину большевики, и петлюровцы, и нѣмцы и просто бандиты. Жители съ опаскою и съ оглядкою встрѣчали каждое новое потрясеніе.

Окна всюду были закрыты, а во многихъ домахъ были заперты и ставни. Испуганные блѣдные лица на мгновеніе мелькнувъ у стеколъ такъ же мгновенно исчезали...

И хотя небыло никакого сомнѣнія, хотя мимо мчались машины подъ трехцвѣтнымъ флагомъ и съ офицерами въ погонахъ. хотя уже извѣстно было, что штабъ освободившаго городъ отъ большевиковъ генерала Слащева находится въ гостиницѣ Грандъ-Отель и тамъ уже стоятъ парные часовые, хотя Добровольцы вели по улицамъ захваченныхъ комиссаровъ, которые не успѣли бѣжать и которыхъ зналъ въ лицо весь Николаевъ, все еще вымершимъ оставались дома, цѣлые кварталы, цѣлыя части города.

Такъ великъ былъ ужасъ передъ владычествомъ красныхъ съ ихъ тираніей, пытками и разстрѣлами,—несчастный поработенный обывательскій мозгъ прямо отказывался вмѣстить совершившійся фактъ: бѣлые выгнали красныхъ.

Нѣкоторые думали:

— А, что, если это одна изъ тѣхъ сатанинскихъ провокацій, на которыя такъ геніально изобрѣтательны большевики? Что если они нарочно инсценировали побѣду бѣлыхъ, нарядивъ своихъ же красноармейцевъ въ форму «золотопогонниковъ», дабы, когда населеніе выявитъ свои симпатіи жестоко расправиться съ нимъ?

И поэтому населеніе не спѣшило съ «выявленіемъ своихъ симпатій, пока, наконецъ, даже наиболѣе осторожные скептики не убѣдились, что и при самой геніальной инсценировкѣ нельзя такъ далеко зайти...

Улица по направленію къ штабу Слащева за-

пужена была колоннами плѣнныхъ матросовъ. Обвязанныя головы, окровавленные лица, обозленные, угрюмые. Добровольческая конница плетъми подгоняла матросовъ.

Это уже не инсценировка.

И тогда только начали пріотворяться и окна и ставни, тогда только зазвенѣли стеклянные двери балконовъ и провинціальныхъ крылечекъ, и люди, все еще пока безмолвными тѣнями, покидали свои дома, въ которыхъ они отсиживались, какъ въ блокхаузахъ.

И ожилъ мертвый городъ, нѣсколько мѣсяцевъ напоминавшій кладбище. Кладбище живыхъ куда болѣе жуткое, чѣмъ кладбище мертвыхъ.

Люди вдругъ научились тому, что было такъ основательно позабыто. Научились громко говорить и смѣяться. И отъ непривычки и отъ безумнаго счастья смѣхъ этотъ былъ истерическій, буйный, съ цѣлымъ потокомъ слезъ, такъ безудержно льющихся...

Генераль Слащевъ со своимъ штабомъ и конвоемъ проѣхалъ по городу. Этой живописной группѣ всадниковъ приходилось шагомъ пронизывать объятую шумнымъ ликованиемъ человѣческую гущу...

Еще утромъ ничего нигдѣ нельзя было достать. Утромъ только власть была сыта, а населеніе голодало. А теперь на базарахъ появилась всякая живность и спѣшно расколачивались забитые досками магазины и лавки.

Плѣнныхъ согнали на площадь передъ гостиницей Грандъ-Отель.

Генераль Слащевъ вышелъ на балкомъ второго этажа. Надъ его головою полоскался въ воздухѣ національный флагъ.

Громкій, отчетливый голосъ, голосъ офицера умѣющаго и привыкшаго командовать:

— Красноармейцы могутъ идти на всѣ четыре стороны, А кто любитъ Россію и хочетъ освободить ее отъ совѣтской нечести, можетъ по своей

охотѣ поступить въ добровольческую армію. Коммунистовъ разстрѣлять, а комиссаровъ, сначала допросить, а потомъ повѣсить...

Это были первые шаги новой власти. Вошла она, эта новая власть, твердой поступью.

2. Что сказалъ „девятнадцатый“.

Когда юный корнетъ, двадцатилѣтній начальникъ контръ-развѣдки, снималъ головной уборъ, сходство его съ Аполлономъ становилось еще разительнѣй.

Что-то античное было въ рисунокъ лба и въ упругихъ кольцахъ густыхъ, слегка выующихся волосъ, отливавшихъ свѣтло-каштановой матовостью.

Допрашивалъ этотъ греческій божокъ плѣнныхъ комиссаровъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такой выдержанностью и съ такимъ искусствомъ добывать изъ человѣка необходимое, не прибѣгая къ угрозамъ, пыткамъ и застрачиваньямъ—даже старые, опытные развѣдчики и тѣ удивлялись:

— И откуда это у него?

Да что бѣлые развѣдчики!

Онъ повергалъ въ смущеніе и тѣхъ, кого, вотъ ужъ казалось бы никогда, ничѣмъ не смутить.

Большевиковъ съ телеграфною проволокою вмѣсто нервовъ, съ камнемъ, вмѣсто сердца и съ лапищами, густо вымазанными буржуазной кровью.

Эти покрытые шерстью, звѣроподобнаго вида матросы, эти нафанатизированные рабочіе и другіе—все они входили въ кабинетъ «деникинскаго жандарма», уже взвинтивъ себя, уже настроившись на непримиримый ладъ, мысленно поклявшись на коммунистическомъ евангеліи хранить упорное коммунистическое молчаніе. А, главное, они рисовали себѣ этого «бѣлаго палача» по шаблону своихъ же собственныхъ чрезвычайекъ гдѣ наглые, увѣшан-

ные револьверами мальчишки запугивают несчастных буржуевъ, вскакиваютъ, орутъ, машутъ руками, хорошо еще, если только мажутъ... Чаше же они пробуютъ развязать капиталистическіе языки, молотя допрашиваемыхъ рукояткою браунинга либо по черепу, либо въ подбородокъ.

И вотъ съ перваго же впечатлѣнія не оставалось камня на камнѣ отъ нарисованнаго ими.

За столомъ, безо всякихъ на немъ кинжаловъ, револьверовъ, кастетъ и еще разной устрашающей бутафорской дребедени, такой неизбѣжной въ чрезвычайныхъ, сидѣлъ юный офицеръ въ новенькихъ золотыхъ съ гусарскимъ зигзагомъ на погонахъ. Вскинувъ на вошедшаго голубые съ поволокой глаза, онъ отсылалъ конвойныхъ и оставался одинъ на одинъ лицомъ къ лицу съ комиссаромъ.

Какъ же это такъ, въ самомъ дѣлѣ? Хотя передъ нимъ самимъ этимъ комиссаромъ трепетали буржуи, а все таки онъ приказывалъ конвойнымъ красноармейцамъ быть наготовѣ. А этотъ мальчишка и въ усъ себѣ не дуетъ! Да усы у него только-только пробиваются.

И комиссаръ, сжигавшій офицеровъ въ топкахъ паровозовъ и кострахъ, понемногу терялъ свой апломбъ. А съ теченіемъ допроса. такимъ тихимъ, ровнымъ голосомъ производимого, апломбъ падалъ все ниже и ниже, и отъ большевицкой напористости, отъ классоваго остервенѣнія и слѣда не оставалось!

Не къ чему было придратъся, не за что было зацепиться. Ни одного гнѣвнаго окрика, ни одного браннаго слова, ни даже повышеннаго тона. Въ этомъ было что-то обезоруживающее, что-то оскорбительное, какъ будто стоитъ передъ этимъ »щенкомъ» не смертельный врагъ и даже не просто человѣкъ, а деревянный чурбанъ...

Точно такъ-же допрашивались и захваченные въ Николаевѣ отвѣтственные коммунистическіе работники.

Допрашивались въ какой-нибудь лишь часъ назадъ реквизированномъ помѣщеніи въ домѣ еврея Кортмана.

Стеклянное, прозрачное какъ фонарь крыльцо дѣлило этотъ каменный одноэтажный домъ на двѣ части. Одна была предоставлена хозяевамъ, другая была реквизирована подъ контръ-развѣдку. Но особенно и реквизировать не пришлось. До прихода бѣлыхъ здѣсь жилъ какой-то совѣтскій сановникъ, еще наканунѣ до подхода слащевской дивизіи благоразумно улепетнувшій.

Сановникъ успѣлъ развести здѣсь ужасную грязь и вонь. Бабы съ подоткнутыми юбками спѣшно вымыли и вычистили загаженные комнаты. Послѣ бабъ остался запахъ мыльной воды и здороваго мужицкаго пота.

Самыя неукротимыя большевики сдѣлались мало по малу ручными. И хотя они знали, что ихъ ждетъ висѣлица, воздвигаемая на площади передъ гостиницей Грандъ-Отель, они безъ утайки, словно загнипнотизированные взглядомъ холодныхъ голубыхъ глазъ съ поволокою, выкладывали все начистоту; — И какія силы красныхъ стоятъ на ближайшихъ участкахъ фронта, и какъ онѣ сваржены, и кто ими командуетъ, и какіе онѣ получили директивы изъ Москвы.

И когда допросъ уже кончался и конвойные должны были увести очередного комиссара, начальникъ контръ-развѣдки предлагалъ послѣдній вопросъ:

— А не знакомъ ли вамъ этотъ типъ? И если да, то не занимаетъ ли онъ какой-нибудь должности въ красной арміи?

Почти всѣ, повертѣвъ въ пальцахъ фотографическій снимокъ, отговаривались незнавіемъ и видимо, вполне искренно. Если они себя ни жалѣли, то спрашивается, чего имъ жалѣть этого мордастаго съ низкимъ лбомъ и такъ смѣшно вздернутымъ носомъ, да еще въ пенсенѣ, буржуазномъ, интеллигентскомъ пепсенѣ?

Наоборотъ, шевелилось даже какое-то зло-
радное чувство: самому погибая, другому напакос-
тить. И у каждого звучала нотка сожалѣнія и
разочарованія.

— Нѣтъ, не знаю! Вижу эту личность въпервые!

Но послѣдній коммунистъ, атлетическаго сло-
женія, съ бѣлыми рѣсницами и бровями заинтере-
совался карточкой гораздо больше всѣхъ своихъ
предшественниковъ. Что-то шевельнулось на его
неподвижномъ лицѣ.

— Подождите, подождите! Я, кажется; этого
товарища знаю...

Корнетъ пропустилъ черезъ свой кабинетъ
восемнадцать человѣкъ. Этотъ былъ девятнадца-
тымъ, и на этомъ девятнадцатомъ корнетъ какъ-бы
измѣнилъ своему самообладанію, своей непрони-
цаемости...

И спросилъ уже совсѣмъ по другому, чѣмъ
спрашивалъ до сихъ поръ.

— Такъ этотъ типъ вамъ извѣстенъ?

— Да, да, теперь я уже навѣрное скажу... Это
одинъ, товарищъ, товарищъ Любецкій. Онъ зани-
маетъ должность коменданта поѣзда товарища
Троцкаго.

— Любецкій — его настоящая фамилія?

— Нѣтъ, настоящая какъ то иначе. Онъ не
русскій, онъ изъ Польши. Онъ дѣлалъ хорошую
карьеру. Онъ еще при царѣ убилъ какого-то важнаго
сановника.

Если-бы въ этотъ моментъ рассказывавшій все
еще не разсматривалъ снимокъ и глаза его встрѣ-
тились бы съ глазами корнета, онъ, этотъ облада-
тель воловьихъ нервовъ и бандитской отваги,
отвелъ бы свой взглядъ, — такой жестокостью
омрачилось и потемнѣло лицо юнаго начальника
контръ-развѣдки.

Подавивъ внутреннее волненіе и сдѣлавшись
снова безстрастнымъ, корнетъ задалъ послѣдній
вопросъ:

— Не знаете-ли, гдѣ онъ теперь, этотъ Любецкій?

— Онъ вмѣстѣ съ товарищемъ Троцкимъ объезжаетъ южный фронтъ. Они все время будутъ на фронтѣ...

Плѣнный бережно, какъ что то хрупкое опустилъ на край стола фотографическій снимокъ и въ нерѣшительности переминался съ ноги на ногу, желая хотя бы на нѣсколько секундъ оттянуть моментъ, когда вокругъ его шеи затянется петля.

Сейчасъ этотъ молодой офицеръ кликнетъ конвойныхъ и...

Но молодой офицеръ не кликнулъ конвойныхъ.

— Слушайте, — корнетъ взглянулъ на лежащій передъ нимъ исписанный карандашемъ листъ бумаги, — слушайте, Мартинъ. Черезъ четверть часа вы должны болтаться на висѣлицѣ. Но я могу, взять васъ на свою отвѣтственность, оставить васъ въ живыхъ...

— Ваше высокоблагородіе... я... я...

— Но съ однимъ условіемъ: вы будете находиться въ моемъ полномъ распоряженіи. Малѣйшая попытка къ побѣгу, или предательству, я васъ застрѣлю. Согласны?

— Согласенъ, ваше высокоблагородіе! Я буду служить вамъ... вы увидите, какъ я буду служить...

— Смотрите-же, въ моихъ рукахъ ваша жизнь...

3. Послѣ большевиковъ.

Купецъ первой гильдіи Кортманъ, хозяинъ дома со стекляннымъ крыльцомъ поспѣшилъ познакомиться со своимъ новымъ квартирантомъ. Съ его предшественникомъ, грязнымъ, въ кожанной курткѣ, съ двумя револьверами у пояса — большевикомъ — Кортманъ боялся знакомиться, такой ужасъ вну-

шалъ ему этотъ красный сановникъ, устраивавшій у себя ночные дебоши съ женскимъ визгомъ, пьянымъ ораньемъ и револьверной пальбой.

А этотъ молодой офицеръ, такой чистенькій, такой красивый и такой тихій. Видать сразу, что дворянскій сынокъ. Понравилось еще: новый жилецъ приказалъ вынести изъ своей комнаты широкую, тяжелую деревянную кровать, на которой спалъ комиссаръ и, вмѣсто нея, раздвинуть узкую походную койку.

И на молодого офицера Кортманъ произвелъ не плохое впечатлѣніе и своей осанистой внѣшностью, и отсутствіемъ раболѣпства передъ «новой властью» и своимъ, повидимому, непритворнымъ отношеніемъ къ большевикамъ.

Этотъ высокій, полный, — раньше онъ былъ гораздо полнѣе, — лѣтъ пятидесяти человекъ, съ густой, рыжеватой, сѣдѣющей бородой и въ длинномъ, стального цвѣта, перехваченномъ въ таліа, давно уже немодномъ сюртукѣ, называлъ большевиковъ то хулиганами, то мошенниками. Онъ облюбовалъ эти два эпитета и какъ-то сочно произносилъ ихъ.

— Что эти мошенники сдѣлали изъ нашего Николаева? Я же тутъ родился! Какой былъ городъ! Какая торговля! А портъ? О, какой это былъ портъ! Я самъ отправлялъ пароходы съ пшеницей. И куда? Въ Италію, въ Грецію... А теперь, теперь это кладбище заржавленнаго желѣза, а не портъ! Какая торговля можетъ быть при этихъ мошенникахъ? Кто будетъ съ этими хулиганами торговать? И когда только вспомнишь, какъ было за Царя! Сонъ, ей-Богу, сонъ! И это, господинъ офицеръ я говорю вамъ, я еврей! За царя была черта осѣдлости. Для меня ея не было! Я купецъ первой гильдіи. Куда хотѣлъ — ѣздилъ: въ Москву, въ Петербургъ. А у этихъ мошенниковъ я просился за границу. Я себѣ нашелъ бы дѣло въ Константинополѣ. Полгода водили меня за носъ, тянули отъ меня деньги, и такъ я заграничнаго паспорта даже

и не понюхалъ... Хулиганы! А за царя я имѣлъ заграничный паспортъ въ 24 часа и стоилъ онъ пятнадцать рублей, пятьдесятъ копѣекъ. Такъ я васъ спрашиваю, когда же была черта осѣдлости? За царя, или за этихъ мошенниковъ? Дай вамъ Богъ здоровья, что вы этихъ хулигановъ отсюда выгнали! Теперь уже не надо ѣхать въ Константинополь. Я могу вернуться къ своей торговлѣ. Вѣрите, у меня было два милліона восемьсотъ тысячъ на текущемъ счету. Было! Эти мошенники разорили меня... Что немножко удалось спрятать, ну, то и осталось...

Для перваго знакомства словоохотливый Кортманъ этимъ только и ограничился, не желая надоедать «господину офицеру». Въ этомъ была какая-то старосвѣтская деликатность и учтивость.

Напоследокъ Кортманъ пригласилъ:

— Какъ либудъ зайдите къ намъ вечеромъ на стаканъ чаю. Жены у меня нѣтъ. Умерла бѣдная позапрошломъ году отъ запалѣнія въ легкихъ, — вздохнулъ Кортманъ, погладивъ свою густую бороду, — познакомитесь съ моей дочкою. Она окончила здѣсь гимназію, говоритъ по французски... Вы тоже навѣрно говорите? У нея съ малыхъ лѣтъ была франдуженка... Такъ вотъ я васъ еще разъ прошу... Мы будемъ очень, очень рады...

Кортманъ и такъ былъ уже «очень радъ». Этотъ молодой офицеръ имѣвшій въ своемъ распоряженіи цѣлый маленькій отрядъ, какъ-бы забронировалъ каменный домъ со стекляннымъ крыльцомъ отъ всякихъ иныхъ посягательствъ и вторженій.

Корнетъ видѣлъ мелькомъ дочь Кортмана, еще до знакомства съ отцомъ. Это была дѣвушка двадцати двухъ лѣтъ поразительной восточной красоты, съ удлинненнымъ оваломъ нѣжно-матоваго лица и большими темными глазами... Отъ длинныхъ рѣсницъ и природной темной окраски верхнихъ и нижнихъ вѣкъ, они казались еще больше, еще глубже.

Первое, правда мимолетное впечатлѣніе было не въ пользу Тамары Кортманъ. Очень хороша; словъ нѣтъ, но чѣмъ-то сумрачнымъ вѣяло отъ яркаго лица и отъ всей фигуры, такой гибкой и стройной. А въ этихъ глазахъ должны вспыхивать порою зловѣщія зарницы. Причесывалась Тамара гладко, и это было въ ея стилѣ.

Офицеры подмигивали корнету.

— Счастливчикъ, зналъ, гдѣ бросить свой якорь! Пожалуй еще романъ разведешь съ этой прекрасной іудейкой...

А художникъ Бекеръ, нынѣ прапорщикъ и адъютантъ Слащева, сказалъ:

— Кого она мнѣ напоминаетъ? Да! Картину итальянскаго художника Гверчино.. «Юдифь, отрубившая голову Олоферну». Такъ вотъ она — двѣ капли воды та самая Юдифь!

Эта же Юдифь изъ Николаева, пожалуй голову не отрубить, но закружить ее, и еще какъ! Это она можетъ несомнѣнно! А вотъ ея собственную голову я съ наслажденіемъ написалъ-бы! Смотри, Вонсяцкій, я раньше тебя познакомлюсь! Я художникъ, а для нашего брата, какъ для врачей и духовниковъ, обычныя свѣтскія рамки не обязательны, да и просто не существуютъ!

4. Во время сеанса.

Бекеръ познакомился съ Тамарой въ тотъ же самый день.

Было это очень естественно и менѣе всего сложно. Бекеръ встрѣтилъ Тамару у ея дома и, козырнувъ больше съ изысканностью свѣтскаго человѣка, нежели съ офицерской отчетливостью, молвилъ, грассируя какъ французъ, говорящій по русски:

— Мадемуазель, я очень просилъ бы у васъ

два-три сеанса! Я хотѣлъ бы написать вашъ портретъ... Маленькій,—прибавилъ адъютантъ Слащева, опасаясь, что дѣвушку можетъ испугать долгое позированіе.

Тамара полунедовѣрчиво, полувысокомѣрно задержала томный, смягченный длинными рѣсницами взглядъ своихъ большихъ глазъ на этомъ офицерѣ со свѣтлой бородой лопаточкою и съ такими же вкрадчивыми манерами, какъ и его мягкій, грацирующий голосъ.

— А вы... художникъ?—все еще недовѣрчиво спросила она, думая, что «портретъ» лишь предлогъ для ухаживанія.

Бекеръ съ улыбкой отвѣтилъ:

— Я окончилъ императорскую академію художествъ, и въ Петербургѣ не было, пожалуй, ни одной великосвѣтской гостиной, гдѣ бы не висѣлъ портретъ моей кисти.

— О, если такъ!.. я, скромная провинціалка, буду весьма польщена позировать такому извѣстному портретисту.

— А я въ свою очередь, буду весьма гордъ такой интересной моделью.

Рѣшили начать, не откладывая.

Бекеръ направился въ Грандъ-Отель и оттуда вернулся въ штабномъ автомобилѣ.

Начался сеансъ.

— Можно говорить, или надо молчать?—поинтересовалась Тамара.

— Только не молчать!—воскликнулъ Бекеръ.— Молчаніе — всегда какая-то напряженность! А когда модель говоритъ, она живетъ. Говорите, задавайте вопросы, и время будетъ летѣть незамѣтно.

И спросивъ позволенія курить, художникъ, не пользуясь углемъ, сразу сталъ намѣчать кистью контуръ головы.

Нѣсколько минутъ, еще не освоившись со своей новой ролью и съ новымъ человѣкомъ. Тамара молчала. Потомъ спросила:

— Вы — представитель искусства, вы должны

быть внѣ политики. Зачѣмъ вы пошли въ добровольческую армію?

— Зачѣмъ? — переспросилъ онъ, сощуривъ одинъ глазъ и провѣряя соотношеніе пропорцій между головою Тамары на дощечкѣ и головою въ натурѣ, — зачѣмъ?.. Да, ваше имя и отчество?

— Тамара Львовна!

— Бываютъ, Тамара Львовна, моменты, когда и живописецъ, если онъ любитъ родину, мѣняетъ кисть на саблю, или-же, по крайней мѣрѣ, совмѣщаетъ одно съ другимъ. Борьбу съ большевиками я считаю священной борьбою, и здѣсь аполитичности не должно быть мѣста! Ею прикрываются либо трусы, либо тѣ, кого я называю человѣческой слякотью... Минутку... Не двигайтесь и. не говорите... Я намѣчаю линію губъ... Вотъ... вотъ... Теперь можно. Вы успѣли познакомиться съ вашимъ квартирантомъ? — спросилъ Бекеръ, зная, что Тамара еще не успѣла познакомиться, но желая завести разговоръ о Вонсяцкомъ.

— Нѣтъ еще. А развѣ это такъ необходимо?

— Необходимо? Это слишкомъ, но... Вонсяцкій прекрасно воспитанный молодой человѣкъ, и я прибавилъ бы еще — необыкновенный...

— Въ чемъ же его необыкновенность?

— Въ цѣльности натуры... Онъ удивительно цѣльный весь, особенно же въ его возрастѣ, когда мужчина только-только начинаетъ складываться... Чуть-чуть вправо... Нѣтъ, меньше... Такъ и останьтесь! Мы всѣ его очень любимъ и, что очень рѣдко для двадцатилѣтняго молодого чловѣка, уважаемъ его...

— Вотъ какъ! На моемъ мѣстѣ какаянибудь восторженная гимназистка была бы страшно заинтересована, — чуть-чуть насмѣшливо улыбнулась Тамара

— О, да вы умѣете быть злой. Откуда такая предвзятость къ моему другу?

— Предвзятость? Нисколько! Вѣрнѣе, безразличіе.

— Но не будете же вы отрицать, что онъ красивъ. красивъ рѣдкой античной красотою?

Этого я не успѣла замѣтить, — молвила Тамара, на самомъ дѣлѣ «успѣвшая» замѣтить, — но если вы чтонибудь разскажете о немъ...

Контуръ готовъ. Начиная прокладку, художникъ выдавилъ изъ мягкихъ металлическихъ тюбиковъ краски, и онѣ жирными цвѣтными «червячками» легли на палитрѣ. Бекеръ взялъ самую широкую кисть и бросилъ нѣсколько сочныхъ мазковъ.

— Вонсяцкому было двѣнадцать лѣтъ, когда трагически погибъ его отецъ, предательски убитый революціонеромъ.

— А кто былъ его отецъ.

— Жандармскій полковникъ. Я вижу на вашемъ лицѣ гримасу, Томара Львовна. Вижу, что и послѣ революціи жандармы не пользуются вашей благосклонностью. По отзывамъ тѣхъ, кто зналъ полковника Вонсяцкаго, это былъ исключительный жандармъ. Глубоко потрясенный мальчикъ росъ, вынашивая чувство мести... Надъ тѣломъ отца поклялся отыскать убійцу. Мало того, далъ и еще другую клятву. И, право же, съ его внѣшностью и въ его возрастѣ ее пожалуй, труднѣе осуществить, нежели первую. Эта клятва: пока не выполнитъ онъ сыновій долгъ свой, не прольетъ кровь убійцы, — до тѣхъ поръ никакихъ земныхъ радостей и утѣхъ...

Сначала отвѣтомъ художнику былъ полуиспытующій, полунедовѣрчивый взглядъ, взглядъ искоса.

Затѣмъ воспослѣдовало ироническое:

— Что-же это вашъ... вашъ юный другъ рѣшилъ на своемъ примѣрѣ... какъ-бы это... воскресить средневѣковые нравы, что-ли?

— Рыцарскіе, угодно вамъ сказать? — подхватилъ Бекеръ. — Что-же, въ средневѣковья было много романтики и героически красиваго, и той мощной цѣльности, которая, какъ я уже сказалъ вамъ, имѣется въ Вонсяцкомъ и которой, увы!

недостаетъ многимъ изъ насъ. Такъ же, какъ и онъ отрѣшались ото всѣхъ земныхъ наслажденій средневѣковые рыцари, отрѣшались до тѣхъ поръ, пока не отвоюютъ отъ сарацинъ Гробъ Господень.

— И эти же самые высокоидеальные рыцари грабили купеческіе караваны, вставила темноокая Юдиѣ съ картины Гверчино.

Бекеръ слегка поморщился:

— Ну вотъ, нѣсколько строкъ изъ гимназическаго учебника исторіи. Можетъ быть и грабили, можетъ бытъ! Но тѣмъ прекраснѣе ихъ высокоидейные, какъ вы называете, подвиги, подвиги въ пустынѣ, вдали отъ ихъ суровыхъ замковъ и отъ купеческихъ каравановъ... Но если мы вернемся къ Вонсяцкому, то и незачѣмъ удаляться въ дебри средневѣковья. И теперь у насъ на Кавказѣ, и на Балканахъ и вообще на Востокѣ не изжита еще, да и никогда не будетъ изжита родовая месть. И у васъ въ Библіи, развѣ не сказано: око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь? Кавказецъ, напримѣръ, будь это мусульманинъ. будь это православный грузинъ, до тѣхъ поръ не снимаетъ черной траурной черкески, пока не смоетъ кровью насильственную смерть своихъ близкихъ. Больше, до тѣхъ поръ никто изъ его племени не общается съ нимъ, не зоветъ къ себѣ въ домъ. И если-бы теперь, въ дни большевизма, когда нѣтъ русской семьи, гдѣ не было бы траура, если-бы теперь, мы, русскіе мстили краснымъ съ такой же неумолимой безпощадностью, увѣряю васъ скоро, очень скоро была бы сметена совѣтская власть. Но только, гдѣ намъ, куда намъ! Мягкотѣлые мы, мягкотѣлые! — съ раздраженіемъ повторялъ Бекеръ, бросая на портретъ два заключительныхъ броска и откидываясь на спинку стула.

— Ну, вотъ... Почти готово. Въ слѣдующій разъ надо будетъ кой-что привести въ порядокъ и... художникъ взглянулъ на часы. — Сеансъ продолжался часъ и 55 минутъ. Теперь можете взглянуть.

— Какъ хорошо! — вырвалось у Тамары, склонившейся надъ портретомъ.

5. Какъ онъ пошелъ ей навстрѣчу.

Вонсяцкій пилъ чай у Кортмановъ.

Послѣ войны съ ея стоянками въ галиційскихъ халупахъ, послѣ боевъ съ большевиками, когда на лучший конецъ приходилось ютиться въ потонувшихъ въ грязи казачьихъ станицахъ, а на худшій подъ открытымъ небомъ, послѣ всѣхъ этихъ неурядицъ и бездомья, послѣ бивуаковъ съ отсутствиемъ домашняго уюта, здѣсь все дышало прочнымъ и солиднымъ комфортомъ.

И бѣлая скатерть, и такія же бѣлыя салфетки, и тяжелыя стаканы цилиндрической формы, и варенье въ вазочкахъ и все, что полагается къ чаю въ богатыхъ, или еще недавно богатыхъ домахъ.

И потому, что это съ непривычки, вѣрнѣе, съ отвычки, было такъ ново, чай казался особенно ароматнымъ и вкуснымъ, варенье-же прямо необыкновеннымъ.

Отецъ занималъ гостя, а сидѣвшая за самоваромъ дочь украдкою наблюдала его.

— Честное слово, господинъ офицеръ, я даже не хочу вѣрить! Можно спокойно сидѣть въ столовой! И горитъ огонь, и окна выходятъ на улицу! И ты хозяинъ въ своемъ домѣ, и никакіе хулиганы къ тебѣ не влѣзаютъ. Еще стаканчикъ? Тамара, налей же господину офицеру! Ну, а при этихъ мошенникахъ, такъ мы же обѣдали и пили чай на кухнѣ. Потому что, если въ окнахъ огонь, да окно еще, не дай Боже, на улицу, сейчасъ же придутъ съ обыскомъ. У насъ отобрали семьдесятъ простынь! И какія простыни! Все на «красный фронтъ» для раненыхъ. Я не знаю, чѣмъ они себѣ тамъ перевязы-

вали своихъ раненыхъ хулигановъ, а только мои простыни здѣсь же, въ Николаевѣ, продавались. Видѣли вы такихъ нахаловъ? Съ нашими же мѣтками! Что вы скажете?

Кортманъ хотѣлъ продолжать, но въ столовую вошелъ пожилой еврей и, сдѣлавъ общій поклонъ, сказалъ что-то Кортману на жаргонѣ.

— Вы извините... Ко мнѣ на минутку пришли по дѣлу. Я скоро буду обратно. — И, уйдя въ глубину квартиры съ пришедшимъ евреемъ, Кортманъ оставилъ Тамару съ глазу на глазъ съ Вонсяцкимъ.

Тамара не хотѣла занимать своего гостя, а гость рѣшилъ, что надо занимать свою даму и заговорилъ о портретѣ.

— Бекеръ показывалъ намъ вашъ портретъ. Сходство громадное и, хотя въ живописи я не особенный знатокъ, по моему это шедевр!..

Не глядя на Вонсяцкаго. Тамара отвѣтила:

— Да, это очень хорошо! Но, къ сожалѣнію, Бекеръ оставить портретъ у себя.

— Для васъ онъ напишетъ копію...

— Онъ это сказалъ? — и дѣвушка вспыхнула отъ радости. сейчасъ только, впервые за весь вечеръ взглянувъ на Вонсяцкаго прямо въ его съволокою затуманенные голубые глаза.

— Онъ сказалъ это мнѣ..

— Но художники люди минуты, настроенія. Сказалъ, а черезъ часъ забылъ.

— Бекеръ не изъ такихъ! Онъ талантливый художникъ, но не богема, а свѣтскій человѣкъ. Пожалуй, сначала свѣтскій человѣкъ, а потомъ художникъ. Нѣтъ, вы можете быть совершенно спокойны...

Вонсяцкій замолчалъ. нить бесѣды порвалась.

— О чемъ вы задумались? — Спросила Тамара, только бы нарушить молчаніе, только-бы задать вопросъ.

— Я подумалъ о васъ...

— Обо мнѣ?

— Какъ вы должны безумно скучать въ этой глуши, Вообще, не для васъ Николаевъ. Вамъ нужны другія, болѣе шумныя, болѣе блестящія рамки.

Спокойно, почти безучастно, только отмѣтивъ самый фактъ, Вонсяцкій задѣлъ Тамару за живое. Вся вспыхнувъ, подавшись какъ-то къ нему, она такъ и сказала:

— Вы коснулись больного мѣста. Вырваться, уѣхать, уѣхать туда, на Западъ. гдѣ, какъ вы сами говорите, и блестяще и шумно, да, вѣдь, это-же моя мечта! Мечта двухъ послѣднихъ лѣтъ...

— И неужели такъ трудно ее осуществить?

— При большевикахъ было прямо невозможно. Какой только цѣною я не пыталась добыть заграничный паспортъ? И черезъ протекцію, и стоило это денегъ и... — она какъ то застѣнчиво улыбнулась, — и пофлиртовала съ кѣмъ надо было. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Отказъ!

— Странно, — молвилъ Вонсяцкій, — женщинъ они легче выпускаютъ. Значить дѣйствительно вамъ, именно вамъ особенно не повезло. Ну, хорошо, это было при власти этихъ «мошенниковъ», какъ называетъ ихъ, вашъ отецъ, а теперь, я думаю, заграничный паспортъ не встрѣтилъ бы особенныхъ препятствій.

Тамара отрицательно покачала головой:

— Нѣтъ, и теперь! И при бѣлыхъ такъ легко за границу не выпускаютъ. Я это знаю по опыту, не по личному, вы всего нѣсколько дней здѣсь, и я не дѣлала никакихъ шаговъ, а по опыту моихъ знакомыхъ въ Ростовѣ, городѣ. уже давно занятомъ Добровольческой арміей.

— Здѣсь что-то не совсѣмъ ясно. Можетъ быть, въ политическомъ отношеніи знакомые ваши... Можетъ быть, извѣстны были ихъ симпатіи если не къ большевикамъ, то, вообще, къ лѣвымъ... такимъ я самъ не далъ бы пропуска за границу, гдѣ они могли бы поднять клеветническую кампанію противъ бѣлаго движенія.

— Нѣтъ-же, нѣтъ, — перебила Тамара.— Увѣ-

ряю васъ! Единственное препятствіе въ томъ, что они евреи!

— Сомнѣваюсь: наше командованіе чуждо всякихъ націоналистическихъ разграниченій. Я совѣтую вамъ обратиться съ прошеніемъ на имя генерала Деникина...

— Чтобы черезъ два-три мѣсяца получить отказъ? — подхватила Тамара. — Ни за что! Или я уѣду черезъ нѣсколько дней, или похороню себя здѣсь! — съ чѣмъ-то накипѣвшимъ, недобрымъ общалась она, и красивое лицо ея приняло такое же недоброе выраженіе.

— Крайности!

— Я такая! Я не люблю какихъ-то полумѣръ, не люблю половинчатости. Или все, или ничего! — вырвалось запальчиво у нея. — Вашъ стаканъ! — такъ обратилась она, какъ если бы это именно Вонсяцкій отказывалъ ей въ желанномъ заграничномъ паспортѣ.

Онъ машинально протянулъ стаканъ, думая о чемъ то своемъ, и такъ же машинально принялъ стаканъ, уже наполненный крѣпкимъ дымящимся чаемъ.

Молчала и Тамара, съ плотно сжатой линіей губъ.

Длительная была пауза. Какъ-бы что-то обдумавъ, взвѣсивъ, заговорилъ Вонсяцкій:

— Я нашелъ выходъ. Вы, согласно вашему желанію, уѣдете черезъ нѣсколько дней, но уже не какъ Тамара Кортманъ, а какъ Тамара Вонсяцкая...

— Что? Что вы сказали; Анастасій Андреевичъ? — не повѣрила; да и не сразу поняла дѣвушка. — Тамара Вонсяцкая? Это звучитъ шуткой, я бы сказала, неумѣстной!

— Наоборотъ. Именно какъ разъ умѣстно! — спокойно возразилъ Вонсяцкій, — мы обвиняемся съ вами, и вы, какъ жена русскаго офицера, уѣдете за границу... Если, конечно, перспектива вступить со мною въ бракъ, внѣшне законный и фиктивный по своей сущности, улыбается вамъ? Если да, вы

сейчасъ же за этимъ столомъ скажете да.. Если же нѣтъ, я ничѣмъ другимъ не могу быть вамъ полезень...

— Но хорошо... но позвольте... какъ же это? У меня... Я ничего не понимаю... Ктонибудь изъ насъ...

— Сошелъ съ ума? угодно вамъ сказать? — подхватилъ онъ и только, потому безъ улыбки, что, вообще, улыбался рѣдко. — Я, напимѣрь, ничуть! Нахожусь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти...

— Но вы же меня совсѣмъ, совсѣмъ не знаете!...

— А зачѣмъ мнѣ васъ знать? Вѣдь онъ не по любви, нашъ бракъ. Уже очутившись въ Константинополѣ, вы можете его расторгнуть... Все это фикція, не болѣе. Наша свобода останется при насъ, чего-же еще?

— Но... но все таки... Съ вашей стороны это громадная, нѣтъ, это больше чѣмъ любезность, это... почти жертва...

— Просто желаніе убѣдить васъ, что мы не дѣлаемъ никакой разницы между русскими и евреями. Если... если только эти евреи не большевики...

— А вы убѣждены, что я не большевичка?

— Увѣренъ-ли? У меня имѣется все ваше досье, самыя точныя справки. Будь вы большевичкой, я не сидѣлъ бы съ вами за чайнымъ столомъ да и вы сами не сидѣли-бы здѣсь...

Въ послѣднихъ словахъ Вонсяцкаго было столько скрытой зловѣщей угрозы, что дѣвушка, невольно оторопѣвшая, остановила на немъ свой широкій немигающій взглядъ.

Вернулся Кортманъ.

— Ну, и вотъ! Хорошая голова этотъ Зусманъ! Теперь я понимаю... Теперь безъ этихъ мошенниковъ можно работать! Есть дѣла! Тамара дай мнѣ чаю... Ты хорошо занимала господина офицера? Господинъ офицеръ не скучаль?

— Мы оба не скучали,—отвѣтила просіявшая Тамара, взглядомъ заговорщика посмотрѣвшая на Вонсяцкаго.

6. Поѣздъ-Фантомъ.

Бѣлые неудержимо гнали красныхъ передъ собою все дальше и дальше...

Съ каждымъ новымъ переходомъ, съ каждымъ вновь занятымъ городомъ все приближалась и приближалась Москва съ ея Кремлемъ, этой цитаделью совѣтской власти, этой банды международныхъ преступниковъ.

Уже яркой ослѣпительной улыбкою промелькнуло лѣто и была уже осень, хотя и ясная, прозрачная, но все-таки осень. И темнѣло какъ то внезапно и скоро, и удлинялись вечера, и желтый увядшій листъ будилъ въ душѣ что-то нѣжно и щемящее, а по утрамъ обвѣвалъ бодрый холодокъ.

Корпусъ генерала Кутепова подходилъ къ древнему Курску, и еще за много верстъ сверкали на солнцѣ какимъ то маяющимъ призывомъ золоченые шлемы его монастырей и храмовъ, шлемы, увѣнчанные крестами.

Большевики хотѣли задержаться подъ Курскомъ и дать бой, но натискъ бѣлыхъ былъ такъ стремителенъ, что вмѣсто боя большевики предпочли вывезти изъ Курска всѣ цѣнности, какія только можно было вывезти въ условіяхъ панической эвакуаціи. А за нѣсколько дней до этого прибылъ въ роскошномъ царскомъ поѣздѣ Троцкій и, выступая на митингахъ, фанатазируя чернь ненавистью къ буржуазіи, требовалъ поголовнаго ея истребленія.

Этотъ палачъ съ внѣшностью интеллигентскаго сатаны, очки придавали ему еще болѣе злобшій отталкивающій видъ, — натравливалъ тупыхъ и темныхъ, опьяненныхъ злобою людей на голодные,

исхудавшіе, нищенствующие, запуганные остатки недорѣзанной буржуазіи.

Въ своемъ поѣздѣ, съ тончайшей кухней, съ поварами въ бѣлоснѣжныхъ колпакахъ, съ виннымъ погребомъ и съ одѣтыми по послѣдней модѣ стенографистками, издавалъ онъ декреты, одинъ другого омерзительнѣе, одинъ другого кровожаднѣе.

И параллельно выпускались воззванія, льстивыя воззванія къ рабочимъ и красноармейцамъ. Интеллигентскій сатана съ взлохмаченной головою и жиденькой бороденкой потасканнаго фавна. выражалъ надежду, что пролетаріатъ не отдастъ краснаго Курска «деникинскимъ варварамъ».

Но избіеніе беззащитныхъ буржуевъ оказалось дѣломъ куда болѣе легкимъ, чѣмъ борьба съ вооруженными «деникинскими варварами»

И всѣ эти красные курсанты, всѣ эти отборные батальоны, не входя даже въ соприкосновеніе съ непріателемъ, откатывались на сѣверъ. А сѣрая красноармейская скотинка, та прямо сдавалась, сначала перевязавъ своихъ комиссаровъ.

Троцкому было уже не до декретовъ, только-только въ самую пору спасти свою окаянную голову. Онъ зналъ, что въ условіяхъ гражданской войны и свой собственный и непріятельскій тылъ перемѣшиваются съ хаотической неразберихой, а ему вовсе не хотѣлось быть отрѣзаннымъ со своимъ гаремомъ стенографистокъ, со своими поварами и со своимъ замороженнымъ шампанскимъ.

Бѣлые, доходили до галлюцинаціи въ своемъ мучительномъ желаніи схватить живьемъ этого изверга. Поѣздъ Троцкаго, этотъ поѣздъ—фантомъ навязчиво маніакально мерещился и днемъ и ночью, и на яву и во снѣ...

Конница и регулярная, и казачья и туземно-кавказская, стихійно-безумными переходами загоняя покрытыхъ бѣлою пѣною лошадей, рвалась къ желѣзной дорогѣ, чтобы настигнуть и взять въ плѣнъ поѣздъ—фантомъ.

Опытъ былъ уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Опытъ, научившій какъ надо охотиться за товарищемъ Троцкимъ.

Весною съ такой же помпезностью восточнаго деспота прїѣзжалъ онъ въ Харьковъ и такъ же истерически требовалъ крови буржуевъ и такъ же воинственно вдохновлялъ пролетаріатъ въ пухъ и прахъ уничтожить «деникинскій сбродъ». А черезъ два дня Харьковъ былъ уже во власти деникинскаго сброда, и бывшій царскій поѣздъ уносилъ въ глубь совѣтской территоріи одного изъ величайшихъ убійцъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ.

Поѣздъ едва-едва не былъ настигнутъ двумя сотнями кубанскихъ казаковъ, и когда летѣвшіе на перерѣзъ всадники на взмыленныхъ коняхъ обстрѣляли и паровозъ и вагоны, поѣздъ, словно дразня преслѣдователей зеркальными окнами своими, рванулся впередъ, оставивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ очутились казаки, густое, снизившееся до самой земли облако дыма...

Теперь, подъ Курскомъ, дабы не повторилось этого, конница взорвала путь въ двухъ мѣстахъ.

И теперь уже не было сомнѣнія: поѣздъ-фантомъ, судорожно заматавшись, станетъ наконецъ добычею мстителей...

7. Абреческая сотня.

Генераль Слащевъ, пробывъ около двухъ недѣль въ Николаевѣ, двинулся въ Крымъ, уже покинутый большевиками. Они боялись, что бѣлые закупорятъ ихъ въ крымской «бутылкѣ».

И вотъ тогда-то Вонсяцкій попросился на фронтъ подкатившійся къ Курску.

Слащевъ, какъ всегда, въ своей фантастической формѣ, избалованный поклоненіемъ, успѣхомъ,

протестовалъ съ капризною миною на бритомъ, поношенномъ и все-таки моложавомъ лицѣ:

— Нѣтъ, Вонсяцкій, глупости! Никуда я васъ не пушу! Гдѣ мнѣ найти такого начальника контръ-развѣдки? Повоевать захотѣлось? Мало вамъ еще! Участникъ двадцати двухъ конныхъ атакъ... Нѣтъ, нѣтъ, и слушать не хочу! Да и Кутепова попрошу, чтобы и близко не подпускалъ васъ къ своему корпусу,—пошутилъ Слащевъ, ловко перебросивъ свою трубку изъ одного угла рта въ другой.

Но отъ Вонсяцкаго нельзя было отдѣлаться шуткою, если даже шутившій былъ его прямой начальникъ, да еще обвиняемый побѣдами генераль...

Осиротѣвшій Кортманъ,—дочь его была уже въ Константинополѣ,—тепло и задумчиво проводилъ своего квартиранта:

— Дай-же вамъ Богъ! Всыпайте хорошенько этимъ хулиганамъ! Чтобы они знали! Бейте же этихъ мошенниковъ!..

Черезъ недѣлю Вонсяцкій былъ уже на фронтѣ; и уже не въ обще-кавалерійской формѣ, а одѣтый кавказцемъ, въ папахѣ, въ темно-сѣрой черкескѣ и въ мягкихъ чувакахъ—онѣ какъ перчатки обтягивали его стройныя ноги.

Чтобы не нарушать «горскаго стиля», онъ пожертвовалъ своими аполоновыми завитками и начисто обрилъ голову. Въ черкескѣ онѣ казался еще стройнѣе и гибче, нежели всегда, а тонкая талія была совсѣмъ, какъ у горца.

Онѣ попалъ командиромъ взвода въ абреческую сотню. Абрекѣ у горцевъ-мусульманъ—это удалецъ, головорѣзъ, какихъ мало. Въ дѣйствительности, большинство абрековъ ничто иное, какъ вульгарные убійцы и грабители. Абрековъ преслѣдовало царское правительство и свои же родные аулы не хотѣли дышать однимъ съ ними воздухомъ. Абреки скрывались годами въ такихъ дикихъ горныхъ дебряхъ, гдѣ если и ступала человѣческая нога, то развѣ ужъ весьма и весьма рѣдко.

Абреческая сотня имѣлась и во время Великой войны: ей было дано право доблестью искупить всѣ свои прегрѣшенія. Образовалась она и въ Добровольческой Арміи на тѣхъ же «искупительныхъ» началахъ.

Абреческая сотня включала въ себѣ представителей всѣхъ племенъ Сѣвернаго Кавказа—дагестанцевъ, ингушей, чеченцевъ, татаръ, осетинъ, черкесовъ и кабардинцевъ.

Этихъ, уже немолодыхъ всадниковъ, не только со слѣдами пережитыхъ бурь на лицѣ, но и со слѣдами сабельныхъ и кинжальныхъ шрамовъ, трудно было сковать воинскою дисциплиною! Однако-же напелся человѣкъ, сумѣвшій подчинить ихъ себѣ. Это былъ осетинъ—полковникъ Кибировъ, командовавшій такой же сотнею и въ Великой Войнѣ. Да и теперь въ его рядахъ были всадники съ георгіевскими крестами, полученными нѣсколько лѣтъ назадъ въ бояхъ подъ предводительствомъ Кибирова.

Какъ и тогда, сухощавый полковникъ въ рыжей, спущенной на затылокъ папахѣ, примѣнялъ старые дисциплинарные методы свои: непокорныхъ, нерадивыхъ, проявлявшихъ свои абреческія повадки, онъ билъ въ животъ палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ. Первымъ движеніемъ абрека было ухватиться не за револьверъ, или кинжалъ, а именно за животъ—такъ была жгуче невыносима боль. А когда абрекъ вспоминалъ, наконецъ, про свое оружіе, психологическій моментъ былъ упущенъ, и моральнымъ побѣдителемъ изъ этихъ служебныхъ столкновеній выходилъ полковникъ въ рыжей папахѣ.

Порою, доведенные до бѣлаго каленія абреки клялись чуть-ли не на Коранѣ убить ночью, во время сна. Узнавъ объ этомъ—онъ всегда узнавалъ—Кибировъ открывалъ настежь дверь своей хаты и ложился спать при огнѣ, словно вызывая: желающіе могутъ ворваться, желающіе могутъ пристрѣлить его черезъ окно...

И вотъ къ Кибирову, въ его сотню попалъ Вонсяцкій. Это подвижная партизанская часть, официально подчиненная командиру корпуса, а неофициально—никому, было именно тѣмъ, чего желалъ Вонсяцкій. Съ Кибировымъ они съ полуслова другъ друга поняли.

Кибировъ самъ хотѣлъ поймать Троцкаго, такъ же поймать, какъ восемь лѣтъ назадъ поймалъ неуловимаго абрека Зелгимъ-Хана.

Что же касается всадниковъ, ихъ не столько прельщала голова Троцкаго, сколько перспектива пограбить его поѣздъ, о несмѣтныхъ богатствахъ коего ходили такія заманчивыя легенды..

Кибировъ, зная своихъ туземцевъ, раздувалъ и расцвѣчивалъ богатства легендарнаго поѣзда. Онъ говорилъ, что тамъ давно уже не считаютъ брилліантовъ горстями, а перешли къ чайнымъ стаканамъ. И, видя какимъ жаднымъ огнемъ вспыхиваютъ глаза абрековъ, онъ былъ очень доволенъ. Онъ довелъ абрековъ до такого состоянія—они готовы были атаковать поѣздъ въ конномъ строю, если бы даже онъ былъ блиндированный и сѣялъ смерть изъ цѣлыхъ сорока восьми пулеметовъ...

Вонсяцкій попалъ въ абреческую сотню не одинъ, а въ сопровожденіи Мартина. Бѣловолосый и бѣлобровый атлетъ слѣдовалъ за нимъ, какъ нешерный медвѣдь за своимъ укротителемъ.

Появленіе Мартина, неуклюжаго, громаднаго средь ловкихъ и стройныхъ, съ дѣвичьей таліей горцевъ, произвело сенсацію. Онъ былъ какимъ-то страшилищемъ, и Вонсяцкій съ Кибировымъ, недоумѣвали, во что и какъ одѣть его, это страшилище? Дать ему кавказскую форму, было бы желѣпостью, во и въ штатскомъ неудобно слѣдовать за воинскою частью, хотя бы и партизанской.

У новаго абрека нашелся френчъ, а Кибировъ собственноручно вывелъ химическимъ карандашомъ на богатырскихъ плечахъ атлета погоны съ буквами А. С.—Абреческая сотня.

Такъ сдѣлался Мартинсонъ «абрекомъ». Но

труднѣе было сдѣлаться кавалеристомъ. Маленькія горскія лошади не вынесли бы девятипудовой тяжести всадника, вдобавокъ не умѣющаго ѣздить.

Кибировъ посадилъ его на старую, опоенную, сопѣвшую какъ кузнечный мѣхъ кавалергардскую лошадь, Богъ вѣсть, какъ попавшую въ Курскую губернію и доживавшую свой вѣкъ въ унижительной роли ломовой клячи.

Монументальная лошадь какъ разъ подстать была монументальному абреку. Впечатлѣніе великана, ѣдущаго верхомъ на слонѣ.

Мартинъ говорилъ Вонсяцкому:

— Ваше благородіе, вы увидите, мы поймаемъ этого Любецкаго, если, если онъ только не убѣжить...

Внѣшне спокойный, Вонсяцкій внутри горѣлъ весь, и только пальцы, судорожно тянувшіеся къ рукояткѣ кинжала, выдавали его внутреннее состояніе.

И въ мирномъ быту, и въ болѣе мятежныхъ условіяхъ, и на войнѣ часто бываетъ: послѣ долгихъ, мучительныхъ напряженій, исканій, истребленныхъ нервовъ сомнѣній-то, къ чему стремились и что въ моменты жгучихъ и трепетныхъ колебаній казалось недостижимымъ—вдругъ просто и ясно открывалось, какъ на ладони.

Послѣ безконечныхъ развѣдокъ, перебрасываній, мотаній, утомительныхъ ночныхъ переходовъ, поѣздъ-фантомъ, неуловимый, ускользающій, призрачный, — такъ явственно и реально и твердо точно вросшія чугунными колесами своими, стояль на рельсахъ, ласкаемый теплымъ осеннимъ солнцемъ равнины, помнившей наѣзды скифовъ.

Могучій паровозъ, хотя и посылалъ къ небесамъ рыжеватые клубы дыма, но въ нѣсколькихъ саженьяхъ былъ взорванъ путь, и поѣздъ остановился, какъ загнанный звѣрь на краю пропасти..

Великолѣпный звѣрь! Роскошные пульмановскіе вагоны. Широкіе зеркальные, въ портьерахъ окна. Словомъ, бывший императорскій поѣздъ.

Сотня, рассыпавшись лавою, неслась на вспѣ-

ненных коняхъ къ полотну. Былъ моментъ,—всадники внезапно остановились, такъ внезапно, что у нѣкоторыхъ вздыбились лошади.

Абрекамъ почудилось, что передъ ними миражъ.. онъ, чуть-чуть подразнивъ ихъ, исчезнетъ, сгинетъ въ мгновенье ока.. И былъ страхъ суевѣрный, страхъ дикарей, слѣпо вѣрящихъ въ навожденіе.

Но страхъ оказался напраснымъ: это былъ настоящий поѣздъ, и за нѣсколько сотъ шаговъ острые глаза черкесовъ, ингушей и чеченцевъ уже различали пятна человѣческихъ лицъ, припавшихъ къ стекламъ оконъ.

Кибировъ приказалъ спѣшиться, отдать лошадей коноводамъ и наступать перебѣжками.

8. Интеллигентскій сатана перехитрилъ.

Никакого сопротивленія, никакихъ выстрѣловъ оттуда, хотя цѣли бѣжавшихъ, не привыкшихъ къ пѣшему строю абрековъ, были въ какойнибудь сотнѣ шаговъ отъ поѣзда,

И это зловѣщее молчаніе казалось жуткой западней, таившей въ себѣ самыя коварныя неожиданности.

Если-бы поѣздъ встрѣтилъ наступающихъ огнемъ, они, теряя людей, бросились бы впередъ съ гортанными криками, а такое безмолвіе этихъ пульмановскихъ вагоновъ сковало какимъ-то безмолвіемъ и абрековъ.

Въ этой тишинѣ чуткое ухо Кибирова уловило какой то отдаленный, неясный шумъ. Кибировъ однимъ прыжкомъ очутился въ дверяхъ ближайшаго вагона, бросился къ противоположной двери, и увидѣлъ, какъ по узкой полевой дорогѣ уносилась прочь отъ полотна цѣпочка изъ трехъ автомобилей.

Это убѣгалъ Троцкій вмѣстѣ съ своимъ конвоемъ, оставивъ на произволь судьбы пульмановскіе вагоны. Кибировъ въ бѣшенствѣ сорвалъ съ головы папаху и прогрызъ до кости указательный палецъ. Добыча ускользнула, и какая добыча!

Интеллигентный сатана въ очкахъ перехитрилъ и тѣхъ, кто въ двухъ мѣстахъ взорвалъ путь и тѣхъ, кто, загнавъ коней, спѣшилъ захватить поѣздъ.

Въ этомъ поѣздѣ имѣлась спеціальная платформа съ быстроходными автомобилями. Въ нѣсколько минутъ ихъ можно было спустить на землю, откинувъ широкій, отлогій помостъ.

Всѣхъ, кто не были чекистами и кому не грозила месть «золотопогонниковъ», товарищъ Троцкій покинулъ. Эти покинутые были: кондукторская бригада, машинистъ, повара въ бѣлыхъ колпакахъ и гаремъ стриженныхъ съ подведенными глазами стенографистокъ. Онѣ оказались храбрѣ мужчинъ. Мужчины забились, кто куда могъ, стенографистки же, надѣясь на свою молодость и красоту, проявили въ гораздо большей степени любопытство, нежели страхъ.

Пожилой абрекъ съ изрубленнымъ сухимъ лицомъ, схвативъ за горло тучнаго, трясущагося, поблѣднѣвшаго повара и вытащивъ кинжалъ, иступленно допытывался:

— Скажи, скажи, гдѣ золото? Бриллианты? Гдѣ? Зарѣжу!

Поваръ. — челюсти его ходуномъ ходили, — силился отвѣтить и не могъ...

Пользуясь суматохой и тѣмъ, что Кибировъ сначала, подъ вліяніемъ неудачи, потерялъ голову, абреки разсыпавшись по вагонамъ, дали полную волю грабительскимъ инстинктамъ своимъ...

Если Кибировъ былъ ошеломленъ, Вонсяцкій былъ прямо убитъ. Тѣмъ болѣе, что степенный бородатый машинистъ подтвердилъ, что фамилія коменданта поѣзда, — Любецкій. И когда машинистъ описалъ его внѣшность, не было никакого

сомнѣнія, что Любецкій и Болтуць — одно и то же лицо.

Вонсяцкій погасъ. Минутная слабость охватила его. Неподвижный, застылъ онъ въ какомъ то столбнякѣ, ничего не видя, не замѣчая, не слыша какъ стенографистки, разнузданныя и безстыдные, громко восхищались его красотой.

Мартинъ, этотъ пещерный медвѣдь, пытался, какъ могъ и какъ умѣлъ успокоить Вонсяцкаго:

— Ничего, ничего, ваше высокоблагородіе, мы его еще паймаемъ... Честное слово, паймаемъ...

9. Немного Константинополя и немного оставшагося позади.

Константинополь и ошеломилъ, и увлекъ и закружилъ Тамару Вонсяцкую.

Какъ отодвинулся и поблѣднѣлъ родной Николаевъ и какимъ показался глухимъ провинціаломъ.

Для Константинополя это было время необычайнаго раздвѣта и блеска, и именно того внѣшняго европейскаго блеска, по которому такъ тосковала дочь Кортмана.

Оккупационный корпусъ союзниковъ вмѣстѣ съ высшимъ сухопутнымъ и морскимъ командованіемъ привлекъ семьи генераловъ и адмираловъ изъ Лондона, изъ Парижа и Нью-Йорка. Съѣхалось, какъ на пикникъ, много очаровательныхъ дѣвушекъ и дамъ — американокъ, французенокъ, и англичанокъ. Никогда еще Константинополь не видѣлъ, да и не увидитъ, пожалуй, такого пышнаго букета европейскихъ женщинъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ, въ мѣхахъ и брилліантахъ.

А военная молодежь и дипломатическій корпусъ, разросшійся по крайней мѣрѣ вдвое противъ обыкновеннаго? А промышленники, банкиры, дѣль-

цы? авантюристы и высшего полета искатели приключений?

Все это флиртowało. веселилось, танцовало, обѣдало и ужинало и въ Пера-Паласѣ отелѣ, и въ особнякахъ посольствъ и на военныхъ корабляхъ, стоявшихъ въ Босфорѣ мощной международной эскадрой.

Это была угарная жизнь со скандалами, съ бѣшенымъ бросаніемъ денегъ, съ хмельнымъ разгуломъ, — въ обычныхъ, нормальныхъ условіяхъ все это было-бы невозможнымъ и недопустимымъ. А здѣсь было и возможно и допустимо. Городъ былъ наводненъ тысячами офицеровъ, не знавшихъ куда дѣвать свой досугъ, свои деньги и свой избытокъ животныхъ силъ. Эти люди всѣхъ чиновъ и всѣхъ возрастовъ совсѣмъ недавно еще воевали нѣсколько лѣтъ, когда грань между тѣмъ, что хорошо и что дурно, что можно и чего нельзя — стиралась безъ остатка.

Вонсяцкая попала въ этотъ водоворотъ, жадно вдыхая въ себя новый пряный воздухъ, которымъ все, рѣшительно все, начиная отъ арабскаго холя въ Пера-Паласѣ-Отелѣ и кончая булыжной мостовою, пропитано было въ Константинополѣ.

Тамара сняла у Токатліана небольшой номеръ. Зачѣмъ ей большой, когда она весь день на людяхъ и такъ до поздней ночи, а къ себѣ возвращалась чтобы или переодѣться, или же уснуть?

Парижская портниха экипировала ее съ ногъ до головы, и черезъ три дня у Тамары были такіе же туалеты, какъ и у дипломатическихъ и у военныхъ дамъ.

Яркая восточная красота ея получила надлежащія рамки. Только теперь оцѣнила она въ полной мѣрѣ ту выгоду, что давалъ ей въ обществѣ ея новый паспортъ. Особенно въ этотъ періодъ успѣховъ на югѣ Россіи.

Жена офицера Добровольческой Арміи — это внушительно звучало и для французовъ, и для англичанъ и для американцевъ.

Дамы оккупационнаго корпуса приняли ее. Офицеры и штатскіе почтительно ухаживали за нею. Будь она дѣвицею Кортманъ, она не попала бы въ кругъ оккупационныхъ дамъ, а офицеры хотя и ухаживали бы, но безо всякой почтительности.

Выѣзжая изъ Новороссійска, она смотрѣла на Константинополь, какъ на этапъ, этапъ въ нѣсколько дней на пути въ Парижъ, а теперь подхваченная вихремъ удовольствій, пообѣдавъ въ резиденціи генерала Франше д'Эсперэ, облеченнаго диктаторскою властью, потанцевавъ на броненосцахъ и дретнаутахъ союзной эскадры. Вонсяцкая уже не смотрѣла на волшебный полуазіатскій городъ, какъ на этапъ. Парижъ? Парижъ не уйдетъ, и торопиться некуда. Да и всѣ французы въ одинъ голосъ увѣряли ее, что теперь въ Константинополѣ гораздо веселѣе, чѣмъ въ Парижѣ, еще не успѣвшимъ оправиться и войти въ норму послѣ войны.

Смутно, какъ сквозь кисею вспомнила Тамара—да и не было времени вспоминать—оставшихся на югѣ Россіи. Дома представлялись выросшими въ землю, маріонетками казались люди; Они копошились на скучныхъ черноземныхъ равнинахъ и такъ же скучно воевали и умирали. Сегодня бѣлые отняли городъ у красныхъ, а черезъ мѣсяцъ красные этотъ же самый городъ отнимутъ у бѣлыхъ... Нудно это и никому не интересно и прежде всего ей, Тамарѣ...

Какая она энергичная умница! Сумѣла наконецъ вырваться изъ этой провинціи и съ ея провинціальной гражданской войной!

И съ удовольствіемъ называла себя «энергичной умницей». Она забывала, вѣрнѣе, хотѣла забыть, что ее она сама вырвалась, а вырвалъ ее Вонсяцкій, легко, до ужаса, легко, между двумя стаканами чаю предложивъ ей свое имя. И не только это хотѣлось забыть, а еще кое что, оставшееся далеко, тамъ, въ родительскомъ домѣ со стеклянными крыльцомъ...

Да, съ одной стороны, было мучительное же-

ланіе забыть, а съ другой, — такъ же мучительно хотѣлось никогда не забыть. Никогда...

Они успѣли тайно, тайно, по крайней мѣрѣ отъ отца, обвинчаться. Это была деревенская церковь въ двадцати верстахъ отъ Николаева, и такой же деревенскій священникъ благословляхъ ихъ союзъ. Все что было такъ ново для нея и такъ волнующе, и такъ все было полно трепетной и сладостной загадки...

Тамарѣ казалось, что она сама пережила на яву нѣсколько страницъ прочитаннаго за зарѣ гимназической юности романа.

И послѣ этого — оскорбительная будничная проза. Чужды и чужіе остались они другъ другу на своихъ половинахъ. Онъ у себя, она у себя. И если-бы не обручальное кольцо, снятое ею, чтобы не увидалъ отецъ, право, можно было бы подумать, что все, происшедшее въ деревенскомъ храмѣ, не больше, какъ сонъ, ослѣпительный, короткій, какъ молнія.

На другой день, случайно встрѣтивъ мужчину, давашаго ей свое имя, она и на его пальцѣ не увидала узенькаго золотого обручика, съ той лишь разницей, что она обручикъ свой спрятала, то вспыхивая, то погасая, какъ заговорщица, а онъ снялъ спокойно, какъ снимаютъ бумажное сигарное колечко, въ шутку, на нѣсколько секундъ надѣтое на мизинецъ.

И вотъ для Тамары началась двойственная жизнь. Внѣшняя, какъ всегда, словно ничего не измѣнилось, и внутренняя, гдѣ каждая клѣточка мозга, каждое малѣйшее желаніе — все было густо пропитано однимъ и тѣмъ же ..

Они обвинчаны, они связали свою судьбу. Они,—мужъ и жена. И въ этомъ сознаніи было что-то такое, отъ чего кружилась голова, билось учащеннѣе сердце и опускалась дѣвственная грудь,—ничья мужская рука еще не касалась этой груди.

А, вѣдь и зеркальная дверца шкафа въ ея

комнатѣ, отражавшая нагое тѣло и взгляды мужчинъ, все говорило ей, что она хороша, и формы ея—формы богини. И онъ, тотъ юноша, самъ такой красивый и стройный, могъ бы взять это тѣло, взять по праву мужа, взять, какъ награду за принесенную жертву...

Но Восняцкій не только не спѣшилъ съ предъявленіемъ супружескихъ правъ своихъ, а, наоборотъ, избѣгалъ оставаться съ нею вдвоемъ, выбирая минуты, когда вмѣстѣ съ ней былъ Кортманъ.

Самолюбіе красавицы, знающей себѣ цѣну, не допускало мысли, чтобы Восняцкій былъ искрененъ въ своемъ равнодушіи. Это было въ началѣ, а потомъ инстинктъ подсказалъ, что это было именно такъ. Въ его манерѣ не замѣчать ее не было ничего искусственного...

Это порождало у нея вспышки гнѣва. Казалось, больше нельзя унижить и оскорбить, какъ унижалъ и оскорблялъ ее Восняцкій. И если сперва она была ему глубоко признательна за то, что она уѣдетъ и у нея выросли крылья, то теперь это чувство растворялось въ спазмахъ ненависти. Никто никогда не будетъ такъ ненавистенъ ей, какъ этотъ призрачный мужъ, оказавшійся дѣйствительно призрачнымъ!..

И она терзала себя, вышучивая и свои переживанія и за одно и Восняцкаго.

Она старше его на два года. Мальчишка. мальчишка!

Смѣшно и глупо изводить себя. Во имя чего и кого? Лотерея жизни подсунула ей билетъ, давшій цѣлое богатство, и какое еще! Уложить чемоданы и броситься въ открывшійся передъ нею большой, необъятный міръ съ его манящими зовами..

Но день проходилъ за днемъ, и она не прирагивалась къ чемоданамъ. Все чего-то ждала...

10. При свѣтѣ мѣсяца

Лезвіемъ отточенной узкой алебарды въ небесахъ повисъ мѣсяцъ. И такъ невысоко и такой онъ былъ большой, такъ необыченъ былъ цвѣтъ его, — красновато-оранжевый вмѣсто блѣдно-золотистаго, какъ всегда, — что онъ казался декоративнымъ, а не настоящимъ. Онъ заглядывалъ въ окна домовъ и домишекъ Николаева, напоминая о чемъ-то другомъ, волнующемъ и значительнымъ, нежели предстоящій сонъ, сонъ отъ скуки, отъ нечего дѣлать, или отъ физической усталости.

На разныхъ концахъ дома, но въ одной стѣнѣ были расположены окна комнатъ Вонсяцкаго и Тамары, и мѣсяцъ одновременно заглядывалъ и къ нему и къ ней сквозь темное кружево листвы, — эти окна выходили въ садъ. а не на улицу.

Вонсяцкій сидѣлъ съ книгой, но не у освѣщеннаго окна, а сбоку: легко застрѣлить со двора, если неосторожная человѣческая мишень, рисуясь на фонѣ освѣщеннаго окна, такъ просится «на мушку». Сколько было такихъ убійствъ за послѣднее время!

Попался какой-то очень плохо переведенный и очень истрепанный романъ безъ первой и безъ послѣдней страницы. Но если-бы онъ былъ хорошо переведенъ, не былъ затрепанъ и были бы первыя страницы, Вонсяцкій все равно не могъ бы читать...

Всѣми помыслами онъ былъ уже тамъ, на фронтѣ, подъ Курскомъ, тамъ, гдѣ, можетъ быть судьба сведетъ его лицомъ къ лицу съ человѣкомъ съ давнишнею кличкой «Быкъ въ пенснэ»...

У Тамары за послѣднее время и безъ того были взвинчены нервы, а этотъ оранжевый, впадавшій въ «кровавость» мѣсяцъ, и притягивалъ и будилъ какую-то смутную тревогу и, вообще, не давалъ покоя.

И подъ наплывомъ всѣхъ этихъ ощущеній она

рѣшила, что ей необходимо сейчасъ же, не откладывая объясниться со своимъ «мужемъ».

Да, объясниться настаивала она съ тѣмъ большимъ упрямствомъ, чѣмъ больше хотѣла, чтобы это позднее свиданіе вылилось во что угодно, только не въ объясненіе...

Съ точки зрѣнія разсудочной все понятно, все ясно, какъ геометрическая фигура. Самъ Вонсяцкій далъ сжатую схему, какъ все произойдетъ и какія приметъ формы этотъ фиктивный бракъ.

Но даже у самыхъ разсудочныхъ женщинъ бываютъ моменты, когда чувство, темпераментъ, душа берутъ верхъ надъ головою.

Тамара не думала, съ чего начнетъ и что скажетъ? Сколько ни думай, дѣйствительность перевернетъ всѣ построенія. Она думала о другомъ, чисто техническомъ: какъ пройти къ мужу, никѣмъ не замѣченной?

Отецъ спитъ въ своей спальнѣ и спитъ, по обыкновенію, крѣпко. Кухня съ прислугой далеко, Сухомлинъ, денщикъ Вонсяцкаго, спитъ на воздухѣ, у крыльца... Надо пройти отъ себя въ столовую, изъ столовой въ переднюю, а дальше, — первая комната будетъ рабочій кабинетъ Вонсяцкаго, а слѣдующая его спальня съ походной кроватью.

Короткій, безопасный путь, а чудился и длиннымъ и опаснымъ, и тихое поскрипываніе дверей выросло въ шумъ не только на всю квартиру, а на весь Николаевъ. Тамарѣ казалось, что ей надлежитъ преодолѣть тысячи трудностей...

И вотъ онѣ, эти тысячи трудностей. уже позади, Уже она прошла кабинетъ, утонувшій въ потемкахъ, канцелярски унылый, и узкая полоса свѣта отдѣляетъ послѣднюю комнату. И неожиданно выросла тысяча первая трудность.

— Кто тамъ? Сухомлинъ, ты? — донесся окрикъ Вонсяцкаго.

У Тамары подогнулись колѣни, и она услышала бѣненіе своего сердца. Отвѣтить, назвать себя, казалось выше силъ человѣческихъ!.. Застыла, нѣ-

мая... Хотѣла и не могла двинуться—такъ ослабли ноги...

Не получивъ отвѣта, Вонсяцкій подошелъ, звеня шпорами и молодымъ, сильнымъ движеніемъ распахнулъ дверь.

Онъ ожидалъ увидѣть Сухомлина, Бекера, коммуниста, прокраивающагося къ нему, зачѣмъ? надо-ли объяснять зачѣмъ?—кого угодно, только не Тamarу.

— Вы?

— Да, я... намъ.. необходимо объясниться...

— Пожалуйста, я къ вашимъ услугамъ,—и пропустивъ ее, онъ вошелъ вслѣдъ за нею.

Очутившись другъ противъ друга, они поняли, что слово «объясненіе» пустое, ненужное слово. Важно и неотразимо совсѣмъ другое: и что имъ вмѣстѣ сорокъ два года, и что они полны оба свѣжихъ силъ и по своему прекрасны и, наконецъ, важно и неотразимо еще, что у нея такъ упруго намѣчается подъ блузкой круглящаяся грудь, точно живая, точно такая сама по себѣ.. А онъ со своимъ гордымъ профилемъ широкъ въ плечахъ, весь сдержанно знойный, созрѣвшій, еще не растратившій себя языческій полубогъ.

Въ этихъ условіяхъ говорить—лишній трудъ. Въ этихъ условіяхъ губы тянутся къ губамъ, руки жадно ищутъ прикосновеній.. Ихъ такъ потянуло другъ къ другу... Такъ безуменъ былъ первый поцѣлуй. Это безуміе перешло бы въ безконечныя, безъ счета, безъ времени, въ какія то нечеловѣческія наслажденія, если-бы передъ Вонсяцкимъ въ моментъ, когда казалось ничто не могло вынудить оторваться отъ пересохшихъ, горячихъ губъ Тamarы, не всталъ окровавленный призракъ...

И словно обжегъ его солнечный день, забываемый день, и вплотную придвинулось то ужасное, что было много лѣтъ назадъ и что останется навѣки неизгладимымъ и не померкшимъ...

Онъ увидѣлъ отца въ залитомъ кровью голубомъ мундирѣ и вспомнилъ свою клятву, клятву

не знать личной жизни и радостей, пока убійца не понесетъ возмездія.

И рѣзко оборвался поцѣлуй. И со страшнымъ усиліемъ оторвавшись отъ Тамары, отдѣлившись отъ нея, еще не овладѣвъ собой, еще задыхаясь, онъ бросилъ:

— Уйдите! Уйдите!

Она, опьяненная, затуманенная, не сразу поняла даже значеніе этого слова, а когда поняла, у нея вырвалось съ мольбою восточной рабыни;

— Я не могу... не могу...

И съ такою же мольбою потянулась къ нему вся, но онъ рѣзко отведя ея руки, выбѣжалъ на крыльцо и, зазвенѣвъ стеклянной дверью, разбудилъ денщика:

Сухомлинь! Сѣдлай Джигита!..

Какъ встрепанный вскочилъ Сухомлинь, турманомъ кинулся на конюшню и черезъ пять минутъ вывелъ сѣраго въ яблокахъ текинскаго жеребца. Полгода назадъ, на Кубани, этотъ жеребецъ сдѣлался военной добычей Вонсяцкаго, послѣ того, какъ онъ зарубилъ сидѣвшаго на немъ большевицкаго комиссара. Цоканье копытъ по мостовой. Изъ подъ копытъ голубыя искры. А когда потянулись немощеныя улицы предмѣстья всадникъ пустилъ жеребца галопомъ. Горячася, закидываясь, текинецъ домчалъ Вонсяцкаго до Днѣпра. Широкая, застывшая гладь тусклымъ зеркаломъ отражала въ себѣ отточенное лезвіе мѣсяца...

И некуда больше мчаться, а надо, надо успокоить пылающій мозгъ, охладить жаръ тѣла и угомонить. измучить себя...

Вонсяцкій далъ шпоры, и текинецъ, спружившись, отдѣлившись отъ берега, бултыхнулся въ рѣку и на секунду вмѣстѣ со всадникомъ исчезъ въ глубинѣ подъ водой

И какъ ни хотѣла Тамара забыть эту ночь, — не могла, и каждый разъ вспоминая, казнилась и

терзалась и своимъ униженіемъ и своей оскорбленной гордыней...

Не захотѣлъ... Оттолкнулъ...

И злоба и жажда мести клокотали въ ней.

И когда черезъ недѣлю по прїѣздѣ въ Константинополь, она отдалась американскому моряку, она увидѣла въ этомъ, хотѣла увидѣть, начало мести.

II. Въ тылу у красныхъ.

Захваченный поѣздъ Троцкаго доставленъ былъ на Курскій вокзалъ во всемъ своемъ великолѣпіи. По приказу высшаго начальства онъ былъ использованъ для антибольшевицкой агитаціи.

Рабочихъ и крестьянъ водили по этимъ пульмановскимъ вагонамъ съ мягкой мебелью, въ коврахъ и въ зеркалахъ, съ ванными и прочимъ комфортомъ.

И «властвующій» пролетаріатъ, ѣздившій въ телячьихъ и въ товарныхъ вагонахъ съ выбитыми окнами, то громко негодуя, то молча скребя затылокъ, созерцалъ всю эту роскошь «вождя социалистовъ».

Показывали винный погребокъ съ дюжинами шампанскаго, показывали вагонъ холодильникъ съ запасомъ битой дичи, съ окороками дикихъ кабановъ и козъ.

— Вотъ какъ и чѣмъ лакомился товарищъ Троцкій, А вы жрете конину, да и то не всегда.

Агитація имѣла успѣхъ. Даже наиболѣе сознательные коммунисты, разочаровались въ своемъ божкѣ, уходя, энергично сплевывали и чистили своего вчерашняго божка «прохвостомъ и сукинымъ сыномъ».

А «прохвостъ и сукинъ сынъ», сбѣжавъ подъ Курскомъ, успѣлъ черезъ день-другой вынырнуть

уже въ Орлѣ^ч. И тамъ выступалъ на митингахъ съ демагогическими рѣчами. Но демагогія эта послѣ паденія Курска была уже не такой зажигательной. Да и какъ-никакъ исторія съ бѣгствомъ и захватомъ бѣлыми поѣзда широко огласилась.

Троцкій потрясалъ своей бороденкой, но уже не высказывалъ увѣренности, что рабочіе, сомкнувшись желѣзными рядами, не пустятъ въ Орель деникинскихъ бандитовъ».

Онъ пошелъ на компромиссъ:

— О если мы и уйдемъ отсюда, то уйдемъ такъ хлопнувъ дверью, что содрогнется вся эта бѣлогвардейщина!...

На языкѣ Троцкого это значило: передъ отходомъ устроить кровавую баню всѣмъ уцѣлѣвшимъ отъ разстрѣловъ и казней буржуямъ.

Кибировъ получилъ трудную, рискованную, но выигрышную и эффектную въ боевомъ отношеніи задачу: со своей сотнею похозяйничать въ глубокомъ тылу красныхъ. Снять панику, взрывать желѣзныя дороги, уничтожать радіостанціи и телеграфъ.

Все это, пожалуй, еще съ большимъ успѣхомъ могла бы выполнить и любая регулярная конная часть. Снять погоны съ шинелей и кое гдѣ можно сойти за красноармейцевъ, что значительно облегчало бы продвиженіе. Но кавказская форма имѣла свои несомнѣнные плюсы. Папахи, черкески и восточный типъ горцевъ — все это производило устрашающее впечатлѣніе, какъ все новое, непонятное и бьющее по воображенію.

А Кибировъ повсюду распространялъ слухъ:

Мы — авангардъ! За нами идетъ цѣлый туземный корпусъ!

И всѣ вѣрили, а сотня выростала чуть-ли не въ дивизію, — такъ искусно маневрировалъ полковникъ, разбрасывая маленькіе взводы свои на

широкомъ фронтѣ. Въ одинъ и тотъ же день въ десяткахъ селъ и на многихъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ появлялись абреки, и въ напуганной болъшевицкой фантазіи горсточка всадниковъ воинственнаго вида, по крайней мѣрѣ, удесятирялась

И взлетали на воздухъ участки желѣзной дороги, захватывались штабы красноармейскихъ полковъ, приводились въ негодность полевые телефоны и телеграфные аппараты на станціяхъ.

Красные всполошились. Троцкій обѣщалъ большую денежную награду за полное уничтоженіе обнаглѣвшей звѣриной конницы классоваго врага..

И вотъ спѣшно двинуто нѣсколько эскадроновъ корпуса, коимъ командовалъ Буденный, бывший царскій вахмистръ.

Буденовцы — это уже не былъ случайный сбродъ, посаженный на лошадей, сбродъ вызывавшій конфузъ даже у самыхъ штатскихъ вождей большевизма.

И когда Вонсяцкій со своимъ отрядомъ всадниковъ неожиданно нарвался на полпути между Курскомъ и Орломъ на эскадронъ буденовцевъ, онъ припавъ къ биноклю, убѣдился, что это противникъ не только впятеро сильнѣйшій, но и противникъ серіозный. Можно было разглядѣть въ этотъ ясный осенній день внезапно высыпавшихъ изъ лѣса буденовцевъ. Рослые въ длинныхъ кавалерійскихъ шинеляхъ и въ защитныхъ суконныхъ шлемахъ увѣренно сидѣли они на крупныхъ кирасирскихъ лошадяхъ. Это не сбродъ, а кавалеристы, сдѣлавшіе Великую Войну подъ императорскими знаменами и воюющіе теперь подъ красной тряпкою...

Разстояніе — гладкая поляна шаговъ восемьсотъ. Это разстояніе уменьшалось Буденовцы пока были почти въ состояніи неподвижности, они только-только разворачивались, а абреки Вонсяцкаго шли на нихъ на рысяхъ.

И вотъ Вонсяцкому надлежало въ двѣ-три секунды принять то, или иное рѣшеніе. Еще есть

время повернуть поскакать прочь, есть, но нѣтъ никакихъ шансовъ уйти: не маленькимъ горскимъ лошадкамъ состязаться съ кирасирскими лошадьми буденовцевъ. Одинъ Вонсяцкій развѣ ушелъ-бы на своемъ текинскомъ жеребцѣ. Но эта вѣроломная мысль бросить своихъ кавказцевъ подъ шашки этихъ всадниковъ въ суконныхъ шлемахъ с красными звѣздами машинально даже не промелькнула у него.

И первое оцѣпенѣніе холоднаго ужаса смѣнилось безумной дерзостью отчаянія. Это отчаяніе внушило попытку прорваться въ лѣсъ сквозь пока еще жиденькую цѣпочку буденовцевъ. И, что-то прокричавъ пожилому, бородатому, съ изрубленнымъ лицомъ вахмистру въ косматой папахѣ, Вонсяцкій вынесся впередъ на своемъ Джигитѣ. За нимъ его абреки и уже въ хвостѣ имъ прирученный великанъ на своей громадной кавалергардской клячѣ.

Только-бы прорваться!

Бѣшеный карьеръ, воздухъ свиститъ кругомъ.

Но буденовцы поняли маневръ. Цѣпочка всадниковъ сплотилась и успѣла загнуть оба фланга. И когда абреки доскакали вплотную, врагъ встрѣтилъ ихъ густой, непроницаемой подковою. Вначалѣ недолгое преимущество было на сторонѣ атаковавшихъ, именно потому, что они были атакующіе, а затѣмъ потому еще, что горцы были темпераментнѣе и, въ третьихъ, потому еще, что каждымъ абрекомъ владѣла та безумная храбрость отчаянія, которая раньше овладѣла его молодымъ командиромъ.

Вонсяцкій, издали намѣтившій себѣ злое усатое лицо подъ суконнымъ шлемомъ, ударилъ шашкою по этому шлему, и усачъ съ разрубленной головой качнулся вбокъ и выронилъ шашку... Его сосѣдъ выстрѣлилъ въ Вонсяцкаго изъ большого кольца, но вмѣсто всадника попалъ въ глазъ его Джигиту. Жеребецъ рухнулъ на землю, всей своей тяжестью придавивъ сѣдока. Вонсяцкій едва успѣлъ

высвободить изъ стремянъ обѣ ноги и только этимъ предохранилъ себя отъ увѣчья. Но бывшійся въ судорогахъ агоніи Джигитъ и безъ того съ такою силою нажималъ Вонсяцкому на грудь, что нечѣмъ было дышать и меркло сознаніе. Скатившійся со своей клячи Мартинъ, схвативъ Джигита за ноги, стащилъ его съ обезпамятѣвшаго всадника. Въ этотъ моментъ одинъ изъ буденовцевъ грудью лошади сбилъ Мартина и подмялъ подъ копыта. А кругомъ, среди эгого человѣческаго и лошадиного мѣсива, смуглые всадники въ черкескахъ и всадники въ длинныхъ шинеляхъ отчаянно рубились. А когда сгрудились такъ, что негдѣ было развернуться пашкѣ, люди переплетались, давили другъ друга, вгрызались зубами, вылущивали пальцами глаза... Черезъ двѣ-три минуты бой былъ конченъ. Ни одного абрека не осталось въ живыхъ, а кто остался израненный, того добивали. Но и буденовцамъ дорогой цѣной досталась побѣда. Изрубленные десятками разметались они кругомъ по полянѣ...

12. У нихъ все по закону.

Товарищъ Моськинъ былъ политическимъ комиссаромъ дивизіи буденовцевъ, другими словами, занималъ довольно высокое положеніе. Это ему дала исключительная жестокость, проявленная по отношенію къ офицерамъ въ самомъ началѣ большевизма.

Товарищъ Моськинъ былъ красивъ той особенной писарьской слащаво-плебейской смазливостью, что такъ плѣняла всегда горничныхъ и швеекъ. И онъ, дѣйствительно, былъ до революціи военнымъ писаремъ.

Первое впечатлѣніе—щеголь и весельчакъ съ заборными усиками и напомаженными волосами съ боковымъ проборомъ. Онъ всегда усмѣхался и подмигивалъ, весьма довольный собой. Но если всмотрѣться въ глаза Моськина—жутъ навѣвалъ ихъ взглядъ! Перочиннымъ ножикомъ, не спѣша, перерѣжетъ горло и такъ же будетъ усмѣхаться и подмигивать.

Носилъ чешуйчатую золотую браслетку съ массивной бомбочкой. Носилъ красные гусарскіе чакчиры, хотя военнымъ писаремъ былъ не въ кавалеріи, а въ пѣхотѣ. Да и теперь автомобильное передвиженіе предпочиталъ всякому другому и слѣдовалъ со штабомъ своей дивизіи на мощной великокняжеской машинѣ.

И вотъ къ этому самому товарищу Моськину введенъ былъ для допроса Вонсяцкій. Введенъ былъ въ одну изъ комнатъ наполовину разгромленнаго и разворованнаго барскаго особняка. Въ такихъ особнякахъ жили уѣздные предводители дворянства.

Съ черески Вонсяцкаго еще въ часы глубокаго обморока спороты были погоны, Да, нѣсколько часовъ онъ былъ безъ памяти и отъ моральныхъ потрясеній и отъ физическихъ,—и спина и грудь были тупой болью, послѣ паденія, когда на него давилъ всей тяжестью, трепыхаясь и вздрагивая сѣрый въ яблокахъ текинецъ.

А вслѣдъ за этимъ чьи-то ловкія опытные руки основательно обшарили его карманы, и на столѣ передъ Моськинымъ лежало содержимое этихъ кармановъ, въ томъ числѣ бумажникъ съ документами, но безъ денегъ. На пути, между опушкою лѣса, гдѣ разыгрался бой, и письменнымъ столомъ военнаго комиссара, деньги успѣли исчезнуть.

Моськинъ, питавшій слабость къ внѣшнимъ эффектамъ, приказалъ зажечь два канделябра, хотя и поддѣльнаго варшавскаго серебра, но внушительныхъ. Свѣчи маленькія, тоненькія, случайныя не-

много портили эффектъ, но все же Моськинъ былъ доволенъ.

Онъ избѣгалъ походить на остальныхъ товарищей комиссаровъ съ отмѣнной грубостью обхожденія и самъ былъ отмѣнно любезенъ. Галантнымъ движеніемъ руки съ браслеткой и бомбочкой онъ предложилъ плѣннику сѣсть, и не чуявшій подъ собою ногъ Вонсяцкій съ наслажденіемъ опустился въ ободранное кресло.

Моськинъ съ улыбочкой подмигнулъ.

— Итакъ, простите, не знаю вашего чина-званія-съ. Погончиковъ не вижу... Сами спороть изволили?..

— До этого никогда не унизился-бы! Погоны свои носилъ съ честью, отвѣтилъ Вонсяцкій, — а чинъ мой — корнетъ.

— Вѣрю, господинъ корнетъ, вѣрю... Видъ у васъ такой. Смѣлый-съ! Да и сами вы хоть и молоды, а воюете съ сердцемъ. Командиру эскадрона полъ черепа отхватили...

— Да? — съ какой то радостью не могъ удержаться Вонсяцкій, сейчасъ только вспомнивъ, что на рукавъ у мордастаго усаха было много какихъ то нашивокъ.

— Веселенькаго мало, — подмигнулъ комиссаръ, — за это-съ къ стѣночкѣ поставятъ. Да! У насъ не какъ-нибудь, а по закону-съ! Я могъ бы тутъ же всадить вамъ въ затылокъ свинцовый гостинчикъ, но только ни къ чему-съ...

Вонсяцкій съ трудомъ подавилъ вздохъ облегченія. Значить — не сейчасъ. Есть отсрочка, а вмѣстѣ съ ней есть и надежда.

Товарищъ Моськинъ, позванивая браслеткою, вынулъ изъ бумажника портретъ офицера съ жирными эполетами.

— Кто такой будетъ, смѣю съ любопытствовать? Ужъ больно личность господская. Знакомый или сродственникъ?

— Это отецъ мой, — отвѣтилъ Вонсяцкій, испытывая почти физическую боль при видѣ, какъ вер-

титъ въ пальцахъ этотъ смазливый негодяй дорогое изображеніе.

— Папаша, значить? Живы изволятъ быть? Въ бѣлыхъ съ арміяхъ?

подавивъ отвращеніе, Вонсяцкій отвѣтилъ:

— Если-бы мой отецъ былъ живъ, онъ, конечно, былъ бы тамъ, гдѣ его сынъ...

— Моськинъ, прищутивъ одинъ глазъ, другимъ подмигнулъ:

— Откровенно-съ! Люблю-съ. Ну, а это?—спросилъ онъ, вынимая изъ другого отдѣла кусочекъ голубого сукна, отъ времени какъ-то серебристо выцвѣтшаго.

Вонсяцкій молчалъ.

Моськинъ самъ пошелъ ему на встрѣчу:

— Образецъ! Сукно первый сортъ! Довоенное жандармское. Теперь такого не достать! — вздохнулъ комиссаръ — щеголь. — Да-съ молодцы-то вы солоды, а пакостей намъ натворили! На шести участкахъ путь взорванъ. Штабъ перваго полка перешали. Можно такъ людей истреблять?

— Гражданская война — это и есть взаимное истребленіе. Вы — насъ, мы — васъ! — отвѣтилъ Вонсяцкій.

— Такъ то оно такъ, а только нашего брата больше. Ну, да гдѣ мнѣ философію разводить. Мы люди не ученые, темные. Такъ вотъ, получите-съ вапъ бумажникъ. Портретъ папаши и этотъ самый образчикъ сукна... А только не пригодится онъ вамъ. Галифэ себѣ не сошьете. Разберутъ ваше дѣло въ трибуналѣ и къ стѣночкѣ-съ. По закону-съ! Да еще передъ стѣночкой, поди, китайскій маникурчикъ сдѣлають...

Сколь ни пытался Вонсяцкій держать въ рукахъ и себя и свои нервы, этотъ «китайскій маникюръ» остудилъ его дрожью... Это не укрылось отъ Моськина. Онъ пересталъ улыбаться и подмигивать, и глаза его стали холодно жестокими.

— Не нравится? А кто въ Николаевѣ совѣтскихъ работниковъ вѣшалъ? Кто ихъ отправлялъ

подъ веревочку-съ? Если-бы вы были такъ себѣ офицерикъ лядящій, я вамъ тутъ же всади-ль-бы пулю, — разъяснялъ Моськинъ, забывъ, какъ мину-ту назадъ говорилъ, что у нихъ «все по закону». — Такъ точно-съ, корнетъ Вонсяцкій... И вынесли бы и голоднымъ псамъ выбросили-бы на жратву. А такъ что вы успѣли прославиться, то и почетъ вамъ другой. Трибуналъ васъ разсудить, а вмѣстѣ съ жилами вымотаютъ кое-какія свѣдѣнія. У насъ все по закону. Только законъ особый нашъ, революціонный. — Моськинъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но на столѣ въ ящикѣ зажжужжалъ полевой телефонъ.

Моськинъ приникъ ухомъ къ трубкѣ. Вонсяцкому доносился какой-то хрипучій голосъ, или ка-завшійся хрипучимъ. Моськинъ, выдерживая паузы, недовольно повторялъ: «такъ-съ... такъ-съ...»

Съ каждымъ новымъ «такъ съ» раздраженіе усиливалось и, наконецъ, онъ швырнулъ трубку и, забывъ про свое галантное обращеніе, загнулъ трехэтажное матерное словечко. Затѣмъ вынулъ изъ тяжелого золотого портсигара папиросу и, уда-ривъ объ крышку мундштукомъ, какъ это дѣлали господа офицеры, закурилъ, глядя на Вонсяцкаго.

А Вонсяцкому такъ мучительно хотѣлось узнать, о чемъ шла рѣчь по телефону? Инстинктъ подсказывалъ, что Моськинъ разстроенъ неудачею на фронтѣ. И хотя Моськину надлежало хранить дипломатическое молчаніе передъ классовымъ вра-гомъ, но желанье высказаться было сильнѣе.

— А этотъ вашъ сукинъ сынъ Кибиловъ-азіатъ прорвался! Вотъ совсѣмъ зажали въ кольцо двумя эскадронами, такъ нѣтъ, выскочилъ! Мать его такъ и этакъ!

— Слава Богу, — размахисто перекрестился Вонсяцкій.

Мысль о судьбѣ Кибиловскаго отряда тяже-лымъ камнемъ угнетала его. Теперь этотъ камень свалился... Теперь онъ будетъ думать только о са-

момъ себѣ. Неужели, неужели все кончено и отецъ, его дорогой отецъ останется не отомщеннымъ?

13. Происшествіе въ вагонѣ „особаго назначенія“.

Осенній, щемяще тоскливый ревнивый пейзажъ съ бурями прямоугольниками сжатыхъ полей, поблекшими лугами и синѣющими полосками лѣсовъ. Кое гдѣ села съ бѣлою, застѣнчивою церковью подъ зеленымъ куполомъ.

Товарно—пассажирскій поѣздъ пересѣкалъ этотъ пейзажъ съ юга на сѣверъ. Въ сущности пассажирскихъ вагоновъ только два: одинъ тотчасъ за паровозомъ, для кондукторской бригады. Второй—и послѣдній,—короткій полу—вагонъ, прилѣпленный въ самомъ хвостѣ, былъ—коммунисты любятъ высокопарныя названія— вагономъ «особаго назначенія».

Въ этомъ вагонѣ особаго назначенія всего на всего три путника: Вонсяцкій съ двумя конвойными.

Деревянные грязно оливковаго цвѣта скамейки третьяго класса. На одной сидѣлъ Вонсяцкій, а лицомъ къ лицу съ нимъ тѣ, кто долженъ былъ его доставить въ губернский городъ, пять—шесть часовъ ѣзды.

Одинъ изъ конвоировъ, плотный, румяный красноармеецъ въ узкой, не по росту шинели, вооруженный пѣхотной винтовкой съ плоскимъ германскимъ штыкомъ; этотъ лѣтъ двадцати двухъ былъ солдатомъ позднѣйшаго, уже совѣтскаго набора. Типичный сынъ деревни, сохранившій физическую свѣжесть, наивно смотрѣлъ на Божій міръ глазами щелками. Такихъ называютъ пентюхами. И какъ у пентюха, у него не было не только клас-

совой злобы къ офицеру золотопогоннику, не было никакой злобы. Онъ получалъ свой паекъ, свое жалованье, выдали ему купчую шинель, подбитые гвоздями башмаки и сѣро-голубыя французскія обмотки. Чего же еще? Надо же какъ-нибудь жить человеку.

Вонсяцкій почувствовалъ симпатію къ немудренному парню въ той же мѣрѣ, въ какой возненавидѣлъ его товарища.

Если пентюхъ былъ типичной деревенщиной, сосѣдъ его былъ такимъ же типичнымъ городскимъ выкидышемъ. Съ виду плюгавый, а на самомъ дѣлѣ проворный, съ быстрыми обезьяньими ухватками, онъ былъ блѣденъ зеленоватою блѣдностью. Жирные угри на лицѣ и шея въ рубцахъ. И въ оловянныхъ глазахъ безстыжихъ и нахальныхъ—жирный блескъ.

Кожаная куртка съ висѣвшимъ на поясѣ револьверомъ, офицерскіе галиффе—діагональ и тонкіе сапоги, видимо, снятые съ разстрѣляннаго офицера. Между колѣнями австрійскій карабинъ, а обоймы къ нему раздували карманъ кожаной куртки. Болтало это городское отродье безъ умолку, и при этомъ жгло папиросу за папирсой: у него папирсы были понапиханы всюду и въ золотомъ портсигарѣ съ брилліантовымъ орломъ, и въ карманахъ галиффе, и въ кожаномъ револьверномъ кобурѣ и еще двѣ дежурныя папирсы за каждымъ ухомъ.

Онъ самъ задыхался въ своемъ табачномъ дыму и открылъ окна, дѣлая сквознякъ, нисколько не думая, что «смертникъ» продрогнетъ въ своей тонкой черкескѣ. Да и чего съ нимъ канителиться? Черезъ какихъ-нибудь полъ—сутокъ его разстрѣляютъ.

Хотя кожаная куртка обращалась только къ красноармейцу, но весь потокъ словъ, выбрасываемый вмѣстѣ съ пузырями слюны гнилозубымъ ртомъ, предназначался по адресу «помѣщичьяго сына».

Пентюхъ, лѣнливо пяля свои глаза—щелки, слушалъ бахвальство кожаной куртки, брехавшей какъ она, эта куртка, вмѣстѣ съ матросами своего корабля, пытала и мучила своихъ офицеровъ. Пытать и мучить онъ могъ какъ угодно и кого угодно этотъ подлый змѣенышъ, но матросомъ флота царскаго вромени онъ ужъ никакъ не могъ быть ни по своему возрасту, ни по своей невзрачной, жиденькой фигурѣ, ни по своимъ корешкамъ вмѣсто зубовъ, ни, наконецъ, по своему жаргону, менѣе всего матроскому и болѣе всего воровскому. Да онъ и произвелъ на Вонсяцкаго впечатлѣніе чего-то средняго между ворипшкой и сутенерствующимъ хулиганомъ. Вотъ къ кому навѣрное онъ и былъ до поступленія въ совѣтскіе чиновники.

Но «матросъ» или «товарищъ морякъ» это гордо звучало. Это былъ аттестатъ не только на уваженіе, а и на преклоненіе «трудящихся массъ».

Желая сказать, что онъ самолично схватилъ какого то офицера за горло, кожаная куртка слово горло замѣнила словомъ «машинка», а револьверъ назвалъ онъ «мальчикомъ».

Это сильно отзывало тюремной терминологіей.

«Морякъ» уничтожалъ папиросу за папиросой не потому, что ужъ такъ велика была потребность курить, а потому, что у такихъ, какъ онъ, революціонныхъ нуворипшей считалось хорошимъ тономъ не переставая курить. И, кромѣ того, было еще желаніе помучить «офицеришку». Ему навѣрное вотъ какъ хочется курить, пусть же смотреть, пусть глотаетъ дымъ. Довольно съ него и этого!

А затѣмъ, матросъ, знавшій, что, по крайней мѣрѣ, за двѣнадцать послѣднихъ часовъ помѣщичій сынокъ ничего не ѣлъ, вздумалъ поиздѣваться надъ нимъ. Изъ щегольского нессесера зеленой крокодиловой кожи — нессесерь, конечно, краденый, какъ и галиффе, и сапоги и золотой портсигаръ съ брилліантами, — «матросъ» вынималъ снѣдь въ газетной бумагѣ: ветчину, колбасу, масло, сыръ, хлѣбы, все то, чѣмъ въ совѣтскомъ раю мо-

жетъ лакомиться одна лишь коммунистическая аристократія.

— Кушайте, товарищъ, — послѣдовало обращеніе къ красноармейцу.

Обладатель всѣхъ этихъ вещей началъ нетерпѣливо кромсать ихъ ножомъ, а колбасу и безъ ножа рвалъ на куски. Пентюхъ же, какъ истый сынъ деревни относившійся къ ѣдѣ съ уваженіемъ, съ чисто крестьянской домовитостью, аккуратно рѣзалъ хлѣбъ и, прежде чѣмъ нарѣзать, перекрестился, за что получилъ насмѣшливое:

— Ну, сознательный же вы, товарищъ! Темнота! Буржуи да попы Бога выдумали, а вы рады стараться, лбы свои дурацкіе крестите. Эхъ, темнота, темнота! — и, фыркнувъ, хаменокъ принялся такъ уплетать колбасу — не только ходуномъ заходили челюсти, а вмѣстѣ съ ними задвигались и уши, съ грязью, густо накопившейся въ раковинахъ.

Въ этотъ моментъ хаменокъ былъ до спазмъ, до головокруженія омерзителенъ. Вонсяцкому, поднималось желаніе бросить его о землю и топтать ногами, топтать, топтать, пока не превратится въ сплошное кровавое мѣсиво.

Но... еще не время.

Вонсяцкій все обдумалъ и продумалъ. Онъ попытаетъ счастье здѣсь же, въ вагонѣ, и не будетъ дожидаться, пока Пентюхъ и хаменокъ доставятъ его въ трибуналъ.

Тамъ ждетъ его вѣрная смерть, а здѣсь здѣсь возможенъ успѣхъ. Самое главное, быстро и ловко справиться съ этимъ экъ карманнымъ воришкой. Пентюхъ же не въ счетъ. О немъ Вонсяцкій какъ-то и не думалъ, потому, быть можетъ, что Пентюхъ былъ ему пріятенъ и своимъ тупымъ ко всему безразличіемъ и особенно тѣмъ, что перекрестился передъ ѣдою.

Сумерки уже надвинулись, уже отгоралъ пепельно-красный пламень осенняго заката. Пусть же совсѣмъ погаснетъ, пусть совсѣмъ стемнѣетъ,

и тогда можно осуществить свой планъ. А планъ былъ простой — самое смѣлое всегда самое простое — обезвредить хаменка, воспользоваться его оружіемъ и, когда поѣздъ, замедляя свой ходъ, будетъ подходить къ станціи, выпрыгнуть изъ вагона. А дальше... Вонсяцкій не задумывался, что будетъ дальше. Да и почему онъ могъ знать? Самое важное — свобода! А свобода, плюсъ еще револьверъ и карабинъ съ цѣлой пригоршней обоймъ, это уже такое неимоверное достиженіе, изъ за котораго можно и слѣдуетъ рискнуть.

Если бы хаменокъ зналъ, какія мысли таятся подъ черепомъ «золотопогонника — молокососа», хаменокъ былъ бы осмотрительнѣе, былъ бы на чеку. Но практика послѣднихъ мѣсяцевъ усыпила бдительность хаменка. Ему случалось и возить, и водить буржуевъ на разстрѣлъ, и они слѣдовали за нимъ, какъ бараны на бойню. Случалось, хаменокъ одинъ конвоировалъ нѣсколькихъ, и никогда, ничего! Отсюда полное презрѣніе. «Боятся сволочи не смѣютъ!».

Но если бы хаменокъ не притворялся, что Вонсяцкій для него пустое мѣсто и онъ не замѣчаетъ его, если бы онъ хоть разъ всмотрѣлся въ эти глаза, страшные своей сосредоточенной неподвижностью, не увлекаясь ни папиросами, ни жратвою, ни бахвальствомъ, хаменокъ все время сидѣлъ бы съ наведеннымъ револьверомъ...

А онъ уничтожалъ свою провизію, въ антрактахъ сквернословилъ, балуясь, и вышвыривалъ въ окно вѣтромъ подхватываемыя замасленные бумажки, по мѣрѣ того, какъ опустошался несесеръ крокодиловой кожи. И вотъ послѣдняя бумажка птицею выпорхнула изъ окна.

Хаменокъ обтеръ ладонью жирныя губы.

— А теперь, товарищ, покуримъ...

Онъ пошарилъ въ карманахъ.

— Мать его за ногу! Сколько было папиросъ и нѣту! Э, врешь, есть, братъ, есть! — И, вынувъ изъ кабуры чудесный испанскій наганъ, отливав-

шій темной синевою ствола и барабана, положивъ его рядомъ съ собою на скамейку, онъ запустилъ пальцы въ глубину кобура..

— Ого! хватить, братишка! Еще накуримся всласть...

Вскочивъ, цѣпкимъ движеніемъ Вонсяцкій схватилъ наганъ.

— Руки вверхъ!

И хотя это больше относилось къ хаменку, пентюхъ покорно и угодливо вскинулъ обѣ руки. Будь у него еще нѣсколько рукъ, онъ такъ же охотно и безболѣзненно поднялъ бы ихъ.

Хаменокъ же поступилъ иначе. Онъ былъ отваженъ апашеской, бандитской отвагою. Съ кѣмъ только, чѣмъ только и какъ только не дрался онъ за свою молодую, но буйную и бурную жизнь. Дрался и въ кабакахъ, и въ воровскихъ притонахъ, и въ ночлежкахъ, и у гулящихъ дѣвицъ и подъ мостами изъ за делѣжа награбленной добычи. Дрался и на кулакахъ, и ножомъ, и камнями и полѣньями дровъ. И его били и онъ билъ. Ему ломали ребра, и онъ ломалъ. Воспиталась привычка къ дракѣ. Воспиталось пренебреженіе къ физической боли и къ опасности.

И хаменокъ не опѣшилъ, вѣтъ. Онъ разсвирѣпѣлъ и на себя за свою оплошность и на помѣщичьяго сынка за его дерзость.

Только бы отнять револьверъ, не дать выстрѣлить, а тамъ онъ уже справится. И не такихъ ломалъ! Да и красноармеецъ поможетъ.

— Братишка, выручай! — и хаменокъ звѣренымъ бросился, нацѣлившись на руку съ наганомъ, чтобы вгрызться въ нее зубами, а одновременно съ этимъ — ударъ головою въ грудь, одинъ изъ испытанныхъ ударовъ, — у человѣка замираетъ дыханье и онъ валится, какъ мѣшокъ съ картофелемъ.

Вонсяцкій не дооцѣнившій хаменка, подобно тому, какъ хаменокъ не дооцѣнилъ его, невѣрилъ, что хаменокъ дерзнетъ напасть и былъ наститнетъ

врасплохъ... Одна часть задуманнаго осуществилась хаменкомъ, другая—нѣтъ. Онъ успѣлъ схватить руку съ наганомъ, ударъ же головою въ грудь вышелъ скользящимъ ударомъ. Вонсяцкій успѣлъ повернуться всѣмъ тѣломъ въ профиль и лѣвымъ кулакомъ по боксерски успѣлъ хватить противника въ нижнюю челюсть. Теперь уже у хаменка пресѣклось дыханіе и брызнулъ снопомъ горячихъ искръ изъ глазъ, но не настолько, чтобы потерять сознаніе.

— Братишка, сукинъ сынъ, бей его, бей прикладомъ! — и хаменокъ, готовый уже вдѣпиться зубами въ сжимавшіе револьверъ пальцы, носкомъ сапога ударилъ Вонсяцкаго въ кость пониже колѣна. Безумная боль удесятирила бѣшенство офицера, и онъ вырвавъ, наконецъ, руку, стукнулъ вороненымъ дуломъ револьвера по головѣ съ пѣнящимися губамъ.

Хаменокъ опрокинулся навзничъ.

А пентюхъ держалъ все время самый строгій нейтралитетъ. Въ силу какихъ причинъ—Богъ его знаетъ. То ли сердце его лежало больше къ Вонсяцкому, то ли растерался и обалдѣлъ, то ли просто лѣнь было вмѣшиваться. Такъ или иначе, этотъ нейтралитетъ погубилъ чекиста и спасъ золотопогонника.

Вонсяцкій почему-то вспомнилъ и вспомнилъ по французскій, хотя никогда на этомъ языкѣ не думалъ:

— Le vin est tiré, il faut le boire !

Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣсколько секундъ—все это продолжалось нѣсколько секундъ — поле боя осталось за тѣмъ, кого товарищъ Моськинъ загнывалъ «китайскимъ маникюромъ»

Начало успѣшное. Необходимо этотъ успѣхъ закрѣпить. И необыкновенное спокойствіе овладѣло Вонсяцкимъ послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія, терзающихъ сомнѣній и послѣ нѣсколькихъ секундъ борьбы, когда все было поставлено на

карту, все, до жизни включительно, висѣло на тончайшемъ волоскѣ.

И вотъ врагъ, врагъ, слѣдуетъ признаться, опасный лежитъ у ногъ растеряннаго пентюха. Теперь пентюха надо подчинить и лишить послѣднихъ остатковъ и безъ того слабой, разрыхленной какой то воли. И необходимо спѣшить! Поѣздъ идетъ обычной товаро—пассажирской рысцою, но звѣриный инстинктъ, помогающій человѣку въ такіе моменты, какъ сейчасъ, подсказалъ Вонсяцкому, что ближайшая станція уже не далеко.

И хотя въ вагонъ особаго назначенія никто изъ постороннихъ не смѣлъ входить, но могутъ войти дежурные на станція чекисты, замѣняющіе царскихъ жандармовъ. Это можетъ погубить все. Спѣшить, спѣшить и спѣшить!

— Ты уйдешь со мной!—сказалъ Вонсяцкій пентюху, а не то тебя разстрѣляютъ.

— Слушаю, баринъ,—подтянулся вдругъ красноармеецъ.

— Сними съ него куртку!

Но такъ какъ пентюхъ приступилъ къ этому занятію неумѣло, Вонсяцкій, отстранивъ его и подавляя брезгливость къ хамену, самъ стащилъ съ него куртку, при чемъ хаменокъ какъ-то деревянно стучался объ имъ же самимъ заплеванный и захарканный полъ.

Бумажникъ съ документами Вонсяцкій оставилъ себѣ, а пачку романовскихъ пятисотрублевыхъ сунулъ красноармейцу.

Пентюхъ жадно схватилъ деньги.

— А золотую коробочку, баринъ, можно мнѣ?

И портсигаръ съ брилліантовымъ орломъ сдѣлался добычею пентюха.

Черезъ минуту черкеска и бешметъ полетѣли въ окно, а Вонсяцкій былъ уже въ хаменковой курткѣ, съ его фуражкой на головѣ и съ его обоями въ карманѣ.

— Выброси въ окно эту падаля!

Красноармеецъ сгребъ хаменка, уперъ грудью

на подоковникъ, схватилъ за ноги и такъ, подержавъ внизъ головою, пустилъ подъ откосъ. Хаменокъ, перевернувшись нѣсколько разъ, свалился въ канаву.

Вонсяцкій повѣсилъ черезъ плечо карабинъ, сунулъ въ кобуру наганъ и бросилъ послѣдній взглядъ... Ничего, никакихъ слѣдовъ послѣ того, какъ пентюхъ, держа одною рукою винтовку, другою прихватилъ нессесеръ крокодиловой кожи.

— И энтая сумочка сгодится...—проснулся въ немъ хозяйственный мужикъ.

Медленноѣ ходъ. Уже осязательнѣе близость станціи. Замелькали силуэты построекъ, замелькали огни во мракѣ.

Вонсяцкій прыгнулъ съ подножки и устоялъ. Пентюхъ, запутавшись въ своей длинной шинели, упалъ, уронивъ нессеръ и винтовку, но тотчасъ же, крѣпко выругавшись, всталъ на ноги и вмѣстѣ съ ношею въ обѣихъ рукахъ, двинулся вслѣдъ за Вонсяцкимъ, прочь отъ желѣзной дороги, черезъ поле, по направленію къ чернѣющему лѣсу.

А когда на станціи мѣстные чекисты, оповѣщенные по телеграфу о пассажирахъ вагона особаго назначенія, вошли въ этотъ вагонъ,— тамъ уже никого не было...

14. Пятьсотъ долларовъ—только начало...

Офицерскій корпусъ, наводнившій Константинополь во время оккупации, «физически» дѣлился на двѣ части: наиболѣе породистыми были французскіе кавалеристы, потомки древнихъ и знатныхъ семействъ. Наиболѣе красивые, рослые, сильные—въ этомъ отношеніи пальма первенства принадлежала англичанамъ.

Но съ появленіемъ въ Босфоръ американской эскадры, англичане какъ-то вдругъ потускнѣли и отодвинулись на второй планъ.

Такихъ красавцевъ, такого атлетически-гигантскаго типа, вдобавокъ, въ такомъ изобиліи, еще не видала Европа. Константинополь, хотя и «азиатскій», все же кусочекъ Европы, а въ оккупационные годы не только кусочекъ, а и преизрядный кусокъ.

Да, эти американцы, во всемъ бѣломъ, съ выправкою боксеровъ и гимнастовъ и съ такими профилями,—возникалъ невольно вопросъ, откуда эти у нихъ римская, чисто монетная красота линій,—производившая впечатлѣніе чего-то средняго между человѣкомъ и звѣремъ. Но какимъ великолѣпнымъ, восхитительнымъ звѣремъ! И вотъ одному изъ этихъ полу-людей, полу-звѣрей съ улыбкою центавра, монетнымъ профилемъ и геркулесовымъ торсомъ выпало сыграть въ жизни Тамары такъ называемую роль «перваго мужчины», ея «перваго мужчины».

Онъ, этотъ дважды бреющійся и дважды въ день берущій ванну красавецъ, взялъ ее съ той дикой стихійностью, съ какою предки его, первые поселенцы Дальняго Запада, не знавшіе, что такое бриться и брать ванну, накидываясь на похищенныхъ индіанокъ...

Тамара нѣсколько дней не покидала своей комнаты, ошеломленная, разбитая не столько тѣлесно, сколько морально. Все это было такъ ново, такъ буйно, такъ головокружительно пьяняще. Для нея это было перевернутой страницей жизни, для американца же, эпизодомъ, «эпизодомъ въ порту».

Она смотрѣла на случившееся съ оттѣнкомъ чего то разнѣженнаго, признательнаго. Онъ же не признавалъ, самымъ искреннимъ образомъ не признавалъ никакихъ «сентиментовъ».

Въ одно изъ послѣдующихъ свиданій она сказала ему:

— Вы даже не знаете, какъ меня зовутъ...

Онъ отвѣтилъ съ притягивающею улыбкою молодого звѣря, отвѣтилъ на отчаянномъ французскомъ языкѣ и съ отчаяннымъ произношеніемъ:

А зачѣмъ мнѣ знать ваше имя? Развѣ это что-нибудь измѣнило бы? Когда я буду вспоминать васъ, я вспомню нѣчто совсѣмъ другое, а не ваше имя...

Вначалѣ Тамара слегка обидѣлась даже, но потомъ простила. У этихъ мужчинъ, мужчинъ отсюда, гдѣ необъятные дремучіе лѣса, гдѣ широкія въ два, три Босфора рѣки густо кишатъ крокодилами, у этихъ мужчинъ свой, почти первобытный взглядъ не только на чувство, но и, вообще, на многое. А посему надо быть менѣе требовательной и брать ихъ, какъ они есть.

Эскадра получила приказъ поднять якорь и уйти къ берегамъ Египта. Американецъ наскоро забѣжалъ проститься, наскоро поцѣловалъ Тамару и уже въ дверяхъ такъ «сдѣлалъ ручкой», словно разставался съ нею не навсегда, а лишь на нѣсколько часовъ.

На другой день, вынимая изъ картонной коробки твердую бумагу для писемъ, Тамара нашла между конвертами десять узенькихъ ассигнацій по пятидесяти долларовъ каждая.

Надъ происхожденіемъ этого сюрприза ломать голову не приходилось: американецъ оставилъ свой гонораръ. Спасибо ему, онъ могъ сдѣлать это гораздо менѣе деликатно и тонко...

Сначала Тамара вспыхнула, а затѣмъ, затѣмъ краска сбѣжала съ лица, смѣнившись улыбкою. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, забавно! Какой онъ, однако, милый. Тѣмъ болѣе, деньги у нея на исходѣ и эти пятьсотъ долларовъ будутъ весьма и весьма кстати.

Кромѣ того, эти десять узенькихъ бумажекъ открывали новые горизонты: вдругъ встало то, о чемъ она пока не задумывалась. Ея внѣшность, ея прекрасное тѣло, — это именно и есть средство завоевать блестящую, полную радостей жизнь, жизнь, которая всегда манила ее.

Успѣхъ, какъ и неуспѣхъ, никогда не приходитъ въ одиночку.

Броненосцы подъ звѣзднымъ флагомъ только что отошли, какъ Тамара познакомилась съ господиномъ Флоресъ

Аргентинецъ Флоресъ былъ однимъ изъ тѣхъ скороспѣлыхъ богачей, коихъ расплодилось не мало въ Южной Америкѣ за годы Великой Войны. Они сдѣлали громадныя милліоны, снабжая консервами и мясомъ обѣ воюющія стороны, какъ австро-германцевъ, такъ и державы согласія.

И вотъ Флоресъ, — въ самомъ началѣ войны средній скотопромышленникъ, къ концу войны уже не зналъ счета деньгамъ. Гдѣ и на какомъ только фронтѣ не попадались жестянки мясныхъ консервовъ съ этикеткою «Педро Флоресъ»? Онъ былъ «кормильцемъ», по крайней мѣрѣ, двухъ-трехъ милліоновъ бойцовъ, и это изо дня въ день на протяженіи трехъ съ половиной лѣтъ...

Мудрено ли, что къ моменту нашего повѣствованія Флоресъ могъ осуществить любой, самый дикій, дорого стоящій капризъ свой. Онъ могъ дарить и дарилъ случайнымъ любовницамъ такія жемчужныя нитки, такія брилліантовыя кольца, — онѣ съ честью могли бы украсить какую угодно царственную шею какой угодно царствующей особы. Дѣлая такія безумныя траты, Флоресъ иногда упрямо торговался изъ за пустяковъ. Въ немъ просыпался кулакъ-скотоводъ, не такъ давно еще не брезгавшій тѣмъ, чтобы поприжать своихъ гаучо, гонявшихъ по преріямъ его быковъ.

Флоресу уже было тѣсно въ Аргентинѣ. Она казалась ему такой глухой, провинціальной. Теперь, въ пятьдесятъ два года, онъ только-только почувствовалъ аппетитъ и вкусъ къ жизни. Онъ хотѣлъ наверстать десятки лѣтъ труда и будничнаго, тусклаго существованія.

Парижъ, Парижъ и только Парижъ!..

Онъ купилъ особнякъ, и даже не особнякъ, а дворецъ у Булонскаго лѣса. Купилъ вмѣстѣ со

стильной мебелью, картинами, бронзою, гобеленами, ничего не понимая ни въ мебели, ни въ картинахъ, ни бронзѣ, ни въ гобеленахъ.

Въ Константинополь онъ пріѣхалъ на нѣсколь-ко дней, отчасти ради новыхъ впечатлѣній, отчасти-же дабы заключить многомилліонную «консервную» сдѣлку съ французскимъ и англійскимъ командо-ваніемъ.

Онъ пріѣхалъ съ тремя секретарями, въ чемъ не было никакой нужды, и снялъ въ Пера-Паласъ-Отелѣ самые дорогіе апартаменты, въ чемъ опять таки не было никакой нужды. Но какой же нуво-ришъ не тщеславенъ и не жаждетъ, чтобы о немъ говорили?

Онъ до сихъ поръ все еще не успѣлъ осво-иться съ смокингомъ, этотъ неуклюжій, массивный брюнетъ. Его большія, красныя руки безпомощно выпирали изъ бѣлоснѣжныхъ манжетъ съ такими брилліантовыми запонками — сами по себѣ цѣлое состояніе. Но главный брилліантъ, ослѣпительный, источавшій дивныя голубыя лучи, сверкалъ у него на пальцѣ.

Онъ былъ такъ чудовищенъ, когда Тамара уви-дѣла его, онъ показался ей бутафорскимъ. Но бу-тафорскіе брилліанты никогда такъ ослѣпительно, умопомрачительно не горятъ.

Тамара невольно улыбнулась, и эта улыбка дала аргентинцу поводъ заговорить. Онъ склеивалъ французскія фразы съ такимъ трудомъ, какъ если бы ворочалъ тяжелые камни. Флореса можно было понять, чутко прислушиваясь и думая вмѣстѣ съ нимъ.

Тамара увидѣла, что нравится ему и онъ такъ же восхищенъ ею, какъ она — его голубымъ брилліантомъ.

Флоресъ былъ слишкомъ дѣловымъ человѣ-комъ и слишкомъ былъ увѣренъ въ неотразимости своихъ милліоновъ, дабы тратить слова попусту, особенно же, если эти французскія слова давались такъ трудно, что вгоняли въ испарину.

15. Воплотившіяся мечты.

Онъ выжалъ изъ себя:

— Я за послѣднія пять лѣтъ имѣлъ триста женщинъ. Нѣтъ, даже больше! Но только триста я твердо помню. И долженъ я вамъ сказать..

Здѣсь господину Флоресу труднѣе было пояснить свою мысль, и даже не мысль, а цѣлую теорію. Теорію, такъ сказать, половой проблемы въ нѣкоемъ родѣ.

Не зная, куда дѣвать свои красныя руки, онъ съ усиліемъ подбиралъ отдѣльныя слова, какъ работникъ подбираетъ цвѣтные камешки, а Тамара, подхватывая, изъ этихъ отдѣльныхъ словъ составляла человѣческія фразы, какъ художникъ составляетъ изъ отдѣльныхъ камешковъ мозаику.

Никакимъ особеннымъ откровеніемъ въ половомъ вопросѣ господинъ Флоресъ не блеснулъ, но надо отдать ему должное, смѣло съ прямолинейностью дикаря, сказалъ женщинамъ то, чего болѣе цивилизованный мужчина, а посему и болѣе лицемерный, хотя и не скажетъ, но подумаетъ, да и, кромѣ того, неукоснительно проведетъ въ своей личной жизни.

Вотъ что получилось, уже въ обработанномъ и отдѣланномъ Тамарою видѣ:

— Что такое женщина? Это существо съ удивительно обманчивой внѣшностью. Какъ яблоко румяное, налитое, глазъ нельзя оторвать, и наполняется ротъ слюною... Такъ желаешь откусить упругой мякоти. И, бываетъ, откусишь и съ гримасою сплюнешь, чтобы не проглотить червяка. Да, попалось червивое яблоко. Такъ и женщина. И въ жизни бываетъ и въ романахъ пишутъ, хотя я никакихъ романовъ не читаю... Такъ вотъ... какойнибудь король: жена у него писанная красавица. Ослѣпляетъ! А король, пусть это будетъ король, безъ ума отъ какой-нибудь дамы, не красивой, незамѣтной, какихъ много. Почему? Да по-

тому, что эта дама... какъ бы вамъ сказать... не румяная и не пышная, а внутри оказалась вкусная... Вотъ что!...

Тамара, смѣясь, молча, кивнула.

Но переходъ господина Флореса былъ столь неожиданный, что улыбка сбѣжала съ ея лица.

— И вотъ, вы! По виду какая нибудь восточная принцесса. Съ вами пріятно показываться. Если васъ поставить въ надлежащія рамки, вы... о васъ заговорятъ не только гдѣ-нибудь, а въ самомъ Парижѣ! Но откуда я могу знать, что вы не то самое яблоко, румяное, налитое, о которомъ только что была рѣчь? Надо сначала попробовать. И вотъ я вамъ предлагаю: три дня вы будете моей, и я увижу. Если я буду желать васъ и на четвертый, и на пятый, я васъ увезу въ Парижъ, и вы убѣдитесь, какъ и чѣмъ я васъ обставляю? Самыя модныя женщины будутъ вамъ завидовать. А если вы не подойдете, я вамъ дамъ за три дня три тысячи долларовъ и мы разстанемся безъ всякихъ претензій другъ къ другу. Идетъ? — Господинъ Флоресъ какъ-то наивно, совсѣмъ не оскорбительно протянулъ свою большую, красную руку съ чудовищнымъ брилліантомъ.

Тамара такъ разволновалась и такъ застучало въ вискахъ — ни обидѣться, ни даже заколебаться не было времени, и ея матовая, узкая, съ длинными пальцами рука потонула въ здоровенной лапищѣ аргентинскаго скотовода.

Трехдневный экзаменъ выдержанъ былъ на славу и уже на четвертый день восточный экспрессъ уносилъ Тамару и Флореса въ Парижъ, въ этотъ волшебный, упоительный Парижъ... То, о чемъ Тамара, вся замирая, читала въ романахъ, со сказочной быстротой осуществлялось.

Изъ оконъ своихъ апартаментовъ у «Ритца» она видѣла Вандомскую колонну. Видѣла банкъ Моргана, гдѣ у нея былъ уже текущій счетъ. Но Ритцъ, съ его роскошью, съ его нарядной толпою

— почти сплошь все миллионеры, былъ лишь переходной ступеню, этапомъ.

Господинъ Флоресъ купилъ для нея большой особнякъ, на три четверти выходившій въ паркъ Монсо. Этотъ особнякъ, долго хранившій свое музейное молчанье, вдругъ ожилъ. Цѣлая фаланга декораторовъ обойщиковъ работала днемъ и ночью. А черезъ недѣлю особнякъ уже наполненъ былъ прислугою, — лакеями, камеристками, поварями, шоферами.

Флоресъ, какъ честный коммерсантъ, сдержалъ свои обѣщанія. Тамара убѣдилась, что всѣ ея грезы, планы о будущемъ, поблѣднѣли и потускнѣли передъ великолѣпной дѣйствительностью. Флоресъ не подарилъ, а залилъ ее всю брилліантами, и если бы она украсилась всѣмъ, что онъ для нея закупилъ, она казалась бы чѣмъ то среднимъ между индійскимъ божествомъ и витриной какогонибудь ювелира на rue de la Paix.

Эта вчерашняя провинціалка побила всѣ рекорды всѣхъ брилліантовыхъ королевъ, и право, не было въ устахъ аргентинца только фразой, что самыя шикарныя, модныя женщины будутъ завидовать ей.

Здѣсь, въ Парижѣ, еще болѣе, чѣмъ въ Константинополѣ, оцѣнила Тамара свое положеніе «дамы». Ей не надо было, подобно другимъ содержанкамъ, покупать себѣ титулъ какого-нибудь прогорѣвшаго графа, или маркиза. У нея былъ мужъ, молодой, красивый офицеръ, геройски сражавшійся на югѣ Россіи съ большевиками. Это не давало титула, но это не было банально, въ этомъ былъ привкусъ чего-то новаго, интереснаго, интригующаго.

Она поставила на видномъ мѣстѣ увеличенный портретъ Вонсяцкаго и всѣмъ поясняла: «это мой мужъ», и всѣ говорили: «какой красавецъ». Журналистамъ, описавшимъ въ газетахъ ея брилліанты, ея особнякъ, ея обѣды и самое Тамару, она давала интервью, и въ этихъ интервью удѣля-

лось много мѣста юному герою съ внѣшностью греческаго божка.

Словомъ, такое недавнее, рѣшенное между двумя стаканами чаю, въ столовой дома со стекляннымъ крыльцомъ, выросло въ нѣчто большое, во всякомъ случаѣ, въ событіе, обвѣявшее молодую женщину романтическимъ ореоломъ.

Другая на ея мѣстѣ удовлетворилась бы всѣмъ этимъ, но Тамарѣ хотѣлось большаго. Хотѣлось лавровъ артистки. Это окончательно упрочить ея положеніе и дать славу, не сомнительную славу демимоденки, а ведетты экрана.

Флоресъ не только не имѣлъ ничего противъ, а, наоборотъ, поощрять:

— Конечно, это идея! Пусть васъ, пусть ваши туалеты, мѣха и брилліанты видятъ не тысячи людей, а милліоны, и пусть эти милліоны знаютъ, кто вы и что вы! А, главное, наши имена будутъ повторяться вмѣстѣ...

Для Флореса. съ его тщеславіемъ выскочки, это послѣднее было дѣйствительно «самое главное».

Нуженъ былъ мостикъ между особнякомъ, выходившимъ въ паркъ Монсо и кинематографическимъ міромъ. Такой мостикъ нашелся въ лицѣ Океанскаго. Настоящая его фамилія была Гринзайдтъ, но Океанскій — болѣе благозвучно и онъ сдѣлался Океанскимъ.

Годъ съ небольшимъ назадъ, вагонъ третьяго класса выплюнулъ на закопченный Ліонскій вокзалъ неопрятнаго, грязнаго, въ заношенномъ бѣлѣ молодого человѣка съ густой синею щетиною на подбородкѣ и на всемъ лицѣ и съ голоднымъ блескомъ въ глазахъ. А черезъ годъ это уже былъ лоснящійся, чисто выбритый, отѣвѣвшійся наглець, извѣстный въ кино-кругахъ подъ фамиліей Океанскаго. Съ нимъ считались, къ нему шли за протекціей. Онъ выдавалъ чужіе сценаріи за свои и ставилъ картины. или же дѣлалъ видъ, что ставитъ. Во всякомъ случаѣ, отъ него зависѣло многое.

Этотъ Океанскій предложилъ свои услуги Тамарѣ:

— Сдѣлать васъ ведеттой — пара пустяковы! За это я берусь! А за что берется Океанскій, — будьте спокойны! У насъ можно сдѣлать карьеру двоякимъ путемъ. Бѣдная женщина должна пройти черезъ спальню директора, или меттерансцена, или режиссера. Чаще же всего — черезъ всѣ три спальни...

Поймавъ гримасу на лицѣ Тамары, Океанскій поспѣшилъ оговориться:

— Но этотъ законъ писанъ не для васъ! У васъ есть, чѣмъ откупиться. Вы ставите на свой счетъ картину, мы дѣлаемъ приблизительную смету, вашъ покровитель выдаетъ дирекціи соотвѣтствующій чекъ — и дѣло въ шляпѣ! Что такое? Вы сомнѣваетесь въ своемъ талантѣ? Не надо никакого таланта! Ваша красота, ваша фигура, туалеты, мѣха — все это замѣнитъ вамъ талантъ. Нечего говорить, нѣкоторыя женщины, женщины-лошади дѣйствительно портятъ картины. Пленка не выдерживаетъ! Но, вѣдь, вы же совсѣмъ другое дѣло! Если вы станете на мраморной лѣстницѣ, а съ плеча будетъ свѣшиваться горностаѣ, такъ это же будетъ... Я васъ вижу, ей Богу, вижу! Я самъ напишу сценарій!

Но Тамара чуть-чуть охладила Океанскаго съ его самоуувѣренной наглостью:

— Что до сценарія, то я предпочту его заказать Пьеру Бенуа...

— Пьеру Бенуа? Пьеру Бенуа? — оскорбился Океанскій. — А вы знаете, что мнѣ приходится редактировать его сценаріи, и даже не только въ смыслѣ постановочномъ, а и въ литературномъ!..

— Даже? — иронически удивилась Тамара, въ такомъ случаѣ, почему же вы не пишете сами? Вы могли бы замѣнить Пьера Бенуа?

— Имѣйте же терпѣнье, это еще будетъ! — пообѣщала наглець.

Тамара не сомнѣвалась: при тѣхъ безумныхъ

деньгахъ, которыя будутъ брошены на картину, она черезъ какихъ-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ увидитъ себя на экранѣ. Но убѣгалъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, а еще не было приступлено къ съемкамъ. Бездна времени уходила на подготовительныя работы, если только можно было такъ назвать эту вотъ ужъ дѣйствительно кинематографическую сутолку!

Сценарій писался, читался, подвергался измѣненіямъ. То недовольна была Тамара, воплощавшая героиню, то недоволенъ былъ премьеръ, воплощавшій героя, то они вмѣстѣ были недовольны.

Режиссеры, меттерансценъ съ главными персонажами безъ конца собирались, обсуждали, критиковали и каждый вносилъ что-нибудь свое, новое. Это называлось «конференціей». А такъ какъ обыкновенно конферировали за обѣдомъ у Тамары — объ этихъ обѣдахъ говорилъ весь Парижъ, — то жрецы экрана, цѣнившіе тонкую кухню и винный погребъ мадамъ Вонсяцкой, не спѣшили найти общій языкъ, утвердить сценарій и отъ болтовни перейти къ дѣлу...

На этихъ артистическихъ обѣдахъ почти неизмѣнно присутствовалъ господинъ Флоресъ съ громаднѣйшей сигарой въ зубахъ. Флоресъ не вмѣшивался въ обсужденія, но торопилъ:

— Когда же начнутся съемки, чортъ возьми! Это удовольствіе уже обошлось мнѣ въ пятьсотъ тысячъ, а до сихъ поръ еще ничего нѣтъ.

Тамара сама раздѣляла его нетерпѣніе, но, увы, на каждомъ шагу возникали досадныя препятствія. Одно изъ главнѣйшихъ — туалеты. Два самыхъ модныхъ и дорогихъ «котюра» выбивались изъ силъ, чтобы угодить будущей венеттѣ, уже избравшей себѣ псевдонимъ «Тамара Вансъ». Да и трудно было угодить Тamarѣ съ ея желаніемъ экстравагантностью туалетовъ своихъ затмить и Ниту Нальди, и Мей Мюреи и Глорію Свенсонъ.

Сколько перепорчено было атласа, мѣховой оторочки, разныхъ шифоновъ, тончайшаго газа,

кружевъ! Все это браковалось и за все это платились большія деньги.

Только-только подходилъ къ благополучному разрѣшенію туалетный вопросъ, возникали недоразумѣнія уже не газовыя, мѣховыя, атласныя, а профессионально-артистическія. Люди были менѣе покладисты, чѣмъ неодушевленные предметы.

Откуда то, изъ Неаполя, дирекція вывезла красиваго итальянца, предназначивъ ему вторую мужскую роль. Премьеръ, невысокій, коренастый блондинъ, увидѣвъ итальянца, поставилъ ультиматумъ:

— Или онъ, или я!

Всѣ попытки уломать премьера были тщетны, а такъ какъ у премьера было большое имя, и картина съ его участіемъ будетъ продана такъ сказать на корню, еще до появленія въ свѣтъ, нельзя было съ нимъ не считаться.

Съ итальянцемъ былъ порванъ контрактъ. Онъ получилъ неустойку и сдѣлался танцоромъ въ ночномъ ресторанѣ, гдѣ въ него влюбилась американка съ такимъ же брилліантомъ на пальцѣ, какъ у господина Флореса.

И Тамара очень долго не могла остановиться на своей партнершѣ. Океанскій подсовывалъ ей одну актрису за другой и она всѣхъ ихъ браковала, опасаясь даже малѣйшей тѣни соперничества. Такъ незамѣтно прошло около двухъ лѣтъ. Цѣною этихъ семисотъ съ чѣмъ-то дней устранены были и побѣждены всѣ одушевленные и неодушевленные препятствія, и началась, наконецъ, постановка сценарія, отъ коего послѣ многихъ десятковъ измѣненій и камня на камнѣ не осталось.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

16. Встрѣча въ метро.

Хотя Эккеръ всего около двухъ лѣтъ назадъ носилъ офицерскіе погоны и былъ адъютантомъ Слащева, но, Боже, какъ все это было далеко! Не осталось ничего отъ погонъ и даже отъ Слащева,—онъ перешелъ къ большевикамъ.

И вотъ Эккеръ вновь штатскій, живописецъ, человѣкъ либеральной профессіи, какимъ былъ всю жизнь.

Послѣ эвакуаціи Крыма, очутившись въ Константинополѣ, гдѣ нельзя было не очутиться, Эккеръ зарабатывалъ и очень хорошо портретами англійскихъ и американскихъ адмираловъ и генераловъ. Портреты имѣли успѣхъ и не могли не имѣть. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Эккеръ укатилъ въ Парижъ, съ кругленькой валютою въ карманѣ. Въ Парижѣ частью нашлись, частью завелись знакомства и связи, а, слѣдовательно и заказы.

Въ Пасси, на рю де ла Туръ, онъ снялъ большое ателье съ гигантскимъ окномъ и съ баллюстрадою,—было впечатлѣніе двухъ этажей.

Разъ въ мѣсяцъ Эккеръ, изысканно одѣтый, съ изысканно остриженной бородкою, изысканно принималъ у себя, и къ нему съѣзжался тотъ международный «весь Парижъ», дѣтски любопытный и такъ же дѣтски тщеславный, который любитъ по-

сѣщать художниковъ, музыкантовъ, поэтовъ, всѣхъ тѣхъ, кто поднимается надъ большимъ уровнемъ.

Однѣ аргентинки везли къ нему другихъ аргентинокъ, шведки — шведокъ, англичанки — англичанокъ. И Эккеръ успѣвалъ писать этихъ свободныхъ, праздныхъ женщинъ, томящихся отъ бездѣлья.

Въ январскій день, Эккеръ, въ котелкѣ, по парижской модѣ сдвинутомъ на бокъ и въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ, розовый, свѣжій, выхоленный спустился въ ближайшее метро на рю де ла Помпъ.

Бойкіе оживленные часы отъ пяти до шести, и Эккеръ, идя къ стоянкѣ вагона перваго класса, пронизывалъ толпу, обычную зимнюю толпу въ темныхъ тонахъ. И вдругъ его глазъ, глазъ недавняго офицера добровольческой арміи, гдѣ все былъ одинъ сплошной защитный цвѣтъ, остановился на мужской фигурѣ именно въ защитномъ англійскомъ пальто безъ погонъ и въ такой же англійской мягкой фуражкѣ безъ кокарды.

Ничто такъ живо не переноситъ въ прошлое, какъ запахъ, вкусъ, звукъ и цвѣтъ. Въ данномъ случаѣ, цвѣтъ.

Но Эккеръ еще живѣе перенесся въ прошлое, узнавъ обладателя защитной англійской шинели.

— Вонсяцкій, ты? Какими судьбами? Откуда?

Не успѣвшій опомниться Вонсяцкій почувствовалъ на своихъ губахъ мягкое прикосновенье благоухающей бороды. И онъ въ свою очередь воскликнулъ:

— Эккеръ?!..

Съ грохотомъ налетѣлъ и остановился освѣщенный поѣздъ. Толпа взяла его штурмомъ, и онъ умчался. На перронѣ остались Вонсяцкій и Эккеръ.

И такъ были взволнованы, и такъ много хотѣлось сказать и рады были оба неожиданной — негаданной встрѣчѣ, что не могли говорить, а въ головѣ не было связанныхъ мыслей. Роемъ нахлынуло вмѣстѣ пережитое и переиспытанное!

— Ты куда ѣхалъ?

— А ты куда?

И оба вопроса остались безъ отвѣта.

Сумбуръ улегся не сразу, а когда улегся успѣлъ налетѣть съ грохотомъ слѣдующій поѣздъ.

— Позволь, такъ нельзя... Я тебя не отпущу... ты никуда не спѣшишь?—молвилъ Эккеръ.

— Я,—нѣтъ! Можетъ быть ты?

— Пустяки! Хотѣлъ заглянуть въ Континенталь, кой какія дамы соберутся къ чаю, но это не важно... Знаешь что: я живу въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда. Ты мнѣ сдѣлаешь громадное удовольствіе... Гдѣ ты, что ты — я понятія не имѣлъ. Прожилъ въ Константинополѣ шесть мѣсяцевъ и ни слуху, ни духу о тебѣ! То есть, слухи были, но такіе,—не хотѣлось вѣрить: будто бы большевики разстрѣляли тебя вмѣстѣ съ твоимъ партизанскимъ отрядомъ... гдѣ то на Сѣверномъ Кавказѣ, уже послѣ ухода Врангеля. Но ты здоровъ, живъ и невредимъ, а слѣдовательно тебя ждетъ долгій, долгій вѣкъ.

Иони вышли на авеню Анри Мартенъ, съ его оголенными деревьями и молочнымъ сіяніемъ фонарей въ холодныхъ сумеркахъ. И хотя до ателье Эккера было дѣйствительно нѣсколько шаговъ, но дабы еще сократить ихъ, Эккеръ взялъ такси.

Въ ателье было тепло, какъ въ оранжереѣ. Тепло отъ пышавшихъ калориферовъ. А переносная, круглая металлическая печь — такъ накалена, что нельзя подойти близко! Вонсяцкій, за весь день намерзшійся въ своемъ жиденькомъ защитномъ пальто, съ такимъ удовольствіемъ грѣлся...

— У меня позировала модель, — пояснилъ Эккеръ, — а нагота въ состояніи неподвижности весьма чувствительна къ холоду. Кромѣ того, я пишу портреты южныхъ американокъ. Для нихъ должно быть тепло, какъ въ банѣ. Еще бы послѣ ихъ солнца!.. Но внѣшнее тепло требуетъ внутренняго. Выпьемъ портвейну!

Изъ столовой художникъ вернулся съ темной,

широкой, приземистой бутылкой и съ двумя стаканами.

— За нашу встрѣчу!

Вмѣстѣ съ портвейномъ по жиламъ растекалось что то бодрящее. Въ этой чудесной, увѣшанной картинами студіи, глядя на Эккера, Вонсяцкій уже не чувствовалъ себя такимъ затеряннымъ и одинокимъ.

А Эккеръ былъ полонъ нетерпѣнія узнать, какъ провелъ Вонсяцкій эти два года ихъ разлуки.

Но Вонсяцкій былъ, вообще, не словоохотливъ, а говорить о себѣ мѣшала какая то врожденная застѣнчивость. Да онъ и не любилъ говорить о себѣ.

И поэтому скупо, сжато, съ лаконизмомъ телеграфной ленты сообщилъ.

Послѣ бѣгства онъ пробрался къ своимъ, къ Бѣлымъ. До послѣдняго момента воевалъ въ Крыму, въ рядахъ Врангеля. А когда всѣ ушли, остался въ надеждѣ отыскать убійцу своего отца и расправиться съ нимъ. Побывалъ въ Москвѣ, но Болтуць, нынѣ Любецкій, не только не попадался ему, а и никто не могъ ничего опредѣленнаго сказать о немъ...

Вонсяцкій нѣсколько разъ былъ арестованъ, а изъ Крыма, гдѣ сумасшедшій извергъ Бѣлакунъ въ десять дней разстрѣлялъ 75.000 офицеровъ, удалось ускользнуть въ условіяхъ прямо непостижимаго счастья.

Послѣ тщетныхъ поисковъ неуловимаго Любецкаго, прошелъ годъ. Вонсяцкій въ трюмѣ греческаго купца пробрался изъ Феодосіи въ Константинополь. Тамъ онъ получалъ тридцать піастровъ въ день — только-только можно было питаться хлѣбомъ — за расклейку афишъ. И вотъ однажды занимаясь дѣломъ на Перѣ, макая въ ведро съ клейстеромъ длинную кисть, Вонсяцкій увидѣлъ въ остановившемся автомобилѣ...

— Его! — догадался Эккеръ.

— Да! Въ этотъ моментъ я понялъ, что фраза,

вычитанная въ романахъ «сила его удесятирилась» не только фраза. Я не слабаго десятка, но какъ я могъ однимъ движеніемъ схватить тяжелаго, растолстѣвшаго Болтуца, вырвать его изъ машины и бросить на мостовую, я и сейчасъ не объясню тебѣ. Еще минута, и я задушилъ бы его, загрызъ, самъ не знаю, что сдѣлалъ бы, но меня схватили турецкіе жандармы. На другой же день въ кандалахъ я былъ отправленъ въ Дарданеллы, въ тюрьму. Черезъ полгода меня выпустили съ требованіемъ покинуть въ 24 часа предѣлы Турціи.

А далѣе — французскій пароходъ, и я въ качествѣ помощника повара. Такъ пробрался въ Марсель, и вотъ уже около двухъ недѣль въ Парижѣ ищу какой-нибудь работы.

Эккеръ молчалъ, всматриваясь въ Вонсяцкаго прищуреннымъ взглядомъ, какъ если бы писалъ его портретъ.

— Сначала необходимо тебя одѣть съ ногъ до головы. Защитное непріятно коробитъ глазъ. Напоминаетъ войну, а здѣсь хотятъ забыть ее, и всякое напоминаніе — непріятно. Ты шире меня, и ни одинъ изъ моихъ костюмовъ не только не будетъ впору, а по всѣмъ швамъ лопнетъ... жаль! Но ничего. Завтра я тебя свезу на Монмартръ. У самого кладбища есть магазинъ готоваго платья и не какой-нибудь дешевки, а отъ лучшихъ портныхъ... Мы тебя экипируемъ, выйдешь отуда лондонскимъ дэнди.

— Но у лондонскаго дэнди весь капиталъ восемь съ половиной франковъ, — полужастѣнчиво полугрустно улыбнулся Вонсяцкій.

— Ничего, уладимъ! Я въ эту зиму не плохо заработалъ, какъ нибудь сочтемъ. А что касается дѣла, — вновь прищурился Эккеръ, глядя на Вонсяцкаго и что то соображая. — Вотъ что: я приглашенъ завѣдывать декоративною частью одной кино-картины. Ее будутъ крутить для какой то новой ведетты, она же субсидируетъ всю постановку. Тамъ нужны люди въ смокингахъ и во

фракахъ для такъ называемой фигурацій. Фигуранты въ кино то же самое, что въ театрахъ статисты. Восемьдесятъ франковъ въ день. Я попрошу, чтобы тебя заняли дней на пятнадцать. Съ твоей внѣшностью тебя замѣтятъ. Можешь фигурировать и въ другихъ картинахъ. А тамъ, почему знать? выбьешься и на небольшія роли. Завтра-же, когда ты будешь одѣтъ, я направлю тебя съ письмомъ къ нѣкому Океанскому. Онъ тебя и устроитъ. А теперь... восьмой часъ, близится время обѣда. Я тебя повезу въ ресторанъ «Древняя Русь». Тамъ намъ дадутъ водки, дивный салатъ — оливье, и вообще покормятъ на славу.

Молча смотрѣлъ на него растроганный Вонсяцкій.

— Но не надо... не надо — нѣжно молвилъ Эккеръ, и вновь, какъ и тамъ, въ метро, почувствовалъ Вонсяцкій прикосновеніе къ своимъ губамъ и щекамъ надушенной, выхоленной бороды.

17. Что случилось въ павильонѣ.

Надо было развернуть картину бала. А такъ какъ на немъ должна была выступить Тамара Вансъ, обставили все необыкновенно роскошно и величественно.

Эккеръ призвалъ на помощь весь свой вкусъ, всю свою фантазію и достигъ грандіознаго впечатлѣнія. Мощныя колоннады ассиро-вавилонскаго стиля сокращались въ глубокую перспективу. Было таинственно и подавляюще. Одну колонну въ пять-шесть человѣческихъ ростовъ двое рабочихъ несли безъ труда, картонную и полую внутри, а зрителю она показалась такой монументальной.

И на этомъ ассиро-вавилонскомъ фонѣ 50—60

парь должны были изощряться въ модныхъ танцахъ.

Фигуранты, почти все сплошь русскіе бѣженцы и бѣженки.

Эти бывшіе губернаторы, гвардейскіе офицеры, бывшія львицы петербургскихъ салоновъ и дочери этихъ львицъ, выросшія уже въ изгнаніи. Всѣ они въ смокингахъ и въ бальныхъ туалетахъ, густо подгримированны, съ какимъ-то чужими при свѣтѣ дня лицами, ревниво относились другъ къ другу. Каждому казалось, что кто-то желаетъ что-то у него отнять, и если бы не этотъ кто-то мѣшающій и враждебный, то все было бы хорошо.

И потому, что режиссеръ Менье, изящный, полу-французъ, полу-испанецъ выдѣлилъ молодого красавца съ головой Аполлона, Аполлона въ смокингѣ, этотъ Аполлонъ уже посѣялъ кругомъ неудовольствіе и ревность. Уже шипѣли. Шипѣли такъ, чтобы онъ слышалъ:

— Кто это такой? что за типъ?

— Что онъ о себѣ воображаетъ?

— Фигурируешь «второй годъ, дѣлаешься профессиональнымъ артистомъ» и, неугодно ли, появляется какая то выскочка, ступить не умѣетъ, а ей всѣ преимущества! На какомъ основаніи? За что? Гдѣ справедливость?

Шипѣли не только мужчины, а и дамы. Тѣ самыя дамы, что нѣсколько минутъ назадъ много-обѣщающе улыбались Вонсяцкому. Но нѣсколько минутъ назадъ онъ былъ «какъ всѣ», а теперь Менье, окинувъ его одобрительнымъ взглядомъ и всмотрѣвшись въ лицо, сказалъ:

— Держитесь первыхъ плановъ и танцуйте навиду. И не съ кѣмъ нибудь, а я самъ найду вамъ подходящую даму.

Послѣ этого Вонсяцкій и навлекъ на себя громы и молніи. Онъ даже не понималъ, въ чемъ же именно дѣло, искренно недоумѣвая, почему фигуранты спѣшили показать ему спину, едва онъ задавалъ какой-нибудь вопросъ.

А, между тѣмъ, поворачивая ему спину, умѣли до притворности унижаться передъ властью имущими въ этомъ исполинскомъ павильонѣ.

Суетливый, самоувѣренный Океанскій былъ грубъ, хамилъ, толкалъ дамъ, толкалъ бывшихъ губернаторовъ и гвардейцевъ, а въ обмѣнъ получалъ искательныя, подобострастныя улыбки.

Картина бала, снимаемая и въ общемъ и по частямъ, заняла четыре дня. Вонсяцкій заработалъ 320 франковъ. На пятый день понадобился капельмейстеръ для небольшой, эпизодической роли.

— Капельлейстеромъ будете вы! — обратился менье къ Вонсяцкому.

— Да, да, онъ будетъ капельмейстеромъ, — подхватилъ Лампье, помощникъ режиссера.

Это слышали всѣ кругомъ.

— Неудобно ли? Возмутительно! Фаворитизмъ какой-то! Слышите, ему уже дали роль?

— Нѣтъ, этотъ номеръ не пройдетъ! Мы будемъ жаловаться. Да, да, принесемъ коллективную жалобу!

Группа фигурантовъ обступила одного изъ директоровъ — не практиковавшаго врача съ внѣшностью разжирѣвшаго русскаго интеллигента.

Директоръ сочувственно выслушалъ жалобщиковъ.

— Который?

— Да вонъ стоитъ. Посмотрите, онъ уже думаетъ, что по крайней мѣрѣ, Мозжухинъ.

Директоръ возмутился:

— Въ самомъ дѣлѣ, это уже слишкомъ! Да онъ вовсе и не капельмейстеръ. Здѣсь нуженъ заправскій капельмейстеръ. И, наконецъ, почему не пригласили француза? Почему? — заволновался директоръ, носившій фамилию не то Семенова, не то Васильева. — Наконецъ, я позвоню въ Грандъ Опера и попрошу дать мнѣ одного изъ капельмейстеровъ. Надо брать французовъ, а не своихъ!.. Я сейчасъ поговорю съ Менье. Мы этого молодого человека живо сократимъ! — и директоръ, колыхая

бровями, понесъ свой животикъ навстрѣчу Менѣ. По дорогѣ онъ заготовилъ нѣсколько фразъ, но когда очутился лицомъ къ лицу съ Менѣ, все краснорѣчіе какъ рукой сняло, и директоръ не могъ выдать изъ себя ни слова.

А къ тому же еще, не давъ ему раскрыть рта, элегантный режиссеръ, отмахнувшись отъ него, какъ отъ назойливой мухи, обратился къ кому-то съ какимъ то вопросомъ.

Сконфуженный директоръ вернулся къ группѣ ожидавшихъ его фигурантовъ.

— Менѣ сейчасъ занятъ. Но, въ концѣ концовъ, Менѣ самъ по себѣ, я самъ по себѣ. Я это такъ не оставляю. Самъ съѣзжу въ Грандъ-Опера. Я... я... покажу этому... «мальчишкѣ» — хотѣлъ добавить господинъ съ животикомъ, но не успѣлъ. Онъ какъ то сократился весь и куда пропалъ его животикъ!

И всѣ повернулись къ дверямъ и какъ будто шелестъ пронесся.

Океанскій рванулся на встрѣчу Тamarъ Вансъ, высокой, театрално великолѣпной въ своемъ открытомъ платьѣ, въ своихъ мѣхахъ и съ ослѣпительно горѣвшей въ волосахъ брилліантовой діадемой, діадемой герцогини. Да Тамара и была герцогиней въ этой сочиненной для нея фильмѣ.

И хотя еще не начинали крутить «ведетта», уже войдя въ свою роль, величественно двигалась къ монументальнымъ колоннамъ, и Океанскій на ципочкахъ поспѣвалъ за ней. Все разступалось съ такими глубокими поклонами, какъ если бы это была не театральная герцогиня, а настоящая. Дамы только только удерживались отъ желанія сдѣлать придворный реверансъ.

Вонсяцкій ушелъ въ свои мысли. Онъ угадывалъ создавшуюся враждебную атмосферу, да и не только угадывалъ, а и ощущалъ. Ему было больно. Свои же русскіе! Такіе же какъ и онъ скитальцы, какъ и онъ, занесенные на чужбину. И вотъ завидуютъ, интригуютъ. Чему? Противъ чего? Винавать

ло онъ, что режиссеръ обратилъ на него вниманіе? Оказывается, виновать. До чего это мелко, недостойно и гадко!

И незамѣтнымъ прошло для него появленіе Тамары. Она стояла съ Океанскимъ за колонной, и Вонсяцкій не видѣлъ ее. Она же его увидала.

И почти физически ударило ее что-то въ грудь. Нѣтъ, не можетъ быть! Но, всмотрѣвшись, она убѣдилась: это онъ! Ея лицо исказилось недобрымъ, злымъ выраженіемъ и какъ-то подурнѣло вдругъ.

— Океанскій!

— Есть, ваша свѣтлость!

— Кто это?

— Гдѣ? Который? Которая? Кто?

— Бросьте балаганъ, — прошипѣла Тамара. Я серьезно спрашиваю. У той колонны, видите профиль? Да не выдвигайтесь!

— Ахъ, это? Новый фигурантъ. Протежэ Эккера. А что? красивъ? Уникъ? — забѣжалъ впередъ Океанскій, думая уже, не понравился ли ей новый фигурантъ. И если да, онъ, Океанскій сейчасъ же представить ей молодого красавца.

— Какъ его зовутъ? Откуда онъ? — цѣплялась Тамара за послѣднюю надежду, что лишь разительное сходство фигуранта съ ея мужемъ ввело ее въ заблужденіе.

Но надежда тотчасъ же упала, когда Океанскій произнесъ:

— Это нѣкій Вонсяцкій.

— Пойдемъ! — рѣзко вырвалосъ у нея. Океанскій въ недоумѣваніи послѣдовалъ въ ея уборную.

— Я не буду сниматься. Отпустите всѣхъ, заплатите и оставьте, оставьте меня! Съемокъ не будетъ!

— Почему? Что такое? Что случилось?

— Молчите! Не спрашивайте! Позвать ко мнѣ мадемуазель Валь. Черезъ минуту Океанскій возвратился съ мадемуазель Валь. Она завѣдывала всей многочисленной арміей фигурантовъ.

— Уйдите! — прикрикнула Тамара на Океанскаго.

Мадемуазель Валь получила приказаніе Вонсяцкаго больше не занимать и повѣстокъ ему больше не посылать.

— Можете заплатить ему за нѣсколько дней впередъ, но чтобы я его не видала больше здѣсь!

Этотъ день вышелъ неожиданно праздникомъ. Всѣ получили сполна свой гонораръ и были отпущены до слѣдующихъ съемокъ.

Вонсяцкій заѣхалъ къ Эккеру, чтобы отпра-виться вмѣстѣ куда нибудь пообѣдать.

Эккеръ только что отпустилъ даму, портретъ которой писалъ при вечернемъ свѣтѣ, въ красноватыхъ, горячихъ тонахъ, и приводилъ въ порядокъ палитру и кисти.

Вонсяцкій вошелъ со словами:

— А рано мы сегодня кончили. Даже и не начинали! — И, поймавъ на себѣ какой-то значительный взглядъ художника, спросилъ: — что ты на меня такъ смотришь?

— Благодаря тебѣ,—отозвался Эккеръ.

— Что благодаря мнѣ?

— Да то самое, мой другъ: кончили, не начиная. Не дѣлай такихъ большихъ глазъ... Ты рѣшительно ни о чемъ не догадываешься? Я тебѣ сейчасъ объясню. Я только самъ сегодня узналъ. Ведеттой оказалась... помнишь ту николаевскую Юдифь? Я еще написалъ съ ея головку? Тамара... Тамара... ну, словомъ, ты знаешь о комъ идетъ рѣчь.

— Она, «ведетта»?—переспросилъ Вонсяцкій, чувствуя, какъ его ноги наливаются чѣмъ то тяжелымъ, въ груди же, наоборотъ, дѣлается пусто, пусто.

— А почему бы и нѣтъ?—возразилъ Эккеръ,—дѣвицы похуже ея становятся ведеттами, имѣя богатыхъ поклонниковъ. И не это меня удивляетъ, а удивляетъ ея... ну, какъ бы сказать, недоброжелательное, больше, прямо злобное отношеніе къ тебѣ. И самъ виноватъ! Помнишь, я тебя натравливалъ

на нее: займись ею! А ты пренебрегъ. Женщины этого никогда не забываютъ, никогда! Вотъ она и припомнила.

— Мнѣ?—вырвалось у Вонсяцкаго.

— Да, тебѣ! Она не желаетъ, чтобы ты участвовалъ въ ея картинѣ, хотя бы даже въ качествѣ скромнаго фигуранта. Вѣрнѣе, не желаетъ съ тобой встрѣчаться. Гадко, мелко и чисто по женски. Но что съ тобой, на тебѣ лица нѣтъ! Пустякъ! Не принимай его близко къ сердцу. Не будешь крутить у нея, будешь крутить въ другомъ мѣстѣ. Понялъ?

Но Вонсяцкій ничего не понималъ! Въ головѣ у него былъ такой сумбуръ. И мучительно было сознанье, что нельзя, нельзя даже ему, другу повѣдать тайну своей женитьбы. Да, Эккеръ, самъ не подозрѣвая, угадалъ вѣрно: эта женщина никогда не забудетъ той ночи, когда мѣсяцъ кровавымъ лезвіемъ алебарды висѣлъ надъ далекимъ провинціальнымъ городомъ, а Вонсяцкій на своемъ Джигитѣ искалъ спасенія отъ знойныхъ объятій Тамары и отъ самого себя...

Но то давнее, незабытое умерло и сейчасъ въ томъ весь ужасъ, что она, эта полукокотка, полусодержанка треплетъ его имя, которое онъ, съ такимъ непростительнымъ легкомысліемъ самъ же, самъ навязалъ ей!...

Теперь это уже непоправимо. Никакъ! Допустимъ, ему удалось бы вырвать у нея разводъ, допустимъ, но, вѣдь, это нисколько не помѣшало бы ей и впередъ называться Вонсяцкой.

Она заявитъ, что это ея псевдонимъ, и попробуйте лишить ее этого псевдонима. И Вонсяцкій то вспыхивалъ, то блѣднѣлъ и на его выразительномъ лицѣ отражались всѣ его муки...

Эккеръ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ всѣхъ этихъ одна другую смѣняющихъ душевныхъ бурь, тщательно, пожалуй, слишкомъ даже тщательно, обтиралъ тряпчикою кисти.

18. Мигъ — и нѣтъ волшебной сказки.

Этотъ незадачливый прерванный день съемокъ въ павильонѣ на улицѣ Франкеръ оказался послѣднимъ не только для Вонсяцкаго, но и для самой Тамары Ваясь.

Флоресъ, окруживъ Тамару сказочной роскошью, въ сущности держалъ ее, вѣрнѣе, хотѣлъ держать въ золотой клѣткѣ. Каждый шагъ Тамары долженъ былъ быть ему извѣстенъ. Онъ смотрѣлъ на нее не только глазами собственника, но и плантатора. Да и развѣ на его плантаціяхъ и скотобойняхъ не работали индѣйцы и негры, находившіеся въ рабской зависимости отъ своего господина, хотя официально рабство было давно отмѣнено въ обѣихъ Америкахъ, и Южной и Сѣверной.

И Флоресъ не видѣлъ никакой разницы между своими рабами и своей содержанкой. Отъ первыхъ онъ получалъ свои милліоны, вторая давала ему наслажденіе, которое онъ оплачивалъ съ размахомъ южно-американскаго выскочки.

Но Флоресъ больше самъ тѣшилъ своимъ «размахомъ». На самомъ же дѣлѣ особнякъ, на три четверти выходившій въ паркъ Монсо, приобрѣтенъ былъ на его, Флореса, имя, а не на имя Тамары. Что же касается умопомрачительныхъ брилліантовъ — каждый оставался при своемъ мнѣніи. Тамара считала эти драгоценности неотъемлемой своею собственностью, Флоресъ же думалъ такъ: пока она живетъ со мною, пока я живу съ ней, она украшаетъ себя этими брилліантами, а дальше, — дальше будетъ видно...

Многочисленный штатъ прислуги нанятъ былъ Флоресомъ, отъ Флореса получалъ жалованіе, и Флоресу долженъ былъ отдавать отчетъ во всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Такимъ образомъ, сама не подозрѣвая, Тамара находилась подъ неусыпнымъ наблюденіемъ домашнихъ шпионовъ. И то, что она далека была отъ подозрѣній, и то, что

шпіоны вѣрой и правдой служили Флоресу, настоящему господину своему,—погубило ее.

Флоресъ засталъ свою содержанку въ объятіяхъ любовника. Молодой испанецъ — танцоръ, сводившій съ ума всю прекрасную половину веселящагося Монмартра, посѣщаль особнякъ не въ единственномъ числѣ, а съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ друзей. Дѣлалось это для отвода глазъ. Офіціальныи мотивъ посѣщенія—уроки модныхъ танцевъ. Съ уроковъ и началось. Но во время одного изъ уроковъ ученица и учитель поцѣловались. Это замѣчено было камеристкою, не выпускавшей изъ поля зрѣнія подруги своего господина. Бурное было объясненіе. Флоресъ потому только не обрушился всей своей тяжестью на хрупкаго испанца, что тотъ съ профессиональной ловкостью ускользнулъ и убѣжалъ, отдавъ разсвирѣпѣвшему аргентинцу на растерзаніе женщину, поцѣлуи которой еще жгли его губы...

Оскорбленный въ своихъ плантаторскихъ чувствахъ, Флоресъ избилъ молодую женщину, въ клочки разорвалъ на ней платье, и за волосы таскалъ по коврау. Тщетно выла, звала на помощь и кричала Тамара. Прислуга, сбившись въ кучу въ одной изъ дальнихъ комнать, то, замирая слушала, то хихикала. Эти восемь женщинъ и мужчинъ не боялись за свою судьбу, зная, что они останутся, какъ останется особнякъ, и они будутъ такъ же исполнять свои обязанности.

Флоресъ въ тотъ же день выгналъ Тамару, только-только давъ привести себя въ порядокъ, отнявъ всѣ значительныя драгоценности и оставивъ бездѣлицу въ видѣ третьестепенныхъ камней, бывшихъ на ней въ моментъ преступленія.

За эту бездѣлицу получила она нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ, да еще нѣсколько тысячъ было карманныхъ денегъ,—вотъ и весь капиталъ одной изъ самыхъ модныхъ женщинъ столицы міра.

Сначала Тамара была въ бѣшенствѣ и на

Флореса, и на танцора и на самое себя,—какъ это она могла такъ глупо и непоправимо влопаться? И теперь только, очнувшись въ номеръ «Клариджа», поняла весь ужасъ, всю непростительность своего легкомыслія. Но упрекала себя не за связь съ испанцемъ, а за то, что не потрудилась обставить эту связь условіями, при которыхъ случившееся было бы невозможно. Будучи содержанкой, никогда, никогда не слѣдуетъ принимать любовниковъ у себя дома!

Поуспокоившись, Тамара обдумала планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Будущее не рисовалось въ мрачныхъ тонахъ...

Капиталь ея—тридцать съ небольшимъ тысячъ. Этихъ денегъ, при наличности богатыхъ туалетовъ хватить на два мѣсяца шумной и замѣтной жизни на людяхъ, гдѣ все модно, шикарно и гдѣ соотвѣтственная съ этимъ и публика.

А за два мѣсяца съ ея внѣшностью и съ ея рекламою, она себя найдетъ новаго покровителя, и, пожалуй, куда болѣе интереснаго во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ этотъ Флоресъ, не только скотоводъ, но и самъ скотъ! И наконецъ, пусть Флоресъ не субсидируетъ больше фильмъ, ея фильмъ. Теперь послѣ такого «бума» вокругъ имени Тамары Вансъ, ей охотно дадутъ крутить въ любомъ изъ парижскихъ, или даже берлинскихъ домовъ. А тамъ, глядишь, можно будетъ очутиться и въ Холливудѣ. Чѣмъ она, Тамара, хуже какой-нибудь Ліи де Пути? Чѣмъ?

Таковы были мечты. Дѣйствительность оказалась болѣе суровой.

Тамара не учла одного обстоятельства. Разрывъ ея съ Флоресомъ, вылившійся въ громкій скандалъ, былъ достояніемъ всего Парижа, и весь Парижъ зналъ, что аргентинецъ, съ побоями и съ отнятіемъ брилліантовъ выгналъ Тамару. Это сразу понизило ея шансы, ея, такъ сказать, рыночную цѣну. Вотъ почему никто изъ богатыхъ мужчинъ не спѣшилъ замѣстить собою аргентинца. Если-бы

она, Тамара, выгнала Флореса, сначала обобравъ его, или, еще лучше, если-бы Флоресъ покончилъ самоубійствомъ, о, тогда не было бы недостатка въ претендентахъ, и тогда, пожалуй, берлинскіе, парижскіе «дома» наперебой зазывали бы ее крутить главныя женскія роли.

И такъ прошло два мѣсяца, и не только прожиты были всѣ деньги, а уже накапливался неоплоченный счетъ въ Клариджѣ.

Надо было что нибудь предпринять.

Тамара вспомнила объ Океанском. Правда, этотъ молодой человѣкъ, еще недавно готовый быть ея лакеемъ, ея сводникомъ, — онъ же познакомилъ ее съ испанцемъ, — коммисіонеромъ, чѣмъ угодно, исчезъ послѣ ея разрыва съ Флоресомъ, а, слѣдовательно, послѣ того, какъ прерваны были сьемки.

Тамара написала ему два письма. Никакого отвѣта. Попытки телефоннаго разговора тоже не имѣли успѣха.

— Прячется! — со злобной горечью думала Тамара. — А, вѣдь, какъ пресмыкался, съ какой собачьей готовностью ловилъ каждый взглядъ. И, въ концѣ концовъ, сколько перебралъ денегъ!

Она слышала, что Океанскій идетъ въ гору, что онъ если еще и не директоръ, то уже на пути къ директорству. И уже принимаетъ въ «своемъ собственномъ кабинетѣ.»

Тамара сама поѣхала къ Океанскому. Въ большой пріемной было много народу. Меньше мужчинъ, больше женщинъ. И на всѣхъ лицахъ нетерпѣніе и тоска ожиданія. Просителей обходила дѣвица секретарь, опрашивая, кто къ какому директору?

Тамара дала свою карточку:

— Я хотѣла бы видѣть господина Океанскаго.

Дѣвица ушла и вернулась:

— Господинъ Океанскій очень занятъ. Онъ предлагаетъ вамъ обождать минутъ... минутъ со-рокъ.

— О, мнѣ все равно. Я могу подождать, — свиду безпечно отвѣтила Тамара, негодуя внутри. За эти сорокъ минутъ самодовольный Океанскій, никого не видя не замѣчая, нѣсколько разъ пересѣкъ приѣмную, то куда-то уходя, то возвращаясь въ свой кабинетъ.

И всякій разъ отмѣчала Тамара: «И видитъ меня, подлець! Видитъ, а только притворяется, что не видитъ.»

Прошелъ часъ. Еще нѣсколько минутъ проползло, долгихъ, унизительныхъ. И вдругъ Океанскій, уже въ пальто и въ шляпѣ, направляется къ выходу. Это уже слишкомъ! Тамара, вскочила, стала на его пути.

— Вы обѣщали меня принять.

Ахъ, да! Я совсѣмъ забылъ. Столько дѣла! Меня рвутъ на части... Но все же я могу вамъ удѣлить полторы минуты.

Океанскій провелъ ее въ свой кабинетъ и, не снимая шляпы, стоя спросилъ:

— Чѣмъ могу быть полезенъ?

Ей такъ много хотѣлось сказать, а онъ такъ спѣшилъ и такъ желалъ скорѣе отдѣлаться.

— Я... я... вы теперь такъ многое можете... отъ васъ зависитъ... Дайте мнѣ роль.

Океанскій смотрѣлъ на нее наглымъ, липкимъ взглядомъ.

— Вамъ роль? Какую же могу я вамъ дать роль? Вѣдь вы не актриса. У васъ нѣтъ никакого имени.

— Какъ, я не актриса, какъ не... Вѣдь, я должна была играть первую роль и какую роль? Герцогини!..

— Тогда вы могли играть даже королеву! Тогда у васъ былъ меценатъ. У васъ были брилліанты... Ну, а теперь? Что у васъ теперь есть? Однако мнѣ пора. Я ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не могу быть вамъ полезенъ. Вотъ если у васъ будетъ новый покровитель, и онъ пожелаетъ субсидировать постановку хотя бы только однимъ милліономъ

франковъ, тогда загляните. А сейчасъ,—всего наилучшаго! Я спѣшу, спѣшу, спѣшу! — И Океанскій открылъ дверь, не только желая пропустить даму, сколько спѣша скорѣе отъ нея отдѣлаться..

19. Мязежный духъ.

— ...Я уже говорилъ о тебѣ въ другомъ мѣстѣ, но особенно и говорить не пришло. Тебя видѣли, ты понравился и былъ замѣченъ. Обѣщали дать роль, хотя незначительную, но все же она проходитъ черезъ весь фильмъ. Это уже не фигурація. Это большой успѣхъ для начала. И, знаешь, въ данномъ случаѣ выходка Тамары пошла тебѣ на пользу, сдѣлавъ тебѣ рекламу. У тебя уже есть маленькое имя въ кинематографическомъ міркѣ. Словомъ «не бойсь». Помнишь, это «не бойсь» повторялъ часто одинъ калмыкъ изъ конвоя генерала Слащева? Нѣтъ, перспективы довольно отрадные. И нечего хмурить лобъ, двигать бровью и такъ мрачно глядѣть куда-то мимо меня... — со своей мягкой, обволаживающей манерой улыбался Эккеръ.

Но заманчивыя перспективы не разгладили напряженной складки между бровями Вонсяцкаго, и онъ по прежнему глядѣлъ куда-то мимо своего собесѣдника.

— Нѣтъ, я не останусь въ Парижѣ. И я не хочу никакихъ ролей! Не хочу! — повторилъ онъ съ такимъ раздраженіемъ, какъ если бы роли навязывались ему весьма и весьма принудительно.—На этихъ фигураціяхъ, на этихъ съемкахъ я увидѣлъ, до чего оподлились и такъ мелко оподлились нѣкоторые изъ нашей эмиграціи. Мой крохотный... Не успѣхъ, нѣтъ развѣ это можно назвать успѣхомъ? То, что я былъ выдѣленъ, вызвало бѣшенство и злобу у такихъ же, какъ я, эмигрантовъ. И мнѣ

стыдно было за нихъ, когда меттеръ анъ-сценъ, французъ, пытался меня защищать передъ ними... Какъ онъ ихъ въ этотъ моментъ презиралъ! Нѣтъ, нѣтъ, противно мнѣ здѣсь...

— Другъ мой. давай сначала закуримъ, а затѣмъ пофилософствуемъ немного, — невозмутимо предложилъ Эккеръ.— Я съ тобою вполне согласенъ, что кой-кто изъ нашихъ соотечественниковъ такъ исподлился въ эмиграціи, какъ можно только исподлиться въ тюрьмѣ. Я раздѣляю твой негодующій молодой пафосъ. Но въ томъ то, милый я трагедія, что куда бы ты ни уѣхалъ, на компатріотовъ натолкнешься вездѣ и всюду. Безпримѣрно, не слыхано русское наше разсѣяніе! Китай, Новая Зеландія, Антильскіе острова—повсюду ты увидишь русскихъ, повсюду услышишь русскую рѣчь. Отъ этого никуда не уйдешь никуда не спрячешься! Если ты промѣняешь Парижъ на Антильскіе острова...

— Я не собираюсь на Антильскіе острова,— отвѣтилъ Вонсяцкій.

— А куда же ты собираешься?

— Куда? Въ Россію.

Хотя Эккеръ вѣдше рѣдко чему удивлялся, но на этотъ разъ удивился. А, главное, имъ овладѣлъ страхъ, страхъ услышать сейчасъ что-то такое, послѣ чего между нимъ и Вонсяцкимъ встанетъ глухая стѣна, стѣна непониманія и отчужденія.

— Не ослышался-ли я, повтори!

— Изволь, хотя сказано было ясно! Въ Россію.

— На предметъ чего?

— На предметъ, отыскать Любецкаго и раздѣлаться съ нимъ. Пока этотъ негодяй живъ, я не буду имѣть ни минуты покоя. Я такъ рѣшилъ и такъ сдѣлаю. Но что ты скажешь на это? Мнѣ интересно твое мнѣніе.

У Эккера отлегло. Стѣна не только не воздвиглась, а, наоборотъ, Вонсяцкій сталъ ему еще ближе, чѣмъ былъ до сихъ поръ.

— Что я скажу? Мое личное мнѣніе? Идейно я, конечно, привѣтствую твой порывъ, твоё желаніе мести палачу близкаго тебѣ человѣка. Если-бы всѣ мы, у кого погибли въ чрезвычайкѣ отцы, жены, сестры, братья, если-бы всѣ слѣдовали твоему примѣру, то уже не было бы уже и въ поминѣ совѣтской власти. Некому было-бы властвовать. Но увы, мягкотѣлые мы! Ты-же, ты—одно изъ исключеній, подтверждающихъ правило. Съ одной стороны—два милліона такихъ, какъ я, съ другой стороны, единицы такихъ, какъ ты. Сейчасъ я самъ себя сталъ презирать. Что я дѣлаю? Благодарюшествовую въ этихъ условіяхъ,—обвелъ Эккеръ взглядомъ свою мастерскую—пишу портреты богатыхъ американокъ, пью съ ними чай въ «Клариджѣ», а въ сущности вѣдь, и мнѣ слѣдовало-бы вмѣсто кисти, взяться за браунингъ. И у меня есть съ кѣмъ свести тамъ старые счеты. И у меня погибли отъ руки этихъ мерзавцевъ близкіе мнѣ люди. Я не только одобряю тебя, а и преклоняюсь. Но съ точки зрѣнія обывательской,—берутъ сомнѣнья. И будетъ жаль, если изъ этой авантюры ты не выскочишь благополучно... Отговаривать тебя нечестно, но и также нечестно подталкивать, самому, оставаясь среди своихъ мольбертовъ, своихъ заказчицъ и пользуясь всѣми благами удобной, веселой парижской жизни. Однако, надѣюсь, это все не такъ уже скоро? Ты еще побудешь здѣсь?—И, не дождавшись отвѣта, Эккеръ взялъ со стойки номеръ «Возрожденія».

Зашелестѣла бумага.

— Я еще не просматривалъ сегодняшнихъ газетъ. Что новенькаго? Китайскіе генералы все еще дерутся между собой, а я все путаю ихъ имена... Скучно! Пусть себѣ дерутся. Опять Бурцевъ кого-то разоблачаетъ. Постой... постой... Какъ зовутъ убійцу, котораго ты ищешь? Какой послѣдній его псевдонимъ?

— Любецкій. А что?—такъ и загорѣлся Вон-

сяцкій, однимъ движеніемъ очутившись возлѣ Эккера.

— Кажется, тебя предупредили... Вотъ, читай. Отъ собственного корреспондента, изъ Москвы. Видный большевикъ Любецкій, состоявшій при особѣ Троцкаго, и еще въ довоенное время носившій партійную клячку «Быкъ въ пенснэ», разстрѣлянь за спекуляцію и шпіонажъ въ пользу враговъ совѣтской власти... Этотъ Любецкій..

Но Вонсяцкій вырвалъ у Эккера газету и впился глазами...

Да, да, мой другъ.. Все это чернымъ по бѣлому... Есть законъ возмездія!

— Это не возмездіе! Не возмездіе!—выкрикнулъ Вонсяцкій, со страшнымъ лицомъ комкая и бросая газету.—Какое же это возмездіе? Вотъ если бы онъ увидѣлъ меня лицомъ къ лицу, если-бы онъ зналъ, кто и за что его убиваетъ. Вотъ, если бы я наслаждался его подлымъ страхомъ, его предсмертными муками—тогда это было-бы возмездіе! Ты мягкій, добрый, все прощающій, ты не поймешь меня. А если и поймешь. то не осудишь потому развѣ, что, вообще, никогда, никого не осуждаешь... Нѣтъ, нѣтъ... Столько времени вынашивать месть, болѣть ею, безумствовать по ней, и вотъ.. чекисткій наганъ, или браунингъ предупредилъ тебя..

И долго еще Вонсяцкій не могъ прійти въ себя несмотря на всѣ попытки Эккера успокоить его.

Наконецъ, видя тщетность всѣхъ усилій своихъ, художникъ переимѣнилъ тему.

— Этого злодѣя нѣтъ больше, онъ мертвъ, а мертвые «не повелѣваютъ», вопреки утвержденію какого-то писателя. А потому будемъ говорить о живыхъ... О тебѣ, о дальнѣйшемъ. Теперь, когда Совденія сама собой отпала. Что ты намѣренъ дѣлать? Оставайся въ Парижѣ..

— Ни за что не останусь!

Если это окончательное рѣшеніе, то изъ не особенно мудрыхъ Парижъ есть арижъ! Сюда стремятся со всѣхъ концовъ свѣта. Даю тебѣ слово,

слово Николая Эккера, что ты будешь устроенъ очень хорошо. Съ точки зрѣнія эмигрантской!

Но и тутъ художникъ не имѣлъ успѣха

— Поступай, какъ хочешь! Я никогда никого не убѣждаю Ибо нахожу это бесполезнѣйшимъ въ мірѣ занятіемъ. Ну, не Парижъ, такъ что-же? куда думаешь направиться?

— Куда-нибудь далеко..

— Красиво, туманно... Нельзя-ли точнѣе?

— Куда-нибудь въ Южную Африку или въ Южную Америку.

— А, это ужъ опредѣленіе. Я за тебя спокоенъ. Такихъ, какъ ты, жизнь не ломаетъ. Скорѣе ты самъ сломаетъ ее, жизнь! А теперь обратимся къ языку цифръ. Такое путешествіе потребуетъ бѣдно-бѣдно пятьсотъ долларовъ. На эту сумму ты можешь рассчитывать. Завтра я получу за два портрета и..

— И я возьму у тебя только двѣсти франковъ,—подхватилъ Вонсяцкій.

— Почему-же такъ смѣхотворно мало?

— Потому что мнѣ хватить. Мнѣ важно доѣхать до какого-нибудь порта, пусть это будетъ Марсель, Шербургъ, пусть это будетъ Гавръ. А дальше я уже самъ устроюсь.

— Вѣрю, а посему не настаиваю. Чего добраго еще милліонеромъ вернешься?

— Объ этомъ я менѣ всего думаю. Мое желаніе уйти!..

— Отъ ненавистнаго Парижа?

— Да! И отъ Парижа и... отъ самого себя,—закончилъ Вонсяцкій.

19. За пять песетъ въ день.

Несмотря на всѣ искушенія и соблазны, и даже несмотря на то, что Эккеръ насильно совалъ ему деньги въ карманъ, Вонсяцкій взялъ у него только двѣсти франковъ.

Художникъ устроилъ ему визу въ далекій за-океанскій край, намѣченный Вонсяцкимъ для новой жизни.

А дальше, дальше, — сначала по шаблону, выработанному, выработанному за нѣсколько лѣтъ русской эмиграціей. Да еще и до русской эмиграціи было въ обиходѣ и въ практикѣ.

Вонсяцкому удалось устроиться на одномъ изъ бороздившихъ моря «левіафановъ». Правда, мѣсто онъ получилъ весьма скромное, мѣсто плонжера, коему за день приходилось переполаскивать сотни и даже не сотни, а тысячи тарелокъ. Отъ этого занятія руки такъ грубѣютъ и становятся такими жирными — отмывать ихъ, задача совсѣмъ нелегкая.

Но чѣмъ тяжелѣе было, тѣмъ больше внутренно закалялся Вонсяцкій. Онъ вѣрилъ: эти утомительныя будни — коротенькій этапъ, а затѣмъ, затѣмъ и для него возсіяетъ солнце..

Шефъ, очень важный человекъ; что ему плонжеръ? — песчинка — замѣтилъ, однако, Вонсяцкаго и началъ благоволить, предложилъ остаться на пароходѣ и общалъ повышение по службѣ. Вонсяцкій вѣжливо поблагодарилъ, давъ уклончивый отвѣтъ. Нельзя иначе. Пока онъ здѣсь, на палубѣ этого плавающего города, онъ весь во власти всемогущаго шефа. Такъ онъ былъ въ пути около мѣсяца, ежедневно видя вокругъ себя людей зсѣхъ оттѣнковъ кожи — бѣлыхъ, кофейныхъ, шафранныхъ, темносѣрыхъ, черныхъ «такъ себѣ» и черныхъ, какъ вакса. И всѣ эти люди говорили на семи-восьми языкахъ европейскихъ, азіатскихъ и африканскихъ.

И вотъ наконецъ пароходъ опустилъ свои тысячепудовые якоря въ гавани столицы южно-американской республики, гдѣ Вонсяцкій получилъ право высадиться. Черезъ два часа онъ уже ощущалъ подъ ногами отшлифованный гранитъ набережной. Что далъ ему Левіафанъ? Прекрасное питаніе и около двадцати долларовъ. Что дастъ ему этотъ не-

вѣдомый край? Всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, онъ здѣсь чужой и чуждый, и всѣ они ему чуждые и чужіе. Сердце сжималось тоскою, но онъ опять поборолъ себя какой-то внутренней силою...

Онъ отгонялъ сознаніе полного одиночества. Нѣтъ, не одинокъ онъ! Есть связь съ оставшейся за морями океанами Родиной.. И онъ ощутилъ въ своемъ истрепанномъ, лѣзущемъ по швамъ и скрѣпленномъ резинкою бумажникѣ кусочекъ голубого сукна, кусочекъ окровавленного отцовскаго мундира. И была дѣтски наивная вѣра, что отецъ оттуда, изъ своего таинственнаго далека заботится о сынѣ, думаетъ о немъ и не оставитъ его...

И уже почти спокойно озирался Вонсяцкій. Мелькали бѣлые, кофейные, черные и землисто-сѣрые люди. Въ испанскую рѣчь вкрапливались англійскія, французскія и нѣмецкія фразы. Мулаты, метисы, индѣйцы, тѣ самые мулаты, метисы, индѣйцы, которыхъ онъ зналъ до сихъ поръ лишь по «романамъ приключеній».

И все это разномастное, разноязычное перекликалось, переругиваясь, скаля зубы, тащило сундуки и чемоданы, густо оклеенные ярлыками отелей и таможеней, и казалось, этимъ сундукамъ и чемоданамъ конца краю не будетъ. Населеніе парохода было населеніемъ уѣзднаго города. Теперь этотъ «городъ» лихорадочно разгружался.

Вонсяцкій не замѣтилъ, какъ выросъ передъ нимъ большой мулатъ съ большимъ животомъ, съ большой сигарой въ зубахъ, и съ широкополой шляпой на затылкѣ. Панталоны въ клѣтку, красный жилетъ и на жилетѣ такая цѣпочка — смѣло можно водить леопарда!

Не разжимая стискивавшихъ сигару зубовъ, мулатъ пробормоталъ что-то по испански, весело вѣрнѣе, шельмовски подмигивая.

Убѣдившись, что собесѣдникъ не понимаетъ, мулатъ прибѣгнулъ къ мимикѣ. Собралъ въ пучекъ пять кофейныхъ пальцевъ, онъ потрясъ ими у своихъ толстыхъ, вывороченныхъ губъ.

— Ёсть, молъ, хочется?

Въ отвѣтъ утвердительный кивокъ. Мулатъ опять шельмовски подмигнулъ и съ безцеремонностью плантатора, нанимающаго двуногій скотъ, прощупалъ грудь, спину и руки Вонсяцкаго. Осмотръ вполне удовлетворилъ его и онъ опять обратился къ мимикѣ. Указалъ на сгибавшихся подъ тяжестью носильщиковъ. для большей наглядности самъ согнулся, не безъ труда, однако, ибо мѣшалъ животъ.

Вонсяцкій вновь кивнулъ.

Тогда мулатъ сказалъ:

Синко песетасъ!

И передъ самымъ носомъ Вонсяцкаго растопырилъ свою кофейную пятерню.

Пять песеть въ день? Это не Богъ вѣсть что. Развѣ, развѣ только просуществовать впроголодь въ столицѣ южно американской республики, гдѣ жизнь нисколько не дешевле, чѣмъ въ Берлинѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ. Но вначалѣ важно зацѣпиться. Важно, чтобы узенькіе доллары, съэкономленные въ пути, не растаяли въ первые же нѣсколько дней.

Вонсяцкій поступилъ къ мулату въ его артель носильщиковъ, разгружающихъ пароходы. Онъ убѣдился, что для этого недостаточно быть сильнымъ и ловкимъ, необходимъ навыкъ. Въ первое время Вонсяцкій не чуялъ подъ собой ногъ, а спина такъ болѣла и ныла, какъ если-бы по ней проѣхался грузовикъ. Чемоданъ, вѣсившій семьдесятъ кило, казался непосильной ношею и пригибалъ къ землѣ его молодое, мускулистое тѣло.

А тутъ же рядомъ какой-нибудь пожилой метисъ, маленькій, сухенькій, плюгавый тащилъ на себѣ піанино. За десятки лѣтъ метисъ успѣлъ втянуться и свободно выдерживалъ такія тяжести, до коихъ Вонсяцкому никогда не дотянуться. Въ то же время Вонсяцкій могъ однимъ ударомъ свалить метиса, свалить надолго и основательно.

Да что Вонсяцкій! Профессіональный атлетъ,

весь вздутый рельефными, твердыми мышцами, атлетъ, въ теченіе двухъ минутъ носящій на себѣ человѣческія пирамиды не выдержалъ бы и нѣскольکو часовъ труда. исполняемаго турецкимъ хамаламомъ — иному подѣ семьдесятъ, а то и семьдесятъ — таскающемъ на себѣ піанино, подобно маленькому, высохшему метису. Есть сила и сила. Кто какъ и въ какомъ направленіи съ молодыхъ лѣтъ вытренированъ — въ этомъ и заключается весь секретъ.

Каждый носильщикъ приносить мулату отъ двѣнадцати до пятнадцати, а то и больше песетъ въ день, самъ получая пять. На глазахъ Вонсяцкаго мулатъ за полгода раздобѣлъ еще больше, его животъ разросся, и на этомъ животѣ появилась вторая цѣпочка, значительно толще первой. А на кофейномъ пальцѣ появился брилліантъ.

За комнату въ гостинницѣ, въ отдаленномъ, кварталѣ, кварталѣ «цвѣтныхъ» и негровъ, Вонсяцкій платилъ посуточно двѣ песеты. Сооружена была эта пропахнувшая оливковымъ масломъ «фонда» на мавританскій ладъ. Квадратный дворикъ, окаймленный балюстрадой, поддерживаемой тоненькими колоннами. На балюстраду выходили стеклянные двери крохотныхъ комнатъ съ громадной постелью и кирпичнымъ поломъ.

Сосѣди Вонсяцкаго пьянствовали, дрались и сквернословили на какой то смѣси испанскаго и туземныхъ, индѣйско-негритянскихъ языковъ. Иногда ножевыя побоища устраивались публично, тутъ же, внизу, во дворикѣ. Обнаженные до пояса люди бросались другъ на друга съ навахами, проявляя искусство отчаянныхъ головорѣзовъ. И тому, кто глубже всадилъ наваху и выпустилъ больше крови, толпа въ остервенѣломъ изступленіи кричала «оле!»

Каждый такой поединокъ кончался мертвымъ тѣломъ. а то и двумя. Тѣла уносились, съ каменныхъ плитъ дворика смывалась кровь, и только тогда появлялись карабинеры. Но такая ужъ участь карабинерамъ — опаздывать.

Вонсяцкій безъ отвращенія наблюдалъ эти нравы. На югѣ Россіи онъ слишкомъ много видѣлъ крови и поразить его было трудно. Да и не все ли равно, больше, или меньше двумя отъявленными негодяями будетъ на бѣломъ свѣтѣ?...

Итакъ, двѣ песеты за комнату. Остальное уходило на пропитаніе и на стирку бѣлья. Мало-мальски пріодѣться — нечего было и думать. Единственный приличный костюмъ свой онъ тщательно берегъ, а на работу выходилъ въ защитныхъ лохмотьяхъ. Да только и можно было работать въ лохмотьяхъ, — такъ безпощадно сундуки и чемоданы рвали даже малѣйшій намекъ на матерію. Найти какое-нибудь другое занятіе почище и лучше было едва-ли возможно, не владѣя испанскимъ языкомъ. Вонсяцкій принялся за его изученіе, и уже на восьмомъ мѣсяцѣ недурно говорилъ. читалъ и кое-какъ писалъ.

20. Что ему предложилъ Бей-Муратъ.

Какъ-то разъ, лѣтомъ. — каждый носильщикъ имѣлъ свой «выходной день» дважды въ мѣсяцъ, — Вонсяцкій шелъ по главной улицѣ, грохочущей. шумной, сплошь изъ ресторановъ, магазиновъ и кафе. За столиками. — они отвоевали значительную часть широкой панели, — куря, болтая и поглощая прохладительные напитки, сидѣли некрасивые, скуластые мужчины и очень красивыя женщины, какъ бѣлыя, такъ и туземки, темно-матовыя съ большими, томными, глазами. Это человѣческое мѣсиво расцвѣчивалось яркими, раззолоченными мундирами офицеровъ. Послѣ европейскихъ армій, одѣтыхъ въ унылый защитный цвѣтъ, безъ погонъ, безъ нашивокъ, эти мундиры. эти треу-

голки съ пѣтушиными перьями, это жирныя эпюлеты въ бѣлыя рейтузы отзывали фееріей, или богато поставленной оперетткой.

И вотъ на встрѣчу Вонсяцкому, звеня шпорами и гремя низко спущенной саблей — одинъ изъ такихъ великолѣпно расшитыхъ и раззолоченныхъ офицеровъ Но выправка лихая, молодецкая, не мѣстная, да и самъ онъ видимо, «не мѣстный», — свѣтлый блондинъ съ вѣжно блѣдной кожей. А на этомъ блѣдномъ лицѣ черная повязка, скрывающая лѣвый глазъ.

Русскій... Только русскіе офицеры умѣютъ такъ носить форму и такъ «нести себя».

Что-то кольнуло Вонсяцкаго въ грудь. Физически кольнуло, задержавъ дыханіе. Гдѣ онъ видѣлъ и это блѣдное лицо съ черной повязкой и эту стройную фигуру? Новый уколъ въ грудь, такой нестерпимо-радостный... Господи! Да вѣдь это онъ, ротмистръ Бей-Муратъ, бывшій начальникъ конвоя генерала Эрдели! Они встрѣчались на югѣ Россіи. Они были даже на ты...

— Бей-Муратъ!

Офицеръ всматривался единственнымъ глазомъ.

— Пойдите... пойдите... Да, вѣдь, это Вонсяцкій? Ты?

— Я..

— Какъ ты попалъ сюда? Что дѣлаешь?

— Попалъ случайно, а дѣлаю.. Я грузчикъ въ порту.

— Грузчикъ?—повторилъ Бей-Муратъ,— охота же заниматься грязнымъ дѣломъ! Я помню, ты отчетливый офицеръ. Да и теперь, даже въ этомъ штатскомъ, молодецъ хоть куда! Поступай къ намъ?

— Куда это къ вамъ?

— Къ намъ. Ко мнѣ въ полкъ... Въ мой полкъ. Я командую здѣсь кавалерійскимъ полкомъ. Давай, сядемъ и побесѣдуемъ.

Сѣли, появился коньякъ.

— Послѣ эвакуаціи Крыма, я застрялъ въ

Константинополь. Загналъ цейссовскій бичокль, загналъ револьверъ, а когда нечего уже было загонять, рѣшилъ покинуть голубой Босфоръ. Какъ и что, не буду тебя утомлять излишкомъ подробностей.., Словомъ, прибила меня судьба къ этимъ благословеннымъ берегамъ. А здѣсь уже сидѣлъ генераль Шварцъ. И не какънибудь сидѣлъ, а на правахъ начальника обороны государства. Онъ же специалистъ по крѣпостямъ, да и какой еще! Я къ нему. «Такъ и такъ, ваше превосходительство, имѣю за собой семь лѣтъ великой и гражданскѣй войны, кавалеристъ по воспитанію и конникъ отъ рожденія..» Шварцъ мнѣ сказалъ на это: «Лично я принять васъ не могу, но похлопотать—съ удовольствіемъ! Настоящіе офицеры очень нужны здѣсь, особенно въ кавалеріи. Ея реорганизація идетъ полнымъ ходомъ. Сегодня же буду говорить съ военнымъ министромъ и начальникомъ генеральнаго штаба». И вотъ, дружище, на другой день я получилъ эскадронъ и черезъ два мѣсяца полкъ. У меня тысяча двѣсти сабель. Изъ тридцати двухъ офицеровъ девятнадцать русскіе. Есть и кавказцы, кабардинцы, черкесы, есть казаки—донскіе, терскіе. Встрѣтишь славныхъ бывшихъ кирасиръ, гусаръ, драгунъ. Словомъ, не полчекъ, а конфетка! Въ любой моментъ можно сдѣлать переворотъ и кого угодно посадить въ президенты.

— А почему бы не самого себя? — спросилъ Вонсяцкій, внимательно слушавшій Бей-Мурата.

— Да и себя могъ бы, — согласился Бей-Муратъ,—но отъ добра добра не ищутъ. На кой чортъ мнѣ президентство? Я кавалеристъ, а не политикъ.. Меня произвели въ полковники, я имѣю двѣ тысячи песетъ въ мѣсяцъ, казенную квартиру, пять лошадей... Чего же еще? Мало развѣ?... Такъ хочешь ко мнѣ въ полкъ? Да, кстати и вакансія освободилась. Лейтенантъ второго эскадрона разбился на неудачномъ барьерѣ. Здѣшній, туземецъ. Вѣздитъ не умѣлъ. Калѣка! Такъ вотъ я возьму тебя, вмѣсто калѣки. Согласенъ?

— Конечно, согласен!

Онъ вспомнилъ свою трущобную фонду съ ея грязью, съ ея каторжнымъ населеніемъ. Вспомнилъ свои пять песетъ въ день, и за эти пять песетъ — тяжелый трудъ свой, трудъ выючнаго мула...

Бей-Муратъ продолжалъ:

— Двѣ тысячи песетъ на обмундировку и тысяча въ мѣсяцъ при казенной квартирѣ изъ двухъ комнатъ? По рукамъ? Завтра я тебя свезу куда слѣдуетъ, представлю, получишь авансъ, обмундируешься. А какое у насъ собраніе!... какіе обѣды! Какой поваръ! Водку выписываемъ изъ Парижа. А хоръ трубачей? Совсѣмъ старорежимный полкъ. Ну, еще по рюмочкѣ? Да ты теперь пьешь, какъ настоящій конникъ, а раньше былъ красной дѣвицей, капли въ ротъ не бралъ!

— То было раньше, — уклончиво отвѣтилъ Вонсяцкій. Онъ не прибавилъ что теперь, когда Любецкій Боктуцъ уничтоженъ и клятва мести сама собой отпала, теперь онъ снялъ съ себя зарокъ не пить, и вообще, не пользоваться радостями жизни.

Черезъ недѣлю онъ самъ себя не узналъ. Выбритый, холеный въ живописной формѣ, такъ же волочившій саблю, какъ и Бей-Муратъ, онъ былъ необыкновенно красивъ, и гдѣ бы ни появлялся, женщины глазъ не сводили.

Добрую часть офицеровъ своего полка онъ зналъ по Россіи. Онъ былъ встрѣченъ съ отмѣннымъ радушіемъ и сразу втянулся въ легкую беззаботную жизнь собранья, съ поваромъ изъ касимовскихъ татаръ, съ винами, русской водкой и хоромъ трубачей, исполнявшихъ все, начиная отъ русскаго національнаго гимна и кончая цыганскими пѣснями. Языкъ въ полку преобладалъ русскій, и даже туземные офицеры охотно искажали русскія слова, а отъ обычаевъ и традицій русской конницы были въ дикомъ восторгѣ.

Бей-Муратъ держался просто, но когда входилъ въ собранье, всѣ офицеры поднимались, какъ

одинъ человѣкъ. За бутылкой вина даже младшіе лейтенанты говорили ему ты, но по службѣ онъ былъ строгъ и дисциплину ввелъ образцовую.

Веселье весельемъ, дѣло дѣломъ, — повторялъ Бей-Муратъ.

Послѣ бессонной ночи, раннимъ утромъ онъ уже былъ въ манежѣ, бодрый, подтянутый. Его единственный глазъ замѣчалъ все: небрежно вычищенную лошадь, плохую посадку, не застегнутый на всѣ пуговицы мундиръ всадника. И, взявъ бичъ, Бей-Муратъ самъ гонялъ смѣну и тѣх, кто дурно сидѣлъ, или роско, безо всякой лихости бралъ барьеры, тѣхъ командирскій бичъ больно обжигалъ пониже половины туловища, не дѣлая разницы между солдатомъ и офицеромъ. Русскіе были сплошь отличные ѣздоки и попадало главнымъ образомъ туземцамъ. Но эти не только не обижались, а въ отвѣтъ на щелканье и обжогъ бича пріятно скалили свои бѣлые зубы, освѣщавшіе ихъ темныя, скуластыя лица.

21. Положеніе спасено

Президентъ республики, донъ Пабло Бустамента былъ президентъ хоть куда! О, если-бы и въ остальныхъ южно-американскихъ республикахъ были такіе президенты! Донъ Пабло вышелъ изъ зажиточной семьи честнаго гасиендаро, получилъ кое-какое воспитаніе, образованіе и никогда не былъ ни контрабандистомъ, ни рыцаремъ большой дороги, ни темнымъ политическимъ жуликомъ.

Веселый, жизнерадостный толстякъ съ наивною провинціала всей своей штатской душой былъ влюбленъ въ парады и самъ принималъ ихъ,

сидя на лошади, старой, спокойной, раскормленной, меланхолически жевавшей мягкими, влажными губами какую-то невидимую жвачку.

А коротенькій всадникъ растопыренными короткими ногами своими упирался въ стремяна. Его фрачные панталоны поднимаясь кверху, обнажали бѣлые носки. Голова дона Педро увѣнчивалась цилиндромъ, и шесть звѣздъ сверкало на бортахъ фрака.

Президентъ былъ въ восторгѣ отъ Бей-Муратова полка:

— Это я понимаю! Это кавалерія!

И еще въ большемъ восторгѣ отъ самого Бей-Мурата:

— При немъ я могу не бояться, что меня зарѣжутъ мои генералы.

О своихъ генералахъ донъ Педро былъ невысокаго мнѣнія.

Недѣли двѣ спустя послѣ того, какъ Вонсяцкій надѣлъ форму и со дня на день долженъ былъ получить эскадронъ, президентъ заявилъ Бей Мурату, смущаясь, избѣгая смотрѣть на него:

— Дорогой полковникъ, я хочу блеснуть вами... То есть не лично вами, а вашими чудесными кавалеристами. Дѣло вотъ въ чемъ... На дняхъ мы ждемъ... я понимаю, вамъ это будетъ непріятно... ждемъ совѣтскую миссію...

Выраженіе единственнаго глаза Бей-Мурата вогнало президента въ еще большее смущеніе.

— Увѣряю васъ, я былъ противъ дипломатическихъ сношеній съ этими господами. Но вы знаете нашу конституцію: править сенатъ и парламентъ... А я? Что такое я? Фикція!

— Тогда прикажите и я разгоню и сенатъ и парламентъ.

— Что вы, что вы! Нѣтъ, нѣтъ! Это не конституціонно. И наконецъ, наконецъ... еще не время... Такъ вотъ, я хотѣлъ посовѣтоваться съ вами. По церемоніалу, какъ вы знаете полагается кавалерійскій эскортъ, когда посланникъ ѣдетъ ко мнѣ во

дворецъ для врученія мнѣ своихъ вѣрительныхъ грамотъ, — одинъ взводъ впереди коляски, другой сзади. Вы понимаете, я хотѣлъ бы щегольнуть отборными молодцами изъ вашего полка..

— Это невозможно. господинъ президентъ, — рѣшительно заявилъ Бей-Муратъ.

— Но почему-же?

— Потому что большевики палачи моей родины, а значительная часть моихъ офицеровъ — русскіе. Да и среди простыхъ всадниковъ болѣе двухсотъ казаковъ. И потому еще, что я командую этимъ полкомъ. Взгляните на это! — и быстрымъ движеніемъ Бей-Муратъ приподнялъ черную повязку, и донъ Педро увидѣлъ, вмѣсто глаза, красную впадину. — Большевики выжгли мнѣ глазъ. Правда, я потомъ вѣшалъ ихъ цѣлыми «аллеями», вѣшалъ, но ненависть осталась! Вотъ отчего мой полкъ не можетъ выдѣлать ни одного всадника для эскортированія коляски съ краснымъ убійцею.

— Да, да я вполне раздѣляю... Но какъ же быть? Мнѣ такъ хотѣлось блеснуть выправкой вашихъ людей, ихъ лошадьми... Жаль, очень жаль... — сокрушался бѣдный президентъ.

— Я нашелъ выходъ.

— Нашли? — обрадовался донъ Пабло.

— Пусть скачутъ за коляскою этого негодяя кавалеристы какого-нибудь другого полка. блеснуть же намъ вѣтъ оскорбительной для насъ формы можно будетъ вотъ какъ: господинъ президентъ приметъ совѣтскаго дипломата въ большомъ парадномъ залѣ?

— Да...

— Вотъ и великолѣпно! А шпалерами я поставлю всѣхъ своихъ офицеровъ. Это будетъ еще болѣе внушительное зрѣлище. Полная парадная форма и красавецъ одинъ къ одному! Врядъ ли найдется еще гдѣ-нибудь такая блестящая президентская свита.

— Восхитительно! Чудесно! — Обрадовался Бустамантѣ. — Въ самомъ дѣлѣ это будетъ весьма

внушительно и декоративно. Да, шпалерами! Полная парадная форма! Красавцы.. Положение спасено! Полковникъ, тысячу разъ благодарю васъ!

22. Совѣтскій посланникъ въ президентскомъ дворцѣ.

Донъ Пабло Бустамента въ наивеличайшемъ восторгѣ.

Никогда, нигдѣ и ни какой президентъ не принималъ иностранныхъ пословъ въ такой парадной обстановкѣ. Почти тронное кресло. Почти тронное возвышеніе. Донъ Педро считалъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ. Для полного блаженства не хватало лишь за кресломъ двухъ офицеровъ съ обнаженными саблями.

Хотѣлось, мучительно хотѣлось еще и этого, но отсовѣтовалъ Бей-Муратъ.

— У насъ, въ царской Россіи, ставились офицеры съ обнаженными саблями только у гроба высочайшихъ особъ. Керенскій вздумалъ было поставить своихъ адъютантовъ, но даже и онъ, когда ему объяснили, что онъ еще не покойникъ, даже онъ оставилъ эту—затѣю..

Ну, конечно, конечно,—поспѣшилъ согласиться президентъ—пусть у меня будетъ, какъ у васъ было при Царѣ. А умирать я еще совѣмъ, совѣмъ пока не собираюсь..

Не достигая пола коротенькими ножками своими, донъ Пабло сидѣлъ въ тяжеломъ рѣзномъ креслѣ съ очень высокой спинкой. Внизу, справа и слѣва расположились генералитетъ и сановники. А отъ генералитета и сановниковъ двумя правильными какъ по ниточкѣ, рядами уходили въ перспективу зала офицеры перваго кавалерійскаго

полка. Шестнадцать съ одной стороны и шестнадцать съ другой. И все это рослые красавцы, чудесно выправленные, мужественные. Каски съ орлами дѣлали ихъ еще выше, придавали еще болѣе мужественный, еще болѣе воинственный видъ. Кованные эполеты, руки въ замшевыхъ перчаткахъ съ раструбами. Одна опущена вдоль шва, другая опирается на гнутый эфесъ длиннаго палаша. Южное солнце, потоками вливаясь въ гигантскія окна, зажигаетъ эполеты, каски, золотое шитье, металлическія ножны палашей.

Впечатлѣніе живыхъ изваяній—до того неподвижно замерли офицеры въ своихъ живописно-строгихъ позахъ съ чешуями касокъ на подбородкѣ...

Вдоль этихъ великолѣпныхъ шпалеръ прошелъ церемоніймейстеръ съ жезломъ и приблизившись къ ступенямъ троннаго возвышенія, доложилъ президенту:

— Полномочный министръ союза совѣтскихъ социалистическихъ республикъ. .

Проговоривъ это, церемоніймейстеръ влился въ въ группу сановниковъ, а вдоль шпалеръ уже медленно подвигался полномочный министръ со своими совѣтниками и секретарями—они слѣдовали за нимъ на почтительной дистанціи.

Одинъ изъ молодыхъ офицеровъ утратилъ вдругъ свою неподвижность, правильное лицо его, лицо греческаго воина, исказилось сперва изумленіемъ, потомъ другимъ, непередаваемымъ чѣмъ-то... Рука на эфесѣ палаша задрожала и вмѣстѣ съ нею задрожала челюсть и ходуномъ заходила на гладко выбритомъ, античномъ подбородкѣ чешуя сверкающей каски. .

Секунда... Секунда, пока мимо него проходилъ затянутый во фракъ полномочный министръ, толстый, широкоплечій, съ низкимъ лбомъ, массивной, животной нижней частью лица, съ каррикатурно

маленькимъ вздернутымъ носомъ. Этотъ носъ едва-удерживалъ золотое пенснэ.

Быкъ въ пенснэ...

Вначалѣ Вонсяцкому показалось, что онъ галлюцинируетъ на яву. Самъ же, самъ же онъ читалъ въ газетѣ, что товарищъ Любецкій разстрѣлянъ... Читалъ... А между тѣмъ, это Любецкій, Любецкій во всемъ отталкивающимъ безобразіи своемъ! Любецкій! Въ всякихъ сомнѣній. Двойника такому нигдѣ не сыщешь. Одно изъ двухъ: или газетное сообщеніе оказалось уткой, или же большевики, въ какихъ-то цѣляхъ своихъ пустили этотъ слухъ, превративъ Любецкаго въ живой трупъ.

Судьба лицомъ къ лицу свела ихъ въ далекой южно-американской республикѣ. Чудовище переплыло океанъ, чтобы свершилось, наконецъ, правосудіе и сынъ отомстилъ за отца.

И вмѣстѣ съ гнѣвомъ и ненавистью душа Вонсяцкаго наполнилась неописуемымъ восторгомъ. Онъ вспомнилъ свое отчаяніе, когда въ студіи Эккера скомкалъ и швырнулъ газету, отчаянье при мысли, что ему не суждено было расправиться съ Любецкимъ. А теперь, теперь насталъ часъ расплаты, именно теперь, когда этотъ негодный упоенъ и своимъ положеніемъ и своей дипломатической неприкосновенностью.

Невѣроятныхъ усилій стоило не выхватить палашъ и, нагнавъ Любецкаго, не изрубить его въ котлету. Изрубить вмѣстѣ съ его фракомъ и съ его вѣрительными грамотами... Нѣтъ, нѣтъ... Невозможно! Это значило бы подвести Бей-Мурата, и весь полкъ и самого себя запятнать дикой выходкой въ президентскомъ дворцѣ. Нѣтъ, онъ выслѣдитъ его и расчищается съ нимъ въ этихъ стѣнахъ. Гдѣ и какъ — это будетъ видно...

Сдерживая нестерпимый бунтъ своей души и своего тѣла, Вонсяцкій до боли въ пальцахъ сжалъ эфесъ палаша, стиснулъ зубы и полузакрылъ глаза, чувствуя головокруженіе, чувствуя, какъ его ша-

таетъ на мѣстѣ... Онъ весь былъ какъ въ туманѣ, и какъ въ туманѣ было все кругомъ, и онъ не слышалъ, какъ на ужасномъ французскомъ языкѣ читалъ по бумажкѣ, запинаясь, полномочный совѣтскій министръ свое привѣтствіе главѣ республики..

23. Полное содѣйствіе.

За завтракомъ въ полковомъ собраніи предметомъ бесѣды былъ совѣтскій посланникъ, Прозоръ, съ чисто большевицкой наглостью прикрывшійся одной изъ древнѣйшихъ польско-литовскихъ фамилій. Каждый изъ тридцати двухъ офицеровъ, участвовавшихъ въ утренней церемоніи въ президентскомъ дрордѣ, высказывался одинаково:

— Такъ и чесалась рука выхватить палашь и снести полчерепа этому московскому каторжнику!

И это не только русскіе офицеры, но и туземцы, распропагандированные русскими однополчанами.

Особенно кипѣлъ и негодовалъ смугло-матовый лейтенантъ Магацъ — сынъ одного изъ первыхъ богачей страны. Отцу лейтенанта принадлежало много домовъ, въ ихъ числѣ дорогой первоклассный отель «Кастилія».

Молодой Магацъ, сверкая глазами, жестикулируя и взвинчивая себя шампанскимъ, возмущался:

— Эти красные бандиты занимаютъ у насъ въ гостиницѣ цѣлый рядъ апартаментовъ. «Кастилію» отецъ подарилъ мнѣ, и я прикажу выгнать всю эту сволочь! — И какъ бы въ подтвержденіе, что онъ дѣйствительно такъ сдѣлаетъ, лейтенантъ Магацъ запрокинулъ назадъ свою черноволосую голову и единымъ духомъ осушилъ большой бо-

калъ замороженной, въ искоркахъ и пузырькахъ влаги.

Вонсяцкій сидѣлъ мрачный. Всѣ замѣтили, что во весь обѣдъ, къ которому онъ даже не при-
тронулся, — Вонсяцкій не пригубилъ ни одной
капли вина.

Его засыпали вопросами, что съ нимъ и по-
чему онъ не пьетъ? Вонсяцкій ссылаясь на голов-
ную боль.

Не могъ же онъ сказать:

— Человѣкъ, считавшійся мертвымъ, ожилъ, и
я вновь налагаю на себя зарокъ отречься отъ
всѣхъ земныхъ радостей до тѣхъ поръ, пока этотъ
человѣкъ живъ.

Обѣдъ кончился. Уже пили кофе съ ликерами,
уже кое-кто удалялся въ билліардную и оттуда нес-
лось сухое щелканье шаровъ. Вонсяцкій отвелъ
Бей-Мурата въ глубину столовой, гдѣ имъ никто
не мѣшалъ.

— Я долженъ выйти изъ полка. Немедленно!

— Ты съ ума сошелъ? — испытующе смотрѣлъ
на него единственнымъ глазомъ своимъ командиръ
полка.

— Нѣтъ.

— А разъ нѣтъ, какія же причины?

— Ты знаешь, кѣмъ и при какихъ условіяхъ
былъ убитъ мой отецъ... Я напелъ убійцу, онъ
здѣсь, и желаю покончить съ нимъ. Теперь ты
меня понимаешь?

— Не совѣмъ! Родовая месть. — священное
право каждого. Кровь смывается кровью. И вотъ,
если бы ты упустилъ случай расправиться съ
убійцей, тогда я самъ приказалъ бы тебѣ оставить
мой полкъ.

— Да, да, я совѣмъ упустилъ изъ виду, что
ты кавказецъ, — обрадовался Вонсяцкій. — Но
какъ же мнѣ быть?

— Какъ? Постарайся удачно выполнить свой
долгъ, и мы поможемъ тебѣ скрыться. Конечно,

твое отсутствіе будетъ временнымъ; пока все уляжется, ты отсидишься въ безопасности — до границы сосѣдней республики не болѣе двухсотъ километровъ, — а какъ только можно будетъ вернуться, я дамъ тебѣ знать. Кто же этотъ убійца?

— Совѣтскій посланникъ.

— Вотъ какъ!—сразу повеселѣлъ Бей-Муратъ, — пикантно, чортъ возьми! Твой жестъ будетъ вдвойнѣ благороднымъ: во первыхъ, ты убьешь своего «кровника», а, во вторыхъ, одной большевицкой гадиной будетъ меньше! Ты обдумалъ техническую сторону? Исполненіе должно быть чистое и аккуратное.

— Нѣтъ еще.

Бей-Муратъ соображалъ:

— Вотъ.. вотъ, я думаю, тебѣ можетъ посо-дѣйствовать лейтенантъ Магацъ. Онъ только что прошелъ въ билліардную. Позови его ко мнѣ.

Черезъ минуту Вонсяцкій вернулся вмѣстѣ съ Магацомъ.

— Лейтенантъ, въ вашихъ жилахъ течетъ кровь вашей матери индіанки, а у всѣхъ воинственныхъ племенъ и народовъ месть за близкихъ—возведена въ культъ.

— Да, господинъ полковникъ, если бы чьянибудь рука посягнула на существо, мнѣ близкое, о, я сумѣлъ бы отомстить!—воскликнулъ Магацъ, хватаясь за саблю.

— Ничего другого я отъ васъ не ожидалъ, а поэтому... — и Бей-Муратъ, взявъ за локоть Магаца, привлекъ его къ себѣ и понизилъ голосъ, — необходимо помочь нашему общему другу Вонсяцкому. Тотъ, кого сегодня съ такой помпой встрѣчали во дворцѣ, много лѣтъ назадъ предательски убилъ его отца,—коснулся Бей Муратъ плеча Вонсяцкаго.—Если вы хотите помочь ему, не выбрасывайте пока совѣтскаго представителя изъ отеля и устройте, чтобы Вонсяцкій могъ попасть въ егоappartementъ...

— Ничего нѣтъ легче, — пообѣщаль Магацъ, мой номеръ находится vis-à-vis аппарата совѣтскаго посла. Дѣйствовать надо ночью, а не днемъ и не вечеромъ. Вонсяцкій, одѣтый въ штатское сегодня же заберется ко мнѣ спозаранку. А дальнѣйшее—это ужъ его дѣло... Я буду отсутствовать и проведу день и всю ночь у васъ въ полку, чтобы путемъ алиби доказать свою непричастность... Живи этотъ бандитъ въ другой гостинницѣ, я, можетъ быть, самъ пришелъ бы туда, чтобы разрядить въ него свой револьверъ, но относительно постояльца въ моемъ собственномъ отелѣ я долженъ быть внѣ подозрѣній. А такъ, мало-ли кто можетъ забраться ко мнѣ въ мое отсутствіе? Мало-ли... Да еще тамъ, гдѣ около восьмисотъ номеровъ. Я только за самого себя отвѣчаю.

24. Чекистъ, утратившій и обрѣвшій свое равновѣсіе.

Піотровскій, онъ-же Болтуць, онъ же Любецкій, онъ-же Прозоръ, этотъ красный волкъ, мѣнявшій нѣсколько разъ свою шкуру, но не мѣнявшій своихъ волчьихъ клыковъ, кровожадныхъ и острыхъ, дѣлалъ большую карьеру. Такіе какъ онъ, невѣжественные, тупые, идущіе напроломъ, такіе—лучшая, надежнѣйшая опора совѣтской власти.

Тѣлохранитель Троцкаго и комендантъ его поѣзда, комендантъ, разстрѣливавшій начальниковъ станцій за паровозъ, поданный нѣсколькими минутами позже — выдвинулся въ первый же годъ краснаго лихолѣтя. И хотя звѣзда Троцкаго начала закатываться, звѣзда его коменданта разгоралась все ярче и ярче.

Болтуця посылали на Волгу умирать голодные бунты, посылали въ Туркенстанъ и въ Сибирь умирать какіе-то бунты. И онъ умирялъ, топилъ ихъ въ крови, возвращался побѣдителемъ и шелъ въ гору.

Въ Константинополѣ, во дни оккупации союзниками, Любецкому поручено было организовать Чрезвычайку и опутать ея отдѣленіями тѣ центры Ближняго Востока, гдѣ находились еще англо-французскіе оккупационные отряды.

Мы знаемъ, какъ однажды, на Пера, «вырванъ» былъ изъ автомобиля отвратительный Болтуць и какъ подоспѣвшіе турецкіе жандармы спасли московскаго чекиста отъ неминуемой гибели.

Это покушеніе, хотя и неудачное, встревожило Любецкаго, особенно послѣ того, какъ онъ узналъ, кто былъ покушавшійся.

Съ тѣхъ поръ чекиста сталъ преслѣдовать фантомъ жандармскаго полковника въ голубомъ мундирѣ, предательски убитаго имъ въ Варшавѣ, въ лѣтній солнечный день. Любецкій попросился назадъ въ Москву, гдѣ чувствовалъ себя въ болѣе безопасности подъ охраною такихъ же, какъ и онъ самъ, чекистовъ. Благодаря своимъ связямъ, Болтуць немедленно былъ отозванъ. Чтобъ замести свои слѣды, онъ перемѣнилъ кличку и съ помощью вліятельныхъ друзей инсценировалъ свой разстрѣлъ, разстрѣлъ товарища Любецкаго. И Любецкій умеръ, умеръ, чтобы возвратиться подъ именемъ товарища Прозора. Но и сдѣлавшись Прозоромъ, онъ все не чувствовалъ себя достаточно забронированнымъ. Ему не давалъ покоя голубой мундиръ, не давалъ покоя красивый юноша, съ такой бѣшенною силой атакующій его на Пера.

Надо уѣхать, рѣшилъ онъ, уѣхать такъ далеко чтобы не могли угнаться за мной безпокойные смущающіе умъ и душу призраки, призраки-мстители...

И Прозоръ сталъ хлопотать о назначеніи его

на дипломатическій «поѣздъ» куда нибудь на Востокъ. Но всѣ восточныя вакансіи были заняты. Ему предложили ѣхать въ южно-американскую республику, признавшую Совѣты. Единственнымъ препятствіемъ было незнаніе Любецкимъ иностранныхъ языковъ, онъ говорилъ только по-польски и по-русски.

Но и это было устранено. Во первыхъ, ему дадутъ помощниковъ. владѣющихъ нѣсколькими языками, а, во вторыхъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ кое какъ научится говорить по французски, хотя-бы настолько, чтобы прочесть напечатанный на машинкѣ текстъ привѣтствія главѣ государства.

Эти два мѣсяца казались ему вѣчностью, такъ безумно жаждалъ онъ скорѣе оставить за собою предѣлы Совѣтской Россіи.

Но за предѣлами Совѣтской Россіи онъ все же не сразу успокоился. Въ Берлинѣ ему надлежало побыть нѣсколько дней, пока онъ умчится въ Гамбургъ, дабы перекочевать на океанскій пароходъ.

Въ Берлинѣ онъ жилъ въ совѣтскомъ посольствѣ, избѣгалъ показываться въ городѣ, но все же очень хотѣлось, чтобы этотъ шумный Берлинъ остался позади возможно скорѣе.

Однажды на посольской машинѣ онъ подѣхалъ къ парикмахерской, на Фридрихштрассе. Молодой мастеръ взялся за бритву, чтобы привести въ порядокъ мясистую, широкую фізіономію своего кліента. Кліенту почудился въ мастерѣ тотъ самый молодой человекъ... Если тогда его схватили жандармы, то теперь, теперь онъ полоснетъ бритвой по горлу...

И «Быкъ въ пенсенэ», швырнувъ двадцать марокъ на мраморную доску, ушелъ, бормоча что-то невнятное.

Пароходъ давно уже былъ въ пути и вышелъ на просторъ Атлантическаго океана. Вотъ когда по-

жинули Прозора всѣ его сомнѣнія и страхи. Онъ почувствовалъ себя внѣ предѣловъ досягаемости. Никакимъ голубымъ мундирамъ, никакимъ юнымъ мстителямъ не угнаться за этимъ бороздящимъ волны исполиномъ. Да и кромѣ того, новизна впечатлѣній мѣшала думать о томъ, о чемъ такъ не хотѣлось думать и что раньше такъ неотвязно, почти физически облипало мозгъ. До сихъ поръ Болтуцъ не зналъ ничего, кромѣ ходившихъ по Вислѣ и по Днѣпру маленькихъ рѣчныхъ пароходовъ. А здѣсь у него каюта со спальней и салономъ, здѣсь кормятъ на убой и до чего изысканно кормятъ! Здѣсь танцы подъ джазъ, и онъ, Болтуцъ, въ смокингѣ, надушенный танцуетъ съ высокими, гибкими женщинами. А симфоническій оркестръ, непонятный и чуждый ему, но внушавшій тоскливое почтеніе? А сознаніе, что онъ уже не комендантъ поѣзда Троцкого и не чекистъ, — усмиритель «бѣлогвардейскихъ» бунтовъ, а дипломатъ, дипломатъ, ѣдущій за океанъ представлять грозный Совѣтъ Соціалистическихъ Республикъ? А сознаніе, что ему подчинено шесть молодыхъ людей, воспитанныхъ, знающихъ языки и готовыхъ быть у него на побѣгушкахъ?..

Нѣтъ, хороша, чортъ возьми, жизнь! А все революція! Безъ нея онъ голодалъ бы гдѣ нибудь въ Краковѣ на положеніи общипанной полудохлой эмигрантской крысы. Голодалъ бы, проклиная убійство Вонсяцкаго, сдѣлавшее его бездомнымъ бродягой. И вдругъ все перевернулось: именно это убійство, убійство «царскаго жандарма» поставлено ему въ заслугу и вознесло его на высоту, коей онъ достигъ.

А впереди — почеть, дипломатическая неприкосновенность. Но это не помѣшаетъ ему а, наоборотъ, облегчить задачу потихоньку, сначала потихоньку революціонизировать это оперетточное государство, куда съ каждымъ поворотомъ винта приближается многоэтажный океанскій исполинъ.

Но хотя Балтуць и называлъ эту республику оперетточнымъ государствомъ, онъ былъ упоенъ пріемомъ во дворцѣ. Никогда въ довоенныя времена въ Россіи не видѣлъ онъ такого скопленія пышныхъ мундировъ и формъ, а если и видѣлъ, то издалека, будучи въ роли мелкаго агента тайной полиціи. А здѣсь и эти сановники, и эти генералы и эти живыя шпалеры изъ подобранныхъ красавцевъ въ сіяющихъ каскахъ, — все это, весь этотъ блескъ — для него!

Вернулся онъ къ себѣ въ «Кастилію» положительно изнемогая и отъ пышности пріема и отъ упоенія собственнымъ величіемъ.

Была пріятная усталость, но не было сна. Сонъ, ускользая, ни за что не хотѣлъ сомкнуть его вѣки. Хотѣлось одиночества и въ самомъ себѣ переживать триумфы первой половины дня...

Обыкновенно Прозоръ обѣдалъ въ обществѣ своихъ подчиненныхъ, но на этотъ разъ обѣдалъ одинъ въ своемъ аппартаментѣ, и потому, что не хотѣлъ никого видѣть и потому еще, что вкусивъ такихъ почестей возомнилъ себя какимъ то заоблачнымъ олимпійцемъ. Пусть они рѣже видятъ его, подчиненные, — съ большимъ почтеніемъ будутъ относиться.

И онъ съ аппетитомъ изрядно покушалъ запивая обѣдъ старымъ венгерскимъ. Запасъ этого благороднаго вина онъ имѣлъ съ собою. Онъ и въ Москву выписывалъ изъ Варшавы венгерское, вѣками выдержанное въ погребахъ Фукера.

Венгерское одолѣло бессонницу. Съ пріятной легкостью въ головѣ и съ тяжестью въ ногахъ и во всемъ тѣлѣ окончилъ свой обѣдъ совѣтскій посланникъ. Спать, спать по настоящему, раздѣвшись! Онъ переоблачился въ шелковую полосатую пижаму, переоблачился съ трудомъ, — такъ плохо повиновались руки. Уже готовый плюхнуться на широкую постель онъ вспомнилъ — осторожность опытнаго чекиста не покинула его и во хмѣлю —

что дверь изъ салона въ корридоръ, вѣрнѣе, въ прихожую, отдѣляющую аппартаментъ отъ корридора не заперта на ключъ

Не дойдя до середины салона, Болтуць вдругъ забылъ про дверь и ослабѣвшій, размякшій опустился въ кресло. Теперь никакія силы не заставили бы его подняться... А черезъ секунду онъ уже крѣпко спалъ...

Во снѣ онъ увидалъ себя въ жандармскомъ голубомъ мундирѣ и это нисколько не изумило его. Онъ прихорашивался передъ зеркаломъ, обдергивая полы мундира, выпячивая грудь и нащупывая холодныя металлическія пуговицы... Что-то обожгло его пальцы, и они стали тягучими и липкими и онъ съ ужасомъ и отвращеніемъ поднялъ ихъ къ глазамъ и увидѣлъ, что они въ крови...

Это было такъ нечеловѣчески страшно, что онъ закричалъ дикимъ, не своимъ голосомъ. Закричалъ и проснулся

25. Продолженіе сна.

Но вначалѣ все это показалось ему продолженіемъ сна. Да, какъ во снѣ, медленно, нестерпимо медленно, поворачивалась бронзовая ручка двери и какъ во снѣ таила за собою она, эта дверь, что то жуткое, зловѣщее. И какъ во снѣ, хотѣлось крикнуть, но ни одинъ звукъ не могъ вырваться изъ онѣмѣвшихъ губъ.

А бронзовая ручка все еще поворачивается, и совѣтскій посланникъ все еще думаетъ, желаетъ думать, что это во снѣ.

И онъ поймалъ себя: за эти нѣсколько секундъ, можетъ быть, нѣсколько минутъ, а, можетъ

быть, и нѣсколько часовъ, онъ давно успѣлъ бы очутиться у дверей, повернуть ключъ. Успѣлъ бы, но не могъ. И хотя это было наяву, но именно какъ во снѣ, товарищъ Прозоръ былъ весь парализованъ, съ отнявшимися ногами и руками.

И леденѣя отъ дурного предчувствія, онъ въ то же время пытался увѣрить себя, что войдетъ самый обыкновенный человѣкъ, либо кто-нибудь изъ подчиненныхъ, либо слуга. Вѣдь совсѣмъ еще не такъ поздно.

Но какъ они смѣютъ? Не постучавшись? А, можетъ быть, они стучали даже навѣрно стучали, а онъ еще спалъ и не слышалъ и только теперь, послѣ стука, поварачивается эта бронзовая не то фигурка, не то львиная голова, не то еще что-то...

И такъ же медленно пріоткрылась дверь и такъ же медленно кто-то входилъ.

И теперь только, совсѣмъ наяву, къ Болтуцю вернулась способность рѣчи и онъ по русски спросилъ:

— Кто тамъ?

Чей то голосъ по русски же отвѣтилъ:

— Смерть!

Это показалось смѣшнымъ.

— Смерть? Чья? Зачѣмъ? Почему? Какая нелѣпость!

Но такъ было лишь первое мгновенье, а затѣмъ Болтуць съ быстротой, пронизавшей не только мозгъ, не только сознаніе и волю, а все существо, все тѣло, постигъ, что это за нимъ пришла смерть. Его смерть. И настолько постигъ безповоротную обреченность свою, что не готовился даже защищать себя и свою жизнь, которую всегда такъ любилъ, во имя которой сдѣлался мерзавцемъ и совершилъ столько подлостей и преступленій.

А, вѣдь, онъ далеко не былъ трусомъ и научился убивать не только однихъ беззащитныхъ. И, несмотря на пьянство, обжорство и одышку, онъ

былъ еще очень силенъ и могъ постоять за себя. Да и было съ чѣмъ отстаивать свою жизнь. По чекистской, такъ сказать, «инерціи» у него въ каждой комнатѣ было по револьверу. И здѣсь, — стоило вытянуть руку — лежалъ рядомъ съ недопитымъ стаканомъ вина небольшой автоматическій пистолетъ, похожій на портсигаръ.

Раньше, схвативъ его, онъ крикнулъ бы: «Руки вверхъ!»

Но крикнуть это можно человѣку живому, реальному. А то, что входитъ и вошло, это не живое и не реальное, это дѣйствительно смерть, или же ея призракъ. И глупо, идиотски глупо пугать призракъ такимъ человѣчески — вульгарнымъ «Руки вверхъ!» Уже потому, что призраки неуязвимы, ничего не боятся и у нихъ нѣтъ «рукъ». И какъ сидѣлъ въ своей шелковой пижамѣ, такъ и остался, да еще глубже влипнувъ въ кресло, хотя убѣдился, что передъ нимъ не призракъ, а тотъ самый молодой человѣкъ, который, послѣ покушенія на Пера, преслѣдовалъ его и въ Москвѣ и въ Берлинѣ — вездѣ и повсюду и только на морѣ даль ему передышку.

Такой покорности не ожидалъ Вонсяцкій. Въ этомъ подчиненіи судьбѣ не было даже страха. И это, именно это понижало и отравляло упоеніе местию. Человѣкъ тогда упивается местию, когда противникъ трепещетъ и цѣпляется за свою жизнь. А когда онъ готовъ разстаться съ нею совсѣмъ, какъ-то по скотски тупо, наслажденіе расплатою меркнетъ и сразу дѣлается скучно. И, постепенно уменьшая разстояніе между собой и своей жертвой, Вонсяцкій вспомнилъ югъ Россіи, вспомнилъ разстрѣлъ захваченныхъ въ плѣнъ большевиковъ, матросовъ, наглыхъ, нафанатизированныхъ, остервенѣвшихъ отъ богохульственной брани и отъ мысли, что черезъ минуту ихъ не будетъ, такихъ здоровыхъ молодыхъ, обогатившихся награбленнымъ. Этихъ онъ съ удовольствіемъ разстрѣли-

валъ. Но какъ-то нудно было разряжать свой револьверъ въ китайцевъ, равнодушно, а иногда и съ улыбкою встрѣчавшихъ смерть.

И здѣсь передъ нимъ сидѣлъ «китаецъ». Заколотъ его этимъ острымъ какъ бритва и тонкимъ, какъ игла маленькимъ стилетомъ противно. Не пойметъ, не почувствуетъ...

И разочарованіе охватило Вонсяцкаго, Стоило гоняться за этимъ человѣкомъ едва ли не по всему свѣту? Зачѣмъ? Гдѣ же та жгучая мѣсть, которую вынашивалъ онъ много лѣтъ и въ которую былъ влюбленъ, какъ юноша въ ускользящій предметъ своей романтической страсти? А когда, наконецъ, настигъ,—«предметъ» оказался какимъ-то вульгарнымъ ничтожествомъ...

И все то язвительное, бичующее, полное убійственного сарказма, что хотѣлъ бросить Вонсяцкій Болтуцю, передъ тѣмъ какъ его уничтожить, все это было бы сейчасъ и комически нелѣпымъ и совсѣмъ не по адресу. Вылить сейчасъ всю свою накипѣвшую ненависть, все свое злорадство и торжество успѣха—не хватало ни чувствъ, ни словъ, ничего! Нельзя же требовать отъ актера, чтобы онъ вдохновенно игралъ передъ единственнымъ зрителемъ—отупѣвшимъ маньякомъ, или мертвецки пьянымъ, и сознавая что онъ долженъ выполнить казнь безъ подъема, безъ порыва и даже безъ ненависти,—ее замѣнило отвращеніе,—Вонсяцкій почувствовалъ отвращеніе и къ самому себѣ.

Вотъ съ чѣмъ и въ мысляхъ и въ сердцѣ подошелъ онъ къ Болтуцю.

А Болтуця, убѣдившись, что смерть надвинулась вплотную, вдругъ какъ-то прозрѣлъ и стряхнулъ съ себя пассивность животного. Онъ не желаетъ умирать! Не желаетъ! Безуміемъ было бы уйти въ пустоту, въ небытіе, когда все такъ прекрасно, все, до уютныхъ и пріятныхъ мелочей, какъ эта мягкая пижама, какъ это недопитое венгерское. И во имя сохраненія этихъ мелочей и болѣе круп-

наго, какъ почетъ, богатство и женщины, Болтуць готовъ былъ унижаться и цѣловать сапоги, выпрашивая себѣ прощенье. И равнодушное лицо ожило, исказилось мукой.

Вонсяцкій это замѣтилъ, это передалось ему, и въ немъ уже подымалась какая-то горячая волна, онъ почувствовалъ себя уже мстителемъ, а не мясникомъ. Да, всего минуто назадъ онъ былъ въ роли мясника. А теперь уже нѣтъ, теперь не было уже отвращенія къ самому себѣ. И страстно, гнѣвно прозвучалъ его голосъ:

— Встань!

Звукъ собственнаго голоса опявлялъ, захлестывала жестокость, пробуждался звѣрь.

— Встань!

Болтуць хотѣлъ повиноваться и не могъ. Онъ грузно сползъ съ кресла и, очутившись на колѣняхъ передъ Вонсяцкимъ, пытался охватить его колѣни.

— По.. пощадите меня... я... я... не хотѣлъ... мнѣ приказали... я...

Вонсяцкому казалось, что онъ теряетъ сознание, такъ велико было омерзѣніе, такъ отвратительно было прикосновеніе рукъ убійцы... И, не глядя, онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе ногою, движеніе, стряхивающее гадину. Ударъ пришелся въ лицо. Совѣтскій посланникъ отъ физической боли разсвирѣпѣлъ вдругъ. Подавленность обреченности смѣнилась жаждою борьбы. Онъ ломаетъ этого щенка, и не такихъ ломалъ! И, вскочивъ съ неопостижимой для него ловкостью, бросился на Вонсяцкаго, пытаясь зажать его въ свои мощныя объятія и завладѣть его руками.

— Задушу, задушу, какъ слѣпого щенка!... — хрипѣлъ онъ.

Защищаясь, Вонсяцкій выронилъ стилетъ. Болтуць нечаянно, тяжелою ногою наступилъ на тонкій и хрупкій клинокъ и стилетъ сломался. Вонсяцкій понялъ: въ открытую, голыми руками ему не справиться съ этимъ чудовищемъ. Его можно

взять только ловкостью. Въ стойкѣ Болтуць неуязвимъ. Его надо свалить и тогда разомкнутся желѣзные объятія. Незамѣтная подножка, и оба упали. Пытаясь задержаться, Болтуць схватился за скатерть, потянулъ ее, и со столика, вмѣстѣ со стаканомъ, бутылкой, пепельницей, соскользнулъ автоматическій револьверъ. Оба перекатывались на полу, какъ борцы на аренѣ, и Вонсяцкій напрягалъ всѣ усилія, чтобы противникъ не подмялъ его подъ себя, не задавилъ своею тяжестью. И всякій разъ, когда Болтуць пытался взгромоздиться на него, Вонсяцкій короткимъ движеніемъ сбрасывалъ съ себя семипудовую тушу чекиста. Болтуць сопѣлъ, выдыхался, но все еще былъ грознымъ противникомъ. Вонсяцкій судорожными пальцами нащупалъ автоматическій пистолетъ и зажавъ его до боли въ рукѣ, замолотилъ, какъ тяжелымъ кастетомъ по лицу и по головѣ противника.

Болтуць съ окровавленнымъ носомъ и ртомъ потерялъ сознаніе, а Вонсяцкій въ изступленіи, въ бѣшенствѣ, сыпалъ и сыпалъ ударами, пока все лицо краснаго дипломата не превратилось въ безформенное мѣсиво изъ переломанныхъ костей и хрящей...

26. Черезъ пустыню на Западъ.

Въ ту же ночь въ большомъ закрытомъ автомобилѣ, подъ надежною охраною одного офицера и четырехъ солдатъ, — всѣ пятеро свои, русскіе, — Вонсяцкій былъ переброшенъ километровъ за семьдесятъ отъ столицы.

А дальше, дальше начинались такіа дороги.

вѣрнѣе, началось такое бездорожье, гдѣ едва можно было ѣздить на ослахъ и на мулахъ и не только о машинѣ, но и о коляскѣ не могло быть рѣчи.

Пустыня?

И да и нѣтъ.

Пустыня имѣетъ свой, если такъ можно сказать, «порядокъ». Сыпучіе пески смѣняются не только благородными оазисами, но и цѣлыми городами, богатыми, великолѣпными. И въ пустынѣ есть своя жизнь, имѣются свои большія дороги, и по нимъ движутся, устремляясь къ городамъ и оазисамъ, караваны — сотни людей и сотни вьючныхъ верблюдовъ. Здѣсь же, — ни оазисовъ, ни городовъ, ни каравановъ. Здѣсь — ничего! Пустыня въ самомъ безнадежномъ значеніи слова, мертвая, гнетущая, безъ всякаго проблеска улыбки, улыбки жизни, которая дѣлаетъ чарующей, африканскую пустыню, этотъ «садъ Аллаха», какъ зовется она арабами. Здѣсь почва хотя и не гористая, но пересѣчена, и это не мягкій песокъ, а либо каменистый, либо солончаковый грунтъ. Да и часто попадаются углубленія озеръ съ гравіемъ на днѣ, крупнымъ, отшлифованнымъ гравіемъ, — такая шлифовка дается вѣками — этимъ искуснѣйшимъ ювелиромъ.

Только густой камышъ, да и то мѣстами, уцѣлѣлъ отъ этихъ озеръ.

Отъ вѣтра, а онъ всегда здѣсь гуляетъ, по этимъ пространствамъ, бурый камышъ какъ-то особенно шелеститъ. Даже не шелестъ, а сухой, непріятный, шелкающій звукъ, какъ если бы кружились хороводы скелетовъ, ударяясь пожелтѣвшими костяками.

Но и не только воображаемые, а и настоящіе скелеты встрѣчались на этомъ пути, какъ-бы на вѣки-вѣчныя проклятомъ самимъ Господомъ Богомъ.

Въ первый же день послѣ того, какъ на разсвѣтѣ автомобиль, оставивъ его, умчался назадъ,

Вонсяцкій въ нѣсколькихъ мѣстахъ видѣлъ уже наполовину вросшія въ землю человѣческія ребра и отфлифованные вѣтромъ и временемъ черепа. И удивительно дополняли они другъ друга, — эти кости, подобныя какимъ-то мистическимъ іероглифамъ, и эти черепа, застывшіе въ загадочной гримасѣ-улыбкѣ, обращенной къ небесамъ и къ тому, въ чье поле зрѣнія они попали. Можно было подумать, что непонятныя, уже потустороннія улыбки эти, расшифрованы и записаны такими же непонятными, потусторонними іероглифами, предъ коими въ безсиліи опустить руки самый опытный, самый ученый чтецъ древнихъ надписей. И не надо быть ученымъ и опытнымъ чтецомъ, дабы прочесть: эти письмена изъ человѣческихъ костей грозное предостереженіе для всѣхъ, кто дерзаетъ пройти мимо.

«Мы были такими же, какъ и вы, а вы будете такими же, какъ и мы, если дерзнете углубиться дальше, откуда бѣгутъ даже дикіе звѣри. Пока не поздно — вернитесь!»

Но никто изъ одинокихъ спутниковъ не внималъ этимъ предостереженіямъ. Не внималъ потому, что если впереди ожидала его гадательная смерть, то сзади навѣрняка уже не было спасенія и пощады. Никто не пытался по доброй волѣ достигнуть границъ сосѣдней республики, никто, кромѣ тѣхъ, кому законъ грозилъ висѣлицею.

Полковые друзья такъ снабдили и снарядили Вонсяцкаго, какъ навѣрно никогда никто не былъ снабженъ и снаряженъ изо всѣхъ остальныхъ бѣглецовъ. Одѣтъ онъ былъ туристомъ, — ботинки подбитые гвоздями и шерстяные чулки до колѣнъ. Такой же шерстяной свитеръ подъ куртку, — днемъ онъ снимается, а ночью необходимъ. Ночи здѣсь холодныя при нестерпимо знойныхъ дняхъ. Черезъ плечо сумка съ бисквитами, шоколадомъ, вяленымъ мясомъ. Термосъ съ водой. Даже миниатюрная аптечка съ каплями, дезинфицирующими воду и съ порошками отъ головокруженія и лихорадки. При-

бавимъ къ этому компасъ, электрическій фонарикъ, запасъ сигаръ, спичекъ, револьверъ и карабинъ съ изряднымъ количествомъ патроновъ.

Вонсяцкій шелъ увѣренно, безъ колебаній. Ему сказано было:

— Никакихъ дорогъ! Идти надо, пользуясь компасомъ все на Западъ и на Западъ. Сбиться нельзя даже при болѣе, или менѣе грубой ошибкѣ, ибо западная граница вертикальнымъ отвѣсомъ падаетъ съ сѣвера на югъ на пространствѣ семисотъ километровъ. Въ концѣ концовъ нельзя не упереться въ нее. На вопросъ Вонсяцкаго, какъ ему избѣгнуть встрѣчи съ пограничною стражею, своей, мѣстной, которая можетъ его схватить и отправить назадъ, а то и раздѣлаться на мѣстѣ, ему только разсмѣялись въ отвѣтъ:

— Пограничная стража? Да тамъ ея нѣтъ и въ поминѣ. Гдѣ бы они жили, пограничники эти, чѣмъ бы кормили себя и лошадей въ этой пустынѣ? Да и кого стеречь? кого охранять? какихъ контрабандистовъ ловить? Нѣтъ, сама природа тамъ наилучшая пограничная стража.

Вонсяцкій, съ одной стороны былъ утѣшенъ, и подавленъ, съ другой.. Но колебаться не было времени. Уже содрагалась, сердито сопѣла машина для него и для тѣхъ, кто съ нимъ поѣдетъ.

На тоскливо безбрежномъ фонѣ этихъ высохшихъ озеръ, «шелкающихъ» сухихъ камышей и человѣческихъ іероглифовъ съ желтыми черепами, — охватило сознаніе небывалаго, никогда не испытаннаго одиночества. Но Вонсяцкій не падалъ духомъ, нѣтъ. Духъ былъ силенъ и только сознаніе себя какой то песчинкой, затерянной въ этомъ дикомъ безлюдьѣ угнетало. Не въ счетъ же нѣскольکو встрѣчъ, да и то въ самомъ началѣ... Попадались какія-то фигуры и между ними — индѣецъ, закутанный въ пестрое одѣяло. И этотъ индѣецъ и другіе, не индѣйцы, безъ одѣялъ, завидѣвъ чело-вѣка съ карабиномъ, спѣшили обойти его...

Здѣсь каждый видитъ въ ближнемъ двуногого волка, да и самъ двуногій волкъ.

Это ощущеніе не было новымъ. Только декорации были новыя. Развѣ не такъ же было на югѣ Россіи въ борьбѣ съ большевиками, когда сильнѣйшій нападалъ, а слабѣйшій наговаривалъ, какъ-нибудь укрыться? Но тамъ злобы и недовѣрія было неизмѣримо болѣе, чѣмъ здѣсь, ибо здѣсь, пожалуй только одно недовѣріе.

Идя на западъ, то подъ палящимъ солнцемъ, то подъ холодными звѣздами холодной ночи, Вонсяцкій мысленно возвращался въ полкъ, переживая мѣсяцъ съ небольшимъ до пріѣзда Болтуця. Какимъ веселымъ безмятежнымъ и радостнымъ былъ этотъ мѣсяцъ, волшебнo смѣнившій трущобную фонду и тяжкій трудъ портового носильщика!.. Красивая форма, вниманіе женщинъ, знакомства, визиты, вкусные обѣды въ собраніи, обѣды съ трубаками и казачьими пѣснями, манежъ, съ его особеннымъ. сладковатымъ запахомъ... Такая родная, желанная кавалерійская служба... Мигъ, и ничего этого нѣтъ! Есть безпріютный бѣглець бѣглець внѣ закона, только потому не преслѣдуемый, что его физически нельзя преслѣдовать въ этой безводной пустынѣ, гдѣ вѣчѣмъ поить и лошадей и всадниковъ.

Его предупреждали:

— Ни колодцевъ, ни рѣкъ ты долго не встрѣ-
тишь и поэтому, — будь экономенъ.

И онъ пилъ воду лишь въ моменты приступовъ мучительной жажды, какъ драгоценнѣйшую влагу, какъ собственную жизнь. Да и развѣ эта постепенно уменьшавшаяся вода не была его жизнью, его будущимъ, его всѣмъ?...

И еще вспомнилъ онъ совѣтъ офицера туземца, знавшаго этотъ край и его законы пустыни!

— Если у тебя выйдетъ вода, можно еще продержаться. Знаешь какъ? Клади на языкъ золотую

монету, а еще лучше, двѣ или три и соси ихъ, все время соси...

Вонсяцкій дѣлалъ это еще, еще имѣя воду. Частію изъ экономіи дѣлалъ, частію желая провѣрить туземца. И дѣйствительно, жажда стихла. Золото давало иллюзію какого-то удовлетворенія.

Увы, только иллюзію и не на очень долго. А затѣмъ, мучимый усталостью нашъ бѣглець, отдалъ бы золото всего міра за нѣсколько глотковъ студеной воды.

27. Каменные руины и человѣческія лохмотья.

Первую ночь онъ провелъ подъ открытымъ небомъ, на берегу высохшаго озера. Нарѣзалъ камышу, развелъ костеръ, а изъ нѣсколькихъ охапокъ устроилъ себѣ относительно мягкое ложе. Костеръ, — его надо было поддерживать, и для этого просыпаться, — давалъ тепло, согрѣвая сырой, пронизывающій холодъ ночи,

Второй ночлеги былъ хотя и не подъ открытымъ небомъ, но уже безъ костра. Вонсяцкій ежился въ своемъ свѣтерѣ. Онъ набрелъ на какое то подобіе хижины, примитивно и грубо сложенной изъ неотесанныхъ камней. Внутри голо и пусто. Это сооруженіе безъ оконъ, видимо, никогда не было обитаемо. По всей вѣроятности, давно, очень давно, когда мѣстность была населена дикими племенами, эту хижину воздвигли миссіонеры, чтобы имѣть ночлеги, или же отсидѣться въ часы непогодъ, бурь и тропическихъ ливней.

Вонсяцкій страдалъ отъ невозможности умыться. Самое большее, что онъ могъ себѣ позволить это, капнувъ чайную ложечку на платокъ, выте-

реть глаза и губы. Грязныя руки то начинали неприятно лосниться, то дѣлались влажными, липкими. Пальцы были коричневыя отъ шеколада. Кстати, онъ убѣждался въ питательности шеколадныхъ плитокъ—его главное блюдо—но сладкій шеколадъ вызывалъ особенныя приступы жажды.

Ни человѣка, ни птицы, ни звѣря. О, если-бы хоть какое нибудь живое существо внесло разнообразіе и оживило эти мертвыя бугры, мертвыя камыши, мертвый горизонтъ!.

Однажды, правда, небольшая стая крупныхъ птицъ пронеслась очень высоко на западъ. Это были орлы-стервятники. На западѣ они учуяли себѣ кормъ. Вонсяцкій сопоставилъ это съ напутствіемъ, выслушаннымъ второпяхъ передъ своимъ отъѣздомъ.

Ему говорили:

— Какъ только начнетъ появляться зелень, трава, группы деревьевъ, появится жилье, и природа начнетъ расцвѣчиваться людьми. Вся эта благодать—по той сторонѣ границы, и ты уже будешь на чужой территоріи, а, слѣдовательно, въ безопасности.

И тутъ же прибавлялось:

— Въ относительной безопасности. Пока ты доберешься до культурныхъ мѣстъ и тамошнихъ властей, мало ли какіе могутъ быть «сюрпризы»?

— Но у Вонсяцкаго было чѣмъ и какъ встрѣтить «сюрпризы». Онъ могъ выдержать цѣлый бой, имѣя одиннадцатизарядный карабинъ. Въ дикихъ и полудикихъ мѣстахъ хорошо вооруженный человѣкъ—серьезный и опасный соперникъ.

* Нѣтъ, сюрпризовъ онъ не боится. Онъ боится погибнуть на этомъ безводномъ пространствѣ и не дойти до обѣтованной земли съ ея лѣсами и рѣками.

Уже легче сталъ металлическій, внутри выложенный стекломъ, а сверху обтянутый кожей термосъ. Уже на днѣ его не болѣе полустакана воды.

Уже все чаще и чаще сосетъ Вонсяцкій въ пересыхающемъ рту золотыя монеты. Но онѣ быстро теряютъ свою призрачную влажность. Слабѣютъ ноги, слабѣетъ все тѣло. Приступы головокруженія. И вотъ тутъ-то убѣждался Вонсяцкій въ цѣлебности порошковъ, данныхъ ему заботливой рукою. Прояснялась голова и подбадривался весь организмъ.

Такъ минуло три ночи и пошелъ уже четвертый день. А бѣгушія къ горизонту дали оставались унылыми, сѣрыми, выжженными..

И вдругъ..

Миражемъ почудилось увидѣнное—до того оно было и необыкновенно, и неожиданно и изумительно. Но это не былъ одинъ изъ тѣхъ миражей, что встаютъ передъ истомленнымъ путникомъ средь голой пустыни въ видѣ роскошныхъ оазисовъ, манящихъ прохладою, изобиліемъ воды и пищи.

Это былъ мертвый городъ, такой же мертвый, какъ и все окружающее. Это были уцѣлѣвшія руины каменныхъ громадъ такой мощной циклопической кладки,—понадобились тысячелѣтія, чтобы разрушить ихъ, разрушить, но не уничтожить.

Замогильные отголоски угасшей цивилизаціи, и какого размаха и масштаба цивилизація! Что за жизнь кипѣла здѣсь въ легендарныя времена, когда не было еще не только испанскихъ конквистадоровъ, завоевавшихъ Америку, но, пожалуй, и самой Испаніи не было. Зачарованный остановился Вонсяцкій передъ внушительной, подавляющей понорамою, этой романтикой изъ отшлифованныхъ камней и такихъ же отшлифованныхъ гранитныхъ глыбъ. Здѣсь все исполинское въ этомъ городѣ вымершихъ гигантовъ. Отдѣльные уцѣлѣвшіе массивы акведуковъ, за многіе десятки километровъ доставлявшихъ воду. А эти «куски» городскихъ стѣнъ? Каждого «куска» хватило бы на цѣлый небоскребъ..

Вонсяцкаго неотразимо потянуло дальше и онъ позабылъ и про усталость и какъ рукою сняло

новый приступъ головокруженія. Сохранились дома, хотя и безъ крышъ, но во всей неприкосновенности своихъ строгихъ, геометрическихъ линій и пролорцій. Сохранился амфитеатръ,—эллипсисъ, съ гранитными скамьями и гранитной сценою внизу. Сохранилось что-то вродѣ фoрума съ остатками четырехугольныхъ колоннъ и портиковъ. Всѣ портики—подъ прямымъ угломъ. Искусство возведенія арки не было извѣстно мѣстнымъ зодчимъ, какъ не извѣстно было оно древнимъ египтянамъ и грекамъ.

Тысячи лѣтъ назадъ какіе-то люди волновались, рѣшали свои дѣла подъ этими колоннами и портиками. Какіе-то комедіанты забавляли набитый человѣческой гущей амфитеатръ, теперь нѣмой, застывшій въ своемъ заброшенномъ гранитномъ великолѣпіи.

Если бы не опасеніе растратить свои надломленные силы, Вонсяцкій нѣсколько часовъ бродилъ бы по этимъ развалинамъ. Нѣтъ, скорѣе все дальше и дальше туда, къ Западу! Самая маленькая, самая обыденная жизнь съ такъ соблазнительно журчащимъ ручейкомъ необходимѣе и дороже этой царственной смерти...

Мимо, мимо, пусть это все останется позади!..

Но что это? Ужъ не обманъ ли зрѣнія? Не новый ли миражъ? И онъ подошелъ ближе. Онъ такъ отвыкъ отъ людей,—не повѣрилъ въ этотъ человѣческій комокъ, лежавшій подъ доколемъ одной изъ полуосыпавшихся колоннъ. Куча грязныхъ лохмотьевъ, заросшая голова. И эта куча лохмотьевъ и эта голова, какъ въ бреду, стонали:

— Пить.. пить...

Вонсяцкій остановился. Изъ спутанныхъ зарослей смотрѣли, не видя ничего, два выкатившихся воспаленныхъ глаза. А запекшіяся, въ трещинахъ, толстыя губы хрипѣли по испански.

— Пить.. я умираю...

Вонсяцкаго охватилъ одинъ изъ тѣхъ необъ-

яснимыхъ порывовъ, когда человѣкъ жертвуетъ всѣмъ ради чужого и чуждаго существа. И, не думая о себѣ, онъ отвинтилъ крышку термоса и вылилъ въ стаканчикъ все что было на днѣ.

— Пей!

Но куча лохмотьевъ не сразу поняла. Только еще болѣе выкатились воспаленные бѣлки.

— Пей! — въ нетерпѣньи повторилъ Вонсяцкій, — это вода, которой ты такъ жаждешь!

Проблескъ мысли какой-то судорогой исказилъ лицо человѣка, и огромными, почернѣвшими отъ грязи лапищами онъ схватилъ металлическій стаканчикъ, въ смертельномъ испугѣ, что его могутъ отнять... Запрокинувъ черноволосую, лохматую голову, онъ выпилъ эти нѣсколько глотковъ, какъ если-бы вливалъ въ себя цѣлый бассейнъ. Уже не осталось ни капли, но онъ не отнималъ стаканчика отъ губъ словно въ ожиданіи чуда... Потомъ, все еще не вѣря ни себѣ, ни стоявшему надъ нимъ, съ испугомъ затравленного звѣря спросилъ:

Кто ты? Жандармъ? Карабинеръ?

— Такой же какъ и ты бѣглець, — съ усмѣшкой отвѣтилъ Вонсяцкій.

— А... ты тоже убилъ человѣка?

Вонсяцкій молча кивнулъ.

— Тогда пойдемъ вмѣстѣ, — молвила куча лохмотьевъ, поднимаясь. И когда она совсѣмъ выпрямилась, Вонсяцкій удивился — такимъ громаднымъ выросъ его неожиданный негаданный товарищъ по несчастью. Комокъ оказался обманчивымъ.

Вонсяцкій всего наглядѣлся въ порту и всякихъ перевидалъ оборванцевъ и бродягъ, но такого не видѣлъ. Штаны были на немъ съ маленькаго, толстаго мужчины, хватало ихъ только ниже колѣнъ, а на животѣ они были сколоты англійской булавкой. Изъ рукавовъ пиджака, висѣвшаго клочьями, вылѣзали волосатые длинные руки, руки гориллы...

28. Вонсяцкій не заснетъ!

Всклокоченное страшилище въ короткихъ штанахъ съ англійскою булавкою на отощавшемъ животѣ сразу внушило Вонсяцкому величайшее отвращеніе.

Страшилище же не сомнѣвалось, что Вонсяцкій такой же какъ и онъ бандить-грабитель. А слѣдовательно, стѣсняться нѣтъ никакой необходимости. И, подкрѣпившись бисквитами, вяленымъ мясомъ и шоколадомъ, шагая рядомъ съ Вонсяцкимъ — мертвый городъ былъ уже позади — великанъ разоткровенничался:

— Эстранхеро (чужеземецъ)? Я въ тебѣ тотчасъ же призналъ эстранхеро! Ты удачливѣй меня! Клянусь мощами святого Антонія Падуанскаго — тебѣ повезло! Счастливчикъ! Одѣтъ какъ! И золото звенитъ въ кошелькѣ, и карабинъ... А я? И все по глупости! Надо было пристукнуть ребенка. Вслѣдъ за папашей и мамашей. А я оказался послѣднимъ изъ водовозныхъ ословъ Севильской Трианы! Пожалѣлъ! Щенокъ поднялъ крикъ, начали сбѣгаться и тутъ уже было не до бездѣлушекъ зарѣзанной мамашы! Гдѣ ужъ! Скорѣе въ ноги! Спасибо, что еще голову унесъ! Хранить меня еще Святая Дѣва. И вотъ, если бы не ты, подохъ бы я! Клянусь куполомъ кафедральнаго Санъ-Педро, подохъ-бы!

Отвращеніе охватывало Вонсяцкаго все острѣе и острѣе къ этому извергу, но и уйти отъ него уже нельзя было. Нельзя! Какія то особыя цѣпи сковываютъ самыхъ противоположныхъ людей въ такихъ исключительныхъ условіяхъ. Бросить этого негодяя изъ негодяевъ Вонсяцкій считалъ-бы вѣроломствомъ, а, между тѣмъ, въ спокойныхъ, «человѣческихъ» обстоятельствахъ онъ безо всякаго сожалѣнія всадилъ бы въ него пулю.

По тѣмъ косымъ взглядамъ, которые на него бросалъ спутникъ, Вонсяцкій угадывалъ: этотъ ги-

гантъ уже возненавидѣлъ его и за хорошій, опрятный костюмъ, и за внѣшность, и за высшую расу, и за карабинъ и за кошелекъ съ золотомъ. Что-то большевицкое было въ этой ненависти. Немного позже самъ спутникъ расписался въ этомъ.

— Ты какой-же національности будешь? — спросилъ онъ.

— Я русскій.

— А, русскій... Эмигрантъ?

— Да.

— Такъ ты изъ тѣхъ, кто мучили своихъ рабовъ... Я тоже кое что знаю.

Вонсяцкій ничего не отвѣтилъ. Да и что можно было отвѣтить? Онъ только убѣдился, что такіе, какъ этотъ бандитъ — чудесная почва для коммунистической пропаганды. Даже здѣсь, на краю свѣта, за морями океанами, отдѣлявшими Южную Америку отъ Совдеціи. Да и кромѣ того, сейчасъ географія интересовала Вонсяцкаго гораздо больше политики. И онъ спросилъ:

— Ты знаешь эти мѣста?

— Какъ не знать? Это мой третій побѣгъ.

— Далеко еще до границы?

— А вотъ переночуемъ еще, а къ полудню будемъ на той сторонѣ.

— Но безъ воды гибель намъ!

— Не погибнемъ, имѣй терпѣнье! Въ двухъ-трехъ часахъ отсюда есть колодезь. И даже не колодезь, а глубокая яма стоячей воды. Не совѣмъ стоячей. Снизу что-то просачивается. Гдѣ онъ — я знаю примѣты.

И, дѣйствительно, хотя и не черезъ два и не черезъ три часа, а спустя добрыхъ пять, они очутились у колодца съ мутной водою, у подошвы голаго съ чахлымъ кустикомъ пригорка. Эта муть показалась Вонсяцкому чистой, прозрачной водою. Но все же онъ не спѣшилъ послѣдовать примѣру бандита, упавшаго на животъ и погрузившаго волосатое лицо свое въ блестящую на солнцѣ воду.

Мучимый жаждою Вонсяцкій выдержалъ характеръ, набравъ воды въ термосъ, всыпалъ туда дезенфицирующій порошокъ, размѣшалъ его шомполомъ отъ карабина, выждалъ минуты двѣ и тогда только началъ пить. Впервые за всѣ эти дни и ночи своего бѣгства онъ пилъ вволю, пилъ, сколько душа хотѣла. И когда осушилъ весь термосъ, налилъ второй про запасъ и такъ же обезвредилъ воду порошкомъ. Потомъ, раздѣвшись до пояса, началъ умываться. Какимъ наслажденіемъ было освѣжить лицо, голову и нѣсколько разъ намылиться, намылиться такъ густо, — пѣна бѣлыми клочьями, какъ съ загнанной лошади, падала на сухую землю.

Бандить, развалившись, не безъ ироніи наблюдалъ туалетъ своего спутника. Самъ же и не подумалъ умываться. А вотъ сигарой Вонсяцкаго затягивался съ наслажденіемъ.

Уже черезъ какой-нибудь часъ пути страшилище потребовало:

— А ну-ка, дай твой термосъ!

Вонсяцкій запротестовалъ:

— Мы недавно пили воду. Терпи, сколько можно будетъ терпѣть. Лишь экономя каждый глотокъ, мы какънибудь продержимся до слѣдующаго дня.

Великанъ отвѣтивъ злобнымъ взглядомъ, пробурчалъ какое-то ругательство.

И здѣсь Вонсяцкій выдержалъ характеръ. До самаго вечера и самъ не выпилъ ни капли и бандиту не далъ, а съ наступленіемъ ночи, утихла и жажда.

Послѣдняя ночь безпріютныхъ скитаній по проклятой Богомъ пустынѣ. Послѣдняя! Ахъ, еслибы это было такъ!

Расположились спать не только подъ открытымъ небомъ, но и на открытомъ мѣстѣ. Непреодолимая, съ ногъ сбивающая усталость свалила ихъ тамъ, гдѣ не было ни одной «складки», ни одной ложбины, а уходила въ темную слѣпую без-

конечность ровная гладь. Да и лежа высохшихъ озеръ съ ихъ камышами остались позади.

Не за что было зацѣпиться вѣтерку, не было прикрытія. Ночь судила особенный холодъ, и не столько Вонсяцкому — светеръ и куртка достаточно грѣли,—какъ бандиту съ его пиджакомъ на голое тѣло.

И онъ предложилъ:

— Знаешь что? Будемъ спать вплотную другъ къ другу. Будемъ такъ согрѣваться — тѣло къ тѣлу.

Вонсяцкій, отвѣтивъ что-то неопредѣленное, уклонился отъ этого удовольствія, уклонился по тремъ причинамъ: во первыхъ, великанъ былъ очень грязень и отъ него шелъ дурной «духъ», во вторыхъ, онъ былъ не только физически противень, а и морально, и въ третьихъ, наконецъ, эти руки, руки гориллы способны задушить хотя бы во имя одного только обладанія термосомъ...

Вонсяцкій стоялъ, глядя на звѣзды, яркія, дрожащія звѣзды, пока бандитъ не легъ и не собрался въ комокъ, чтобы не такъ пронизывалъ холодъ.

Тогда Вонсяцкій отошелъ шаговъ на тридцать, опустился на землю и, положивъ подъ голову сумку, а рядомъ съ собой положивъ карабинъ, возымѣлъ твердое намѣреніе не смыкать глазъ всю ночь.

Надо быть на-чеку, думалъ онъ, — да и не такъ сонъ важенъ, какъ дать отдохнуть тѣлу въ горизонтальномъ положеніи. И не буду смотрѣть на звѣзды! Это также усыпляетъ, какъ если днемъ, лежа на спинѣ, смотрѣть на небеса. И буду еще думать о непріятныхъ вещахъ. Такія думы проговяютъ сонъ, какъ коршунъ разгоняетъ голубиную стаю. И онъ упрямо и твердо рѣшилъ думать о Тамарѣ — самое непріятное для него, даже болѣе непріятное, чѣмъ положеніе, въ которомъ онъ очутился.

Тамъ далеко, невѣроятно далеко, въ мастерской Эккера, онъ изъ гордости умолчалъ, умол-

чалъ даже передъ лучшимъ другомъ о глвной причинѣ, гнавшей его изъ Парижа: Вонсяцкій не хотѣлъ дышать однимъ воздухомъ съ этой женщиной. Всѣмъ обязанная ему и его великодушному порыву, она, волочившая по грязи его честное имя, чудовищно запятнала себя возмутительной подлостью, настоявъ, чтобы ему больше не давали «крутить».

Это было ужасно! Это было ужаснѣе, чѣмъ злодѣяніе Болтуца, Болтуца, съ его душенкою гіены и сыщика.

Вонсяцкій не могъ простить себѣ свою пассивность тогда. Слѣдовало ворваться къ ней, бросить въ лицо все, все, что онъ объ ней думаетъ и требовать, требовать подъ угрозой самыхъ отчаянныхъ мѣръ, чтобы она не смѣла больше носить его имени.

И одна за другую вставали картины. Стиснувъ зубы, дрожа весь отъ гнѣва, онъ врывается въ ея роскошный особнякъ. Слуги не пускаютъ его. Ратолкавъ слугъ, онъ проходитъ цѣлый рядъ комнатъ. Ихъ много—нескончаемый лабиринтъ какой-то. И въ самой послѣдней—Тамара. Увидавъ его, она падаетъ передъ нимъ на колѣни, какъ Болтуць. И какъ Болтуць пытается охватить его ноги. Вонсяцкій въ бѣшенствѣ «съ мясомъ» вырываетъ изъ ея ушей брилліантовые серьги, въ бѣшенствѣ тянетъ къ себѣ нитку жемчуга. Разсыпаются жемчужины и быстро, сказочно растутъ, превращаясь въ билліардные шары... Потомъ все пухнуть, пухнуть до размѣровъ гигантскаго глобуса, который онъ видѣлъ... Когда и гдѣ — не могъ припомнить. И эти жемчужины—глобусы давятъ его гнетутъ невыносимой тяжестью. А Тамара? Тамара исчезла и доносится издали ея дикій торжествующій хохотъ.

30 У вратъ обѣтованной земли.

Лучъ поднявшагося солнца согрѣлъ его... Протирая глаза, онъ сталъ озираться. Первое впечатлѣніе—отсутствіе спутника. На мѣстѣ, гдѣ страшилище улеглось съ вечера,—его не было. Его, вообще не было, сколько ни всматривался кругомъ себя, вставши на ноги Вонсяцкій. До самаго горизонта сплошная гладь, безъ единой точки... И только тогда уже замѣтилъ онъ отсутствіе каравина и сумки. Судорожно сталъ шарить по карманамъ—ни кошелька съ золотомъ, ни компаса, ни спичекъ, ни ножа, ничего! Все обобралъ, все съ собою унесъ исчезнувшій бандитъ. И самое страшное,—вмѣстѣ съ нимъ исчезла и вода...

Велико было горе. Такъ велико—нечѣмъ было ни плакать, ни выть, ни бѣситься и скрежетать зубами. Наоборотъ, тихое, глубокое оупѣнье нашло на Вонсяцкаго. Нечѣмъ было даже упрекать и казнить себя, за то, что не могъ преодолѣть усталости и, какъ хотѣлъ, бодрствовать всю ночь.

И нечѣмъ было себя утѣшить. Нечѣмъ! Хотя, счастье еще, что Господь послалъ ему крѣпкій совѣтъ. Бандитъ хозяйничалъ надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ, какъ степной шакалъ надъ трупомъ. Жутко подумать, было бы, проснись онъ. Въ концѣ концовъ, бандитъ обнаружилъ какое то великодушіе, забравъ все и, взявъ, оставивъ ему жизнь... Надолго-ли?

И какъ бы ища отвѣта, вопрошая, взглянулъ туда, гдѣ всего какихъ-нибудь полчаса назадъ всплылъ большой солнечный дискъ. Сейчасъ это было уже что-то большое, раскаленное и ослѣпляющее. Будетъ жечь, все жечь палящимъ зноемъ

Одинаково суровъ и беспощаденъ выборъ: либо подчинившись судьбѣ остаться и ждать смерти,

здѣсь-же, на мѣстѣ, либо дерзко бросивъ вызовъ и солнцу, и жаждѣ и голоду идти на западъ, идти уже безъ компаса, въ чаяніи пробиться сквозь мертвую зону. Лучше погибнуть въ борьбѣ, въ движеніи, чѣмъ уподобившись животному, медленно издохнуть на этомъ солнцепекѣ.

Удобные и легкіе въ обычныхъ условіяхъ башмаки, казались свинцовыми послѣ двухъ часовъ ходьбы, а чистая линія горизонта, правильный полукругъ этотъ ничего не обѣщаль, и ничто не нарушало его, не расцвѣчивало, не манило хотя бы призракомъ надежды.. Вонсяцкій сознавалъ: физически онъ можетъ идти еще долго, но не потому, что это легко, а потому, что онъ «завелъ» себя, всю свою волю, какъ заводятъ часы, или механизмъ автомата. Пугало другое: сильный приступъ голода или жажды, или того и другого вмѣстѣ, можетъ свалить его и тогда, тогда ему уже не подняться...

Моментами «закладывало уши, а передъ глазами ходили цвѣтные круги, а онъ по опыту зналъ —не дай Богъ, если эти круги сольются въ нѣчто глухое, слѣпое и темное! Тогда уже конецъ! Будь порошки они освѣжали, разгоняли бы это слѣпое и темное!

Иногда его шатало и неодолимо было желаніе сѣсть, отдохнуть, но Вонсяцкій гналъ этотъ предательскій соблазнъ, гналъ не только мыслью, напряженіемъ всего существа, а и наивно, какъ дикарь, словами, заклинаніями. Онъ облизывалъ губы, но и языкъ былъ сухой. Въ такіе моменты завидовалъ собакамъ съ ихъ влажнымъ, слюноточивымъ языкомъ, въ самый адскій зной...

На ходу начиналъ бредить, галлюцинировать, и красные, синіе, зеленые языки, высываясь, дразнили его.

А онъ все шелъ и шелъ, закрывая глаза, останавливаясь и всѣмъ тѣломъ качаясь изъ стороны

въ сторону, думая объ одномъ: только бы не измѣнили ноги!

Проблески дѣйствительности чередовались съ бредовымъ забытьемъ, и поэтому время на давало себя чувствовать. И онъ удивился, когда по солнцу увидѣлъ, что полдень уже миновалъ, но это было еще не приближеніе вечера, а что то среднее между четырьмя и пятью часами дня.

Онъ уже изнемогъ окончательно. Все чаще и чаще закрывались ослабѣвшія вѣки, все чаще шумѣло въ головѣ и какъ-бы пленкою заволакивалось сознание. И вдругъ, не вѣря себѣ, считая это одной изъ галлюцинацій на яву, впился онъ взглядомъ въ убѣгающія дали...

Что это? Горизонтъ уже утратилъ безжизненность геометрической линіи. Онъ чѣмъ-то затемненъ, чѣмъ-то прерывается. Да, чѣмъ то зубчатымъ, цвѣтнымъ. Тамъ деревья, тамъ зелень, тамъ что-то зовущее, прекрасное... Тамъ жизнь! А если это миражъ? Пусты! Онъ уже сдѣлалъ свое! Онъ окрылилъ гаснущіе, уже совсѣмъ угасшія силы и загибнотизировалъ однимъ словомъ:

— Иди!

Нѣтъ, не миражъ. Миражъ обманчивъ въ своей призрачности, а то, что Вонсяцкій увидѣлъ, по мѣрѣ приближенія, становилось болѣе четкимъ и яснымъ, и все росло и росло...

— Иди!

И онъ шелъ...

Еще далеко до этихъ зубчатыхъ силуэтовъ, но уже постепенно мѣняется почва. Сухая сѣрая бесплодная, какъ его губы, потрескавшаяся земля становится все болѣе влажной, и черной и болѣе жирной, способной творить. И она творитъ пока еще бѣдные низкорослые кустики, творитъ болотца съ чахлой травой. Уже какой-то намекъ на воду. Если набить ротъ землею и жевать ее, изъ нея, какъ изъ губки, выжмешь глотокъ воды.

И хотѣлось безумно, до боли, до спазмъ хотѣлось, но онъ сдерживалъ себя, Еще, еще сотня другая шаговъ... Терпѣніе...

А силуэты уже перестали быть силуэтами, это уже обвѣянные дрожащимъ воздухомъ деревья. Это опушка лѣса. И какъ тонущій пловецъ уже у самаго берега ключемъ идетъ ко дну, такъ и Вонсяцкій въ какой-нибудь тысячѣ шаговъ отъ обѣтованной земли, упалъ. Упалъ ничкомъ въ болотце, уже настоящее болотце, подернутое тонкимъ слоемъ неподвижной и темной воды. И онъ пилъ ее, теплую, густую, пилъ, но не могъ утолить жажды, не могъ, и это приводило его въ ярость. Онъ «рвалъ» болото, какъ-бы желая разорвать на куски, уничтожить, стискивалъ комья грязи, и густая жижа текла между пальцами...

Онъ чувствовалъ, что умираетъ, но сначала, сначала сойдетъ съ ума. Какая безумная, страстная борьба за жизнь... Борьба... Но уже мутился воспаленный мозгъ, а тѣло сломлено безпредѣльной усталостью и невыносимой жаждой и голодомъ.

И все таки боролся, боролся могучій молодой организмъ. Вонсяцкій судорожно бился и послѣднимъ напряженіемъ бросалъ свое тѣло. Облѣпленный грязью, онъ вдавилъ подъ собою продолговатую яму... А пальцы сжимали и разжимали комья сырой, какъ-то приторно пахнущей жижи... Онъ открылъ глаза, и проблескъ сознанія молніей обжегъ все его существо, изнемогавшее, сдавшее всѣ позиціи въ смертельной схваткѣ за жизнь. И прежде чѣмъ потухли его глаза, ихъ ослѣпило засіявшее что-то, засіявшее въ гущѣ болота.

— Бриллиантъ, бриллиантъ! — отпечаталось въ сознаніи. И густая тьма, тяжелая какъ міръ, налегла, придавила, и больше Вонсяцкій ничего уже не чувствовалъ и не видѣлъ...

31. Какъ закончилась ихъ вечерняя прогулка.

Донья Кармела Беацъ только что вернулась съ объѣзда части своихъ владѣній. Объѣздъ владѣній, — это лишь предлогъ совершить прогулку верхомъ. Еще недавно ѣздила она за океаномъ въ Парижъ, въ Булонскомъ лѣсу, передъ завтракомъ и такъ втянулась въ этотъ полезный и пріятный спортъ, что здѣсь, дома, его не хватало бы ей!

Разница была лишь въ костюмѣ. И въ Булонскомъ лѣсу и здѣсь донья Кармела ѣздила одѣтой помужски. Но тамъ былъ черный котелокъ, черный длинный сюртукъ и кофейные бриджи, а здѣсь все бѣлое и бѣлый тропическій шлемъ.

Грумъ, юный негръ Нисіо, принялъ поводъ.

— А, донъ Юліо! — воскликнула Беацъ, безъ особеннаго, впрочемъ энтузіазма.

Поджидавшій ее въ плетеномъ креслѣ на верандѣ бѣлой гачіенды, мужчина, въ клѣтчатомъ костюмѣ, высокій, чернобородый, поднялся навстрѣчу, оскаливъ въ улыбки густые, бѣлые, зубы, склонился къ рукѣ доньи Кармелы.

Юліо Бастарди, — ея сосѣдъ, богатый помѣщикъ, но значительно менѣе богатый, нежели Кармела Беацъ, тридцатилѣтняя вдова одного изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ республикѣ. Донъ Юліо уже нѣсколько лѣтъ былъ неравнодушенъ и къ интересной вдовушкѣ и къ ея необозримымъ пастбищамъ, лѣсамъ и плантаціямъ. Въ его хозяйственной головѣ давно засѣлъ планъ, обвѣнчавшись со вдовой Беацъ, слить воедино ея и свои владѣнія. Онъ злился, когда она уѣзжала на нѣсколько мѣсяцевъ въ Европу, и переставалъ злиться, когда она возвращалась.

Но отъ этихъ возвращеній не было ему ни тепла, ни радости, его сватовство не подвигалось. Самыя серьезные попытки объясниться и получить

утвердительный отвѣтъ, донья Кармела обращала въ шутку.

Вотъ и теперь, пока грумъ медленно водилъ вдоль веранды вспотѣвшую лошадь съ закинутыми на сѣдло стремянами, донъ Юліо повторялъ одну изъ безчисленныхъ попытокъ своихъ:

— Такъ какъ же, донья Кармела, вы еще не приготовили мнѣ рѣшительный отвѣтъ?

— А вы все еще продолжаете настаивать, донъ Юліо? — улыбнулась Беацъ подъ бѣлымъ тропическимъ шлемомъ.

— Да, продолжаю! Это для меня вопросъ величайшей важности! Скажите правду; можетъ быть, тамъ кто-нибудь изъ этихъ парижскихъ щеголей успѣлъ вскружить вашу восхитительную головку? Если такъ, я сумѣю найти его и расправиться по своему! — И лицо донна Юліо, типичное лицо плантатора, стало свирѣпымъ.

— Донъ Юліо, вы не спѣшите? Мы позавтракаемъ, затѣмъ сыграемъ партію на бильярдѣ. Послѣ ѣды такой моціонъ очень полезенъ. Дальше, до вечера, каждый будетъ предоставленъ самому себѣ, а вечеромъ, если хотите, совершимъ прогулку верхомъ Согласны?

— Да. Но я хотѣлъ бы сначала выяснить...

Пропустивъ это мимо ушей, Кармела, помахивая стѣкомъ, прошла въ комнаты уже оттуда бросивъ настойчивому претенденту на ея руку:

— Я переодѣнусь и мы сядемъ за столъ.

Къ завтраку вдова Беацъ вышла въ модномъ короткомъ платьѣ, достаточно короткомъ, чтобы сосѣдъ могъ любоваться ея стройными ногами, и въ такой же мѣрѣ открытыми шеей и руками. дабы донъ Юліо могъ любоваться всѣмъ остальнымъ. Но Беацъ менѣе всего думала о донѣ Юліо, не замѣчая, стараясь не замѣчать, его плотоядныхъ взглядовъ.

Ей тридцать два года, — соображалъ донъ

Юліо, а, можетъ быть, и больше, но при ея свѣжести, при такой фигурѣ можно дать двадцать семь и даже меньше...

Лишь только негръ лакей уходилъ изъ столовой на кухню, къ повару, такому-же, какъ и онъ, негру, донъ Юліо начиналъ свои изліянія. При лакеѣ затрагивать «деликатный вопросъ» ему не хотѣлось, а говорить на какомъ-либо другомъ языкѣ онъ не могъ, ибо владѣлъ только испанскимъ.

Видя, что всѣ его атаки доньей Беадъ не только не отбиваются, но просто не замѣчаются ею, Бастадо начиналъ злиться и вымѣщалъ свою злобу на молодыхъ цыплятахъ, съ такой яростью перегрызая хрупкія косточки ихъ, — страшно становилось и за цыплятъ и за самого дона Юліо.

То же самое и въ бильярдной. Онъ гонялъ шары съ такой силой и съ такимъ трескомъ, одинъ шаръ, перескочивъ черезъ бортъ, угодилъ въ стекло висѣвшей на стѣнѣ охотничьей акварели.

Выигравъ у него двѣ партіи, вдова Беадъ положила кій.

— Итакъ, до вечера! Бембо проведетъ васъ въ комнату для гостей, гдѣ вы можете отдохнуть.

Раздѣваясь, донъ Юліо все еще продолжалъ злиться, а потомъ крѣпко уснулъ, переваривая цыплятъ...

Къ вечеру затихла жара. Были поданы лошади. Третья для грума и четвертая для гаучо-метиса, съ которымъ пріѣхалъ донъ Юліо. Бастардо изо дня въ день дѣлалъ десятки километровъ въ пиджачномъ костюмѣ, съ брюками на выпускъ. Такъ было и на этотъ разъ. Беадъ, отвыкшая въ Парижѣ отъ такихъ всадниковъ, сдѣлала ему замѣчаніе:

— Развѣ не удобнѣе въ высокихъ сапогахъ?..

— Мой покойный отецъ тоже такъ ѣздилъ.

Кармела дала шпоры своему коню, и тотъ, горячась и закидываясь, рванулъ съ мѣста. Лѣсъ доньи Кармелы опушкою своею граничилъ съ со-

сѣдней республикой, а, слѣдовательно, и съ мертвою пустынею, которая знакома уже читателю.

Минуть десять бѣшеной скачки, не только безъ дорогъ, но и безъ тропинокъ, со свистящимъ воздухомъ, съ бьющими по лицу вѣтками.

Четыре всадника выѣхали на просторъ.

Солнце соскальзывало уже къ самому горизонту большимъ оранжевымъ и плоскимъ дискомъ. Такимъ плоскимъ, какъ если-бы оно было вырѣзано изъ цвѣтной бумаги и приклеено къ чистымъ, поблѣднѣвшимъ небесамъ.

Гаучо, въ широкополой шляпѣ въ видѣ конуса и въ рубахѣ въ широкую клѣтку, первый углядѣлъ стаю хищныхъ птицъ. Большія, косматыя, онѣ медленно, какъ-бы въ раздумьѣ, кружились надъ самой землею, еще не рѣшаясь опуститься.

— Вѣрно падалъ, — сказалъ донъ Юліо.

— Нѣтъ, не падалъ, синьоръ, не падалъ, — возразилъ гаучо. — Если-бы это, онѣ смѣло опустились бы. По моему, это человѣкъ и еще живой. Потому и боятся...

— «Человѣкъ», — презрительно фыркнулъ донъ Юліо, — навѣрно какой-нибудь бѣглый каторжникъ или бродяга. Мало ли ихъ каждый годъ издыхаетъ здѣсь! Ну, что же, донья Кармела, повернемъ обратно?

— Какъ обратно? — возмутилась Беацъ, — вы слышали, это человѣкъ!

— Какой-нибудь подлый грабитель...

— А хотя бы и такъ! Неужели мы оставимъ его, чтобы птицы выклевали ему глаза и продолбили черепъ? Нѣтъ, я ни за что не оставлю!

И Кармела пустила свою лошадь рысью. Грязь изъ подъ копытъ забрызгивала бѣлоснѣжный спортивный костюмъ вдовы Беацъ.

Донъ Юліо, хочешь не хочешь, послѣдовалъ за нею, на чемъ свѣтъ кляня эту «человѣческую падалъ».

Не сдѣлали всадники еще половины пути между опушкою лѣса и тѣмъ, что лежало въ болотѣ, вспугнутая стая хищниковъ улетѣла прочь.

Подѣхали вплотную. Лошади не фыркали. Добрый знакъ: это не трупъ, а живой человѣкъ, или, на худой конецъ, полуживой.

Метисъ покачалъ головой:

— Не похоже что-то на тѣхъ молодчиковъ, которые бѣгаютъ къ намъ оттуда. Хотя весь въ болотѣ, а сапоги и костюмъ хотъ куда!

Человѣкъ лежалъ ничкомъ, разметавъ руки. Конвульсивно сжаты пальцы и грязь на нихъ стала сѣрой и потрескалась.

— Онъ уже часъ, два такъ лежитъ, — сказалъ гаучо.

Всѣ, за исключеніемъ дона Юліо, спѣшились. Донья Беацъ приказала своему груму:

— Переверни его!

Грумъ исполнилъ требованіе госпожи. Она увидѣла молодое лицо съ запекшимся, судорогой сведеннымъ ртомъ,

— Какой молодой! — прошептала она, нѣтъ, онъ совсѣмъ не похожъ на убійцу, или бѣжавшаго изъ тюрьмы.

Гаучо, добывъ изъ кармана кругленькое зеркальце, поднесъ его къ губамъ человѣка, подержалъ и взглянулъ:

Дышитъ еще: зеркальце запотѣло. И хорошо еще дышитъ, — прибавилъ метисъ, уже приныкая ухомъ къ сердцу человѣка.

— И сердце бьется. Здоровое сердце!

— Такъ что же съ нимъ? — спросила донья Кармела.

— Ничего, — отвѣтилъ гаучо, — первое, — изъ силъ выбился, второе, жажда его доконала, а такъ ничего. Все въ порядкѣ. Отойдетъ!

— Мы его возьмемъ съ собою, — рѣшила Беацъ.

Донъ Юліо рванулся даже въ своемъ сѣдлѣ:
— Не хватало еще! Куда вы его возьмете?
Да вы сами будете жалѣть. Лучше пристрѣлить.
Для него же лучше! — И донъ Юліо уже сдѣлалъ
движеніе къ заднему карману своихъ клѣтчатыхъ
брюкъ.

Отвѣтомъ ему былъ полный презрѣнія
взглядъ женщины.

— Нисіо, — обратилась Беадъ къ своему
груму, — помощи мнѣ сѣсть, а потомъ вмѣстѣ съ
гаучо положите пеперекъ моего сѣдла это... —
тѣло, чуть не обмолвилась она и тотчасъ же по-
правила: — этого несчастнаго...

32. Мановеніемъ какой волшебнй палочки?

Вонсяцкій очнулся.

Еще не совсѣмъ очнулся. Это было еще какое-
то полузабытье, когда человѣкъ воспринимаетъ
дѣйствительность не отчетливо и рельефно, а въ
блеклыхъ полутонахъ, какъ прикрытую тонкой ки-
сею картину...

И онъ скорѣе угадывалъ, чѣмъ видѣлъ, боль-
шую, чистую, напоенную свѣтомъ комнату. Онъ
ощущалъ себя и свое тѣло вымытое, въ свѣжемъ,
пріятно пахнувшемъ бѣльѣ. Онъ провелъ рукою по
щекамъ и подбородку, ожидая встрѣтить колючую
щетину, но, къ его удивленію, все лицо было
гладко выбрито...

Вообще, все изумительно: и эта комната и то,
какъ онъ въ ней очутился, и то, что онъ живъ...
Онъ пытался заполнить глухой промежутокъ вре-
мени, отдѣляющій его отъ послѣднихъ проблесковъ

сознанія, когда онъ, чувствуя приближеніе смерти, яростно комкалъ болотную грязь, до этой мягкой постели, до этой комнаты, гдѣ все такъ блеститъ, все, и эта металлическая кровать, и мраморный умывальникъ, все...

Сколько же длился этотъ промежутокъ? День? Мѣсяцъ? Самъ онъ менѣе всего могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Да и не это важно и интересно, а то, что его спасли добрые люди, люди, окружившіе себя такимъ европейскимъ комфортомъ. И вся эта благодать послѣ мертвой, дикой пустыни!..

Слабое, какъ сквозь кисею ощущеніе яви, смѣнялось полнымъ забытьемъ.

Съ каждымъ разомъ кисея дѣлалась тоньше, прозрачнѣй и отчетливѣй проступало все то, что думалъ мозгъ и видѣли глаза...

Вниманіе и забота чувствовались во всемъ, — и въ этомъ цирюльникѣ — невидимкѣ, выбрившемъ его, и въ прохладательныхъ напиткахъ, и въ легкой, гигиенической пищѣ на подносѣ, у изголовья.

Первымъ живымъ существомъ, которое онъ увидѣлъ въ этой новой обстановкѣ, былъ сѣдой негръ, съ такимъ же сѣдымъ намекомъ на бороду и усы. Впечатлѣніе сухого игольчатого снѣга, представшаго къ черному, лоснящемуся лицу!

Съ лукавствомъ, особымъ лукавствомъ больныхъ и сидящихъ въ тюрьмѣ, Вонсяцкій сомкнулъ вѣки, притворился спящимъ, думая, что такъ онъ больше узнаетъ и вывѣдаетъ.

Негръ, поцмокивая толстыми губамъ, наклонился къ Вонсяцкому и такъ выщупывалъ все его тѣло желѣзными пальцами, что притворявшійся боялся выдать себя невольнымъ крикомъ. Но это еще не все. Негръ началъ его массировать, не оставивъ въ покоѣ ни одного мускула, ни одного сухожилія. Послѣ чудодѣйственнаго массажа Вонсяцкій точно возродился, — такъ замѣтно насытился,

напитался организмъ чѣмъ-то бодрымъ, свѣжимъ и мощнымъ.

И этотъ старый негръ и лакей Бембо докладывали хозяйкѣ о здоровьѣ молодого человѣка. Послѣ того, какъ вдова Беацъ привезла на га-чиенду облѣпленное грязью, полубездыханное тѣло, съ ногами и руками по обѣимъ сторонамъ сѣдла, она около двухъ дней не видѣла того, кто былъ подобранъ ею въ болотѣ.

А ей очень хотѣлось увидѣть его. Хотѣлось и въ то же время что-то удерживало. А если донъ Юліо хотя наполовину правъ, и это дѣйствительно самый обыкновенный, самый вульгарный преступникъ? Тогда лучше не видѣть его совсѣмъ, а, снабдивъ всѣмъ необходимымъ и деньгами, отправить на всѣ четыре стороны.

Донъ Юліо такъ и совѣтовалъ, но въ болѣе грубой формѣ:

— Спасенъ, пусть благодарить васъ и Бога! И скорѣе вонъ отсюда! Самое лучшее, разрѣшите мнѣ побесѣдовать съ этимъ господиномъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! Я сама съ нимъ поговорю.

— Какъ угодно, — обидѣлся сосѣдъ. И не только обидѣлся, а и еще какой-то червячекъ ревности зашевелился.

Если у Кармелы и были еще колебанья, то именно донъ Юліо своей грубой жестокостью разсѣялъ ихъ. Она должна увидѣть молодого человѣка. Должна!

И Бембо предупредилъ Вонсяцкаго:

— Синьора желаетъ васъ видѣть.

— Какая синьора?

— Синьора Кармела Беацъ, госпожа этого дома.

Это вышло торжественно и, согласно торжественности, Вонсяцкій представилъ себѣ почтенную гладко причесанную синьору съ тонкими губами,

которыя больше шепчуть молитвы, чѣмъ говорятъ, и съ четками на жилистомъ запястьѣ руки.

Но черезъ пять минутъ не осталось ни слѣда отъ этого образа. Вошла очаровательная патенка съ коротко стриженными волосами и въ короткомъ платьѣ. Вошла веселая, благоухающая и своей молодостью и тонкими духами.

Она молвила по французски:

— Вамъ лучше? Не нуждается ли вы въ чемъ нибудь?

— Благодарю васъ, madame, я чувствую себя совсѣмъ хорошо, а что касается ухода, то, я право, не знаю... — и сконфузился, покраснѣлъ и умолкъ.

И это передалось ей, и она тоже вспыхнула, устыдясь своихъ подозрѣній. Они сейчасъ показались ей такими нелѣпыми! Преступникъ, бѣглый каторжникъ? Съ его красивымъ, благороднымъ лицомъ, съ этими глазами, съ этимъ застѣнчивымъ румянцемъ?

А Вонсяцкій, успѣвшій овладѣть собою, точно угадывая происходившее въ Кармелѣ, началъ:

— Синьора, вы спасли мнѣ жизнь, дали мнѣ пріютъ, сдѣлали то, для чего еще не выдуманно словъ признательности... И къ тому же я для васъ... я хотѣлъ сказать — вопросительный знакъ, нѣтъ, больше... вы имѣете полное основаніе думать, что я одинъ изъ тѣхъ человѣческихъ подонковъ внѣ закона, которымъ нѣтъ мѣста въ цивилизованномъ обществѣ. Клянусь вамъ, я не изъ этихъ бѣглецовъ, и если у васъ будетъ терпѣнье меня выслушать, вы убѣдитесь...

— Не надо, я вамъ вѣрю! — было ея отвѣтомъ, дышавшимъ искренностью.

— Нѣтъ, умоляю васъ, умоляю меня выслушать. Мнѣ самому будетъ легче, — настаивалъ онъ...

33. На томъ самомъ мѣстѣ.

Донъ Юліо, какъ всегда верхомъ и въ сопровожденіи своего метиса. Теперь сосѣдъ казался вдовѣ Беацъ особенно грубымъ, непріятнымъ, невоспитаннымъ, И какъ онъ смѣетъ думать, если бы только думать, а то желать, требовать замужества съ ней!

Холодно встрѣтила она его, но донъ Юліо, не будучи ни тонкимъ, ни наблюдательнымъ, не замѣтилъ этого.

Онъ спросилъ:

— Ну, что этотъ бродяга? Все еще у васъ? Какъ бы онъ васъ не обокралъ...

— О комъ вы говорите?—спросила она, готовая дать отпоръ.

Бастардо оскалилъ зубы въ насмѣшливой улыбкѣ.

— Ну, вотъ еще! Конечно, объ этомъ молодчикѣ. вытащенномъ вами изъ болота...

Онъ хотѣлъ что-то еще прибавить, но умолкъ, — онъ никогда не видѣлъ такую вдову Беацъ. Не разгнѣванной, нѣтъ, а наоборотъ, презрительно спокойной, уничтожающей.

И такъ же презрительно спокойно молвила она:

— Донъ Юліо, я никому не позволю такъ говорить со мной. Слышите, никому. И если бы не ваша старая пріязнь съ моимъ покойнымъ мужемъ, то я указала бы вамъ на дверь. А этотъ молодой человѣкъ? Дай Богъ, чтобы самые почтенные и уважаемые наши гачіендеро имѣли такихъ сыновей, какъ этотъ «бродяга». Такихъ умныхъ, воспитанныхъ, благородныхъ сердцемъ. Онъ мой гость, и не вамъ, человѣку съ испанской кровью въ жилахъ пояснять, что такое гость?

— Въ такомъ случаѣ, донья Кармела, прошу позволенія откланяться,—церемонно отвѣтилъ Ба-

стардо, — я не откажу себѣ въ удовольствіи побывать у васъ, когда этотъ молодой человѣкъ, такой умный и воспитанный, уже не будетъ вашимъ гостемъ...

Размолвка не помѣшала вдовѣ Беацъ, гостепріимной хозяйкѣ, проводить дону Юліо на веранду. Тамъ, у бѣлыхъ колоннъ, гаучо держалъ въ поводу лопадь Бастардо. Онъ вскочилъ въ сѣдло, вздыбилъ коня, сдѣлавшаго громадный прыжокъ и, не оглянувшись, умчался.

Кармела смотрѣла ему вслѣдъ. Съ собою увезъ онъ злобу и месть. Отъ него можно теперь ожидать всякой гадости. Хватить подослать своихъ людей, выслѣдить и прикончить ея гостя. Необходимо быть на сторожѣ!..

Искренно ничего не утаивши, повѣдалъ Вонсяцкій вдовѣ Беацъ всю свою жизнь, умолчавъ, однако, о своей женитьбѣ. Не потому, что сознательно хотѣлъ умолчать объ этомъ, а изъ скромности, не желая рисоваться красивымъ жестомъ. Кромѣ того, допустилъ онъ еще маленькую невинную ложь.

На вопросъ Кармелы, сколько ему лѣтъ, онъ безъ запинки отвѣтилъ:

— Мнѣ! Двадцать восемь.

Если онъ скажетъ, что ему двадцать три года, эта прелестная женщина будетъ смотрѣть на него, какъ на юношу. А онъ хотѣлъ быть въ ея глазахъ солиднѣе и старше. Онъ чувствовалъ себя влюбленнымъ. Во первыхъ, вдова Беацъ сама по себѣ обаятельна и женственна, а, во вторыхъ, она спасла ему жизнь.

Вообще, все было такъ необыкновенно, какъ только бываетъ въ романахъ. Вонсяцкій волновался отъ одной мысли о Беацъ, преслѣдовавшей его и на яву и во снѣ. И волновался еще по другой причинѣ. Неопредѣленно его положеніе въ этомъ домѣ. Ничего еще день, два, но дольше нельзя оста-

ваться въ этихъ райскихъ условіяхъ, возлѣ этого дивнаго существа. Правда, это дивное существо внимательно къ нему, онъ здѣсь нисколько не въ тягость, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ безъ конца пользовался гостепріимствомъ Кармелы Беацъ. Еще нѣсколько дней и онъ ничто иное, какъ приживальщикъ. Онъ здоровъ, силенъ и жить на хлѣбахъ одинокой женщины было бы постыднымъ и унижительнымъ..

И являлось желаніе прямо сказать объ этомъ Кармелѣ и, сказавъ, уйти. Но не хватало духу...

Что-то, онъ самъ не могъ опредѣлить что именно, удерживало его.

А такъ было дивно, завораживающе дивно! Эти завтраки и обѣды вмѣстѣ съ нею, эти бесѣды, прогулки. Всегда вдвоемъ и только вдвоемъ, и никого, никого постороннихъ...

Вонсяцкому не давало покоя желаніе увидѣть то самое мѣсто, гдѣ онъ упалъ и гдѣ былъ подобранъ тою, которая овладѣла всѣми его помыслами.

Едва заикнулся онъ объ этомъ, груму Нисіо велѣно было подать лошадей. И здѣсь проявила вниманіе Кармела: зная, что Вонсяцкій не привыкъ къ мѣстнымъ испанскимъ сѣдламъ, въ которыхъ ѣздятъ всѣ, начиная съ президента и кончая послѣднимъ гаучо, она приказала купить для своего гостя англійское сѣдло. Въ ближайшій городъ за сто двадцать километровъ командированъ былъ слуга и черезъ нѣсколько часовъ, сдѣлавъ ихъ на быстроходной машинѣ, вернулся съ новенькимъ желтымъ англійскимъ сѣдломъ.

На этотъ разъ вдова Беацъ уже не мчалась сквозъ лѣсъ такимъ карьеромъ, какъ нѣсколько дней назадъ въ обществѣ дона Юліо. Она вспомнила это, ѣдучи короткой, тихой рысью рядомъ съ Вонсяцкимъ.

— До чего странно... Тогда я была охвачена какимъ-то безотчетнымъ нетерпѣніемъ. Впередъ

впередъ! И была такая же глухая, безотчетная тревога... И вотъ я нашла васъ и, кто знаетъ, опоздай мы на полчаса..

— И тогда не было бы уже меня, не было бы этой восхитительной прогулки, — подхватилъ Вонсяцкій, — не свѣтило бы для меня солнце и былъ бы мракъ!..

Уже раздвинулся лѣсъ и стало свѣтлѣе. Они шагомъ ѣхали по равнинѣ. Когда Вонсяцкій увидѣлъ мертвыя дали; всколыхнулись воспоминанія ужасовъ бѣгства. Оттуда онъ шелъ, палимый зноемъ, мучимый жаждой, шелъ навстрѣчу самой жуткой неизвѣстности. Это все уже позади. Растаяло, какъ недобрый сонъ въ лучахъ утренняго солнца. И сколько счастья любоваться стройной Кармелой, съ ея красивой и смѣлой посадкой! Сколько радости въ ощущеніи самого себя, сильнаго, ловкаго. И, наконецъ, это поскрипываніе новаго сѣдла... Пустякъ, но его никогда не забыть. Съ какимъ-то мистическимъ трепетомъ всматривался онъ въ углубленіе, выдавленное его же собственнымъ тѣломъ. Оно не только сохранилось, оно стало тверже и суше. Да все кругомъ подсохло за эти дни..

И — это было послѣдней гримасой сгинувшаго недобраго сна, онъ вообразилъ въ этомъ углубленіи свой скелетъ, подобный одному изъ тѣхъ, что встрѣчалъ по дорогѣ, дорогѣ смерти... И если бы не Кармела.. Но мысль его оборвалась, принявъ другое направленіе. Внезапно вспомнилось время, не воспоминавшееся ни разу.. Не было ли это уже чистое безуміе — этотъ ослѣпительно сверкнувшій брилліантъ?... Хотя, хотя, почему бы и нѣтъ? Еще недавно прочелъ онъ въ газетахъ: въ южной Африкѣ, на самой поверхности солончаковыхъ степей, обнаружены были богатѣйшія брилліантовыя росыши..

И словно угадавъ его мысли, Кармела задумчиво молвила.

— Давно. очень давно, здѣсь жило племя индѣйцевъ. У нихъ было много драгоценныхъ камней. добытыхъ здѣсь же, на этихъ пространствахъ. Бѣлые арантюристы, напавъ на индѣйцевъ, и вырѣзавъ ихъ, завладѣли сокровищами. Я еще въ дѣтствѣ слышала это. Возможно, что это было, возможно, что это легенда, изъ тѣхъ кровавыхъ легендъ, которыхъ такъ много въ этой странѣ.

Глядѣвшая передъ собою Беацъ не замѣтила, какъ весело загорѣлся ея спутникъ. Хотѣлось, что-то сказать, что-то спросить, но онъ удержалъ готовое сорваться съ его губъ...

34. Что было въ кофейной чашечкѣ.

Вернулись къ ночи. Это была мягкая ночь, лунная, теплая. Пальмы передъ гачіендой обозначались черными, рѣзкими силуэтами, вмѣстѣ съ лапчатой листвою своихъ зонтиковъ. И тѣни были такія же рѣзкія, а гачіенда, бѣлая днемъ, теперь была ярко зеленоватою въ лунномъ освѣщеніи.

Со двора, гдѣ помѣщалась прислуга, доносился горловой женскій смѣхъ, задорный и чувственный, —такъ смѣются, когда рядомъ мужчина, который нравится...

Смѣхъ умолкъ. Чей-то голосъ запѣлъ аргентинское танго со словами призыва и страсти, и, акомпанируя, звенѣла гитара, съ такою же силою передавая страсть, какъ и голосъ...

И въ душевной этой ночи, и въ смѣхѣ, и въ гитарѣ, и въ пѣніи все полно было истомы, желаній сладко пьянящихъ голову.

Грумъ принялъ поводъ своей госпожи, а со-

скочившій со своей лошади, Вонсяцкій желалъ снять Кармелу съ сѣдла, не помочь сойти, а именно снять. Желалъ, крѣпко прижимая къ себѣ, взбѣжать со своей ношей по ступенькамъ, бѣжать все дальше и дальше, пока не упадетъ вмѣстѣ съ нею... Но, нехотя разжалъ объятія и, какъ нѣчто хрупкое, поставилъ Кармелу на землю. Взгляды встрѣтились, и долго ни она, ни Вонсяцкій не могли оторвать глазъ другъ отъ друга...

— Подождите меня,—сказала она.

— Только два слова... Но эти два слова открывали ему цѣлый новый міръ, волшебный и прекрасный.

Грумъ увелъ пофыркивающихъ лошадей, а Вонсяцкій остался на верандѣ. О, какъ мучительно тянется время. Его охватилъ страхъ: что если она совсѣмъ не придетъ и онъ лишится чего-то большого, важнаго, лишится всего. Томила его эта насыщенная истомою, луннымъ свѣтомъ, звуками гитары и пѣнія ночь...

И такъ, переходя отъ надежды къ отчаянію, отъ отчаянія къ надеждѣ, онъ вздрогнулъ, услыша, нѣтъ—угадавъ ея шаги... Это уже не была Кармелавсадница, Кармела-амазонка. Это была другая Кармела, въ чемъ то легкомъ, воздушномъ, съ накинутымъ на плечи и на спину большимъ испанскимъ платкомъ...

Онъ поднесъ руку къ сердцу, какъ бы желая остановить его учащенное, громкое бѣненіе. Она увела его во второй этажъ, на балконъ своего будуара. И, касаясь другъ друга, они стояли, опершись на желѣзный барьеръ.

Внизу журчалъ фонтанъ. Сюда еще громче и явственнѣй доносился къ нимъ тавго. Его истома завораживала ихъ. Они сами не знали, какъ слились въ одно и замерли въ поцѣлуѣ, длительномъ какъ вѣчность

Онъ вернулся къ себѣ, въ свою комнату, когда уже погасли звѣзды, мѣсяцъ изъ блѣдно-золотого сталъ молочнымъ. Вонсяцкій не хотѣлъ и не могъ уснуть, переживая съ особой остротою впервые извѣданные восторги. Что то пѣло и въ немъ самомъ и вокругъ, и было ощущеніе такого подъема, такого восторга, блаженства и счастья, какихъ не было еще на землѣ ни у кого, никогда..

Съ восходомъ солнца онъ былъ уже на конюшнѣ и сонный метисъ осѣдлалъ ему ту самую лошадь, на которой Вонсяцкій ѣздилъ и вчера и всѣ эти дни.

Вернулся онъ лишь къ полудню, загорѣлый, усталый, измученный, но съ торжествующимъ блескомъ въ глазахъ!

Донья Кармела спустилась внизъ только въ часъ завтрака. И не было смущенья, потому что свободна и чиста была ея любовь. Послѣ завтрака пили кофе, но не въ столовой, какъ это было всегда, а на верху, въ будуарѣ Кармелы.

Сжигаемый нетерпѣньемъ Вонсяцкій, что-то хотѣлъ сказать, что-то хотѣлъ сдѣлать, порывался куда то, но сдерживалъ себя, и только выраженіе лица, да горячій блескъ глазъ выдавали его волненіе...

Когда Кармела наливала ему кофе, онъ сдѣлалъ быстрое, почти неуловимое движеніе къ ея чашечкѣ, пустой еще, и тотчасъ же отпрянулъ, какъ выкинувшій на глазахъ учителя проказу школьникъ.

Вдова Беацъ, уже готовая налить себѣ кофе, остановилась въ изумленіи, ослѣпленная, ослѣпленная въ прямомъ значеніи этого слова. Чашечка оказалась наполненной чѣмъ то,—Кармела сначала даже не сообразила чѣмъ, источавшимъ необыкновенные блескъ и сверканіе... И только развѣ черезъ секунду Беацъ поняла: это большіе, очень большіе, еще не отшлифованные брилліанты...

— Что это?—спросила она.

— Это осуществленная на яву легенда объ индѣйскомъ племени, которое нѣкогда жило тамъ, гдѣ мы съ вами были вчера,—отвѣтилъ съ улыбкой Вонсяцкій.

Кармела вопрошающе глядѣла на него:

— Не понимаю.

— Тогда разрѣшите все объяснить вамъ съ маленькимъ отступленіемъ. Вчерашняя наша поѣздка... мѣсто, гдѣ я упалъ въ изнеможеніи, чтобы не подняться больше, если бы не вы, мой добрый и свѣтлый геній... Я вспоминалъ, вдругъ вспомнилъ то, что было послѣдней вспышкой передъ тѣмъ, какъ потерять сознаніе... Въ припадкѣ безумія, какъ бы отвоевывая минуту за минутой отъ моей ужасающей жизни, отчаянно борясь за нее, я метался, комкалъ землю. И вотъ тогда то ослѣпило меня что-то, какъ сейчасъ ослѣпившее васъ горсточкой этихъ камней. Да, я вспомнилъ... Вы же, въ тотъ же самый моментъ, вспомнили вымершихъ индѣйцевъ, владѣвшихъ сокровищами. И это укрѣпило меня въ мысли, что мой агонійный бредъ не былъ бредомъ, и что въ самомъ дѣлѣ я наткнулся на брилліанты, настоящіе брилліанты... Сегодняшнимъ утромъ я поѣхалъ на развѣдку. Моимъ орудіемъ была вырѣзанная въ лѣсу и заостренная палка. Я въ нѣсколькихъ мѣстахъ расковырялъ почву, и едва ли не на самой поверхности за какихъ-нибудь два часа обнаружилъ всѣ эти брилліанты. Они—ваша собственность, такъ какъ я добылъ ихъ на вашей землѣ. Вотъ и все...—Вонсяцкій смотрѣлъ на синьору Беацъ и смущенно и влюбленно-радостно.

Она придвинула къ нему свою чашку.

— Это не мое, а ваше! Эти камни найдены на спорной, не принадлежащей мнѣ землѣ. Точныхъ границъ не установлено. Это богатство послано вамъ судьбой за всѣ ваши испытанія. Возьмите же его!

— Нѣтъ, нѣтъ!—пылко запротестовалъ Вон-сяцкій. — Я не согласенъ, вамъ не переубѣдить меня!

— Хорошо. Разъ вы такой непримиримый, раздѣлимъ пополамъ вашу добычу. Вотъ все, на что я могу согласиться. Не возражайте, иначе уже теперь я буду непримиримой!

— Пусть будетъ такъ,—согласился онъ.

Вдова Беацъ перебирала камни, соображая:

— Если даже откинуть половину вѣса пришлифовкѣ, что неизбѣжно, то даже по грубому подсчету брилліантовъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, на пять-шесть милліоновъ франковъ. Съ вашей половиной, вы уже богаты!

— А какія еще несмѣтныя богатства разсыпаны тамъ!—воскликнулъ онъ.—Если сдѣлать заявку, мы съ вами будемъ собственниками этихъ розсыпей...

— Сдѣлать заявку?—усумнилась Кармела,—я бы не совѣтовала. Намъ это ничего не принесло бы, кромѣ хлопотъ, непріятностей и чего нибудь еще гораздо болѣе худшаго. Разгорѣлись бы страсти, могъ бы возникнуть кофликтъ между обѣими республиками. Въ погонѣ за легкой наживою сюда хлынули бы авантюристы, вмѣшался бы донъ Юліо. Нѣтъ, нѣтъ, это было бы ужасно! Но я не настаиваю. Я только высказала мое мнѣніе. Последнее слово—за вами...

— Донья Кармела, будетъ именно такъ, какъ вы рѣшили. Ничего умнѣе нельзя придумать. Но, по моему, нельзя ограничиться только этимъ — И, взявъ чашечку, онъ встряхнулъ зашуршавшіе камни.

— Конечно, нельзя! Втихомолку вы съѣздите туда еще нѣсколько разъ и добудете еще горсть-другую камней. Но не слѣдуетъ увлекаться.. Мой планъ таковъ: здѣсь нельзя, опасно было-бы реализовать хотя бы одинъ даже камешекъ. Особенно же вамъ, человѣку неизвѣстному, пришлому. Нѣтъ,

мы сдѣлаемъ такъ: я буду вашимъ банкиромъ, — очаровательно улыбнулась Кармела, — на авансъ, выданный мною, вы съѣздите въ городъ, одѣнетесь. А черезъ какихъ-нибудь пять-шесть дней мы будемъ на пути къ Парижу.

— О, — только и могъ воскликнуть Вонсяцкій, но тотчасъ же погасъ. Это замѣтила и Кармела.

— Что съ вами?

— Но у меня нѣтъ ни паспорта, ни визы. Я человѣкъ внѣ закона...

— Ахъ, только это? За деньги мы вамъ доставимъ какой угодно паспортъ съ какой угодно визой. У насъ это дѣлается очень просто...

35. Помѣнялись ролями.

Эккеръ и тратилъ и раздавалъ, не считая. Такъ было въ Петербургѣ, такъ было въ Константинополѣ во время оккупациіи его союзниками. За три года Эккеръ написалъ 163 портрета, и какихъ чудесныхъ портрета! Цѣлая галлерей всѣхъ тѣхъ англичанъ, французовъ и американцевъ, съ ихъ женами и дочерьми, всѣхъ тѣхъ, кто управлялъ, командовалъ и предводительствовалъ на Ближнемъ Востокѣ и на сушѣ и на моряхъ. Другой на мѣстѣ Эккера вывезъ бы изъ Константинополя крупное состояніе. Другой. А у него былъ открытый домъ. У него обѣдали и завтракали, но не тѣ генералы, посланники и адмиралы, коихъ онъ изображалъ и кои могли бы ему и еще пригодиться... Нѣтъ, онъ пригрѣвалъ и откармливалъ русскихъ бѣженцевъ. Особенно упорно въ теченіе трехъ лѣтъ ежедневно ѣлъ, пилъ у Эккера и зани-

малъ деньги одинъ архитекторъ съ внѣшностью облѣзлаго, общипаннаго фавна.

То же самое было и въ Парижѣ. Выгодные заказы. Портретъ за портретомъ. Аргентинка смѣняла супругу индѣйскаго магараджи, а вслѣдъ за супругою магараджи позировала какая-нибудь «королева» мексиканской нефти, или бразильскихъ кофейныхъ плантацій.

Но Эккеръ не думалъ о завтрашнемъ днѣ. И вотъ онъ заболѣлъ. Внутри совершался какой-то сложный процессъ. Госпиталь, дорого стоящій, мучительная операція и медленное, очень медленное выздоравливанье. Оплачивать мастерскую нечѣмъ и незачѣмъ. Лично Эккеръ, какъ портретистъ, былъ изъ строя на нѣсколько мѣсяцевъ. Поправляясь, но все еще слабый и восково-блѣдный, онъ жилъ въ маленькомъ отелѣ. Узнавъ, что Фавнъ пріѣхалъ въ Парижъ и отлично устроился по своей специальности, и блаженствуетъ, Эккеръ написалъ ему. Онъ не требовалъ вернуть хотя бы часть взятыхъ денегъ, нѣтъ, а, по деликатности своей, просилъ займы нѣсколько сотъ франковъ. Фавнъ назначилъ день и часъ, когда онъ заѣдетъ, опредѣлилъ сумму, которую онъ можетъ дать, но Эккеръ такъ и не видѣлъ ни Фавна, ни денегъ. Его забылъ не только неблагодарный Фавнъ, забылъ весь тотъ блестящій Парижъ, который считалъ за удовольствіе бывать у него въ мастерской и пить съ нимъ чай въ модныхъ мѣстахъ.

А вода подкатывалась къ горлу. Врачи посылали въ Ниццу. Тамъ и только тамъ поправится онъ, какъ слѣдуетъ. Но не было на что выѣхать, не было чѣмъ расплатиться въ отелѣ.

И вдругъ Вонсяцкій, точно съ неба свалившійся:

— Я только вчера пріѣхалъ изъ Южной Америки. Бросился къ тебѣ въ мастерскую, но консьержка опечалила меня... Ты, молъ, опасно и долго хво-

ралъ. Спасибо, дала твой адресъ... Ну, какъ? Лучше? Скоро совсѣмъ молодцомъ?

Эккеръ отвѣтилъ мягкой, свѣтящейся улыбкой:

— До молодца еще далеко! Бѣда въ томъ, что я все еще слабъ. Но ничего, еще какой нибудь мѣсяцъ и все наладится. Я оптимистъ!

— Но оптимизмомъ не проживешь, дорогой Николай Николаевичъ! И твоя отелъная хозяйка и твои поставщики—навѣрно не оптимисты? А потому для начала позволь выписать тебѣ чекъ на 25 тысячъ. Это авансъ подъ портретъ моей невѣсты. Поѣзжай сегодня же на Вандомскую площадь въ банкъ Моргана и получи.

— Да ты что же это? Открылъ какіе-нибудь золотыя розсыпи?

— Бриллиантовыя, дорогой мой, бриллиантовыя!

— Ну, что-жъ отъ души поздравляю,—молвилъ Эккеръ, не сомнѣваясь, что Вонсяцкій попутить.

Написавъ чекъ, Вонсяцкій спросилъ:

— Посовѣтуй, у кого бы мнѣ одѣться? Но, понимаешь, первоклассно?

— Какъ у кого? У Калина! Первый портной, съ нимъ никто здѣсь не можетъ соперничать. Довольно тебѣ: изъ Лондона къ нему ѣздить одѣваться. Да, ты говоришь—невѣста?—и Эккеръ хотѣлъ еще что то прибавить, но не сказавъ, подумалъ: навѣрно американка съ милліонами. Вонсяцкій какъ бы угадалъ его мысль.

— Очаровательное существо. Я такъ влюбленъ въ нее. Но если бы я не нашелъ этихъ бриллиантовъ и не разбогатѣлъ самъ, я при всей моей влюбленности, не женился бы.

— Дабы избѣжать упрековъ, что ты женился на деньгахъ?

— Вотъ именно. Главное же, чтобы я самъ не могъ упрекнуть себя въ этомъ.

— Дай твою руку. Я всегда вѣрилъ въ твою

исключительную порядочность. И на этотъ разъ ты не далъ мнѣ усумниться въ тебѣ.

— Тронуть! Въ твоей чистой душѣ я провѣряю себя, какъ въ зеркалѣ... Надо васъ скорѣе познакомить. Мы остановились у Ритца, но не съ Вандомской площади, съ рю Камбонъ. Знаешь что: прїѣзжай сегодня обѣдать. Кармела такъ много отъ меня наслышалась о тебѣ, жаждетъ познакомиться. Ну, бѣгу. Она меня ждетъ. Итакъ, до восьми вечера. Заѣду къ твоему Калина.

36 Два неожиданныхъ тоста.

И чекъ на 25 тысячъ и сознаніе, что онъ Эккеръ, не одинокъ, и есть вѣрный другъ, такъ трогательно и въ такой деликатной формѣ поставившій его на ноги, все это ободрило художника, окрылило бодростью и силой. Исчезла подавленность, хотя и маскировавшаяся оптимизмомъ и шутками. Да и физически Эккеръ почувствовалъ себя много лучше. Куда исчезла и слабость и вялость движеній? Сквозь блѣдную желтизну щекъ пробивался румянецъ.

Въ банкѣ Моргана кассиръ отсчиталъ ему 25 хрустящихъ новенькихъ билетовъ. Полгода назадъ такую сумму Эккеръ небрежно, не считая разсовывалъ по карманамъ. А сейчасъ, сейчасъ для него это уже цѣлое состояніе. Изъ банка онъ отправился въ цвѣточный магазинъ и такъ приглядывался и выбиралъ, какъ если бы изъ всей этой оргіи красокъ, переливовъ, оттѣнковъ, живыхъ, трепещущихъ, нѣжныхъ хотѣлъ выбрать самое тонкое, самое изысканное для своей палитры.

Черезъ какіе-нибудь полчаса Кармелѣ былъ доставленъ чудесный букетъ цвѣтовъ.

Эккеръ поѣхалъ къ парикмахеру и привелъ въ безукоризненный видъ свою замѣчательную бороду. Минуть сорокъ искуссныя ножницы подстригали, подравнивали ее до тѣхъ поръ, пока не получилась геометрически правильная «лопаточка.»

Вернувшись домой Эккеръ пошелъ отдохнуть, но такъ, чтобы, сохрани Богъ, не смять бороды. Освѣжившись, онъ сталъ одеваться въ смокингъ. Шелъ уже восьмой часъ. Какъ-то незамѣтно подернулось небо дымчато сѣрыми облаками, потемнѣло, хлынулъ дождь. Эккеръ, стоя у окна, убѣдился, что ливень затяжной. Правда, ему подадутъ такси, но даже нѣсколькихъ крупныхъ капель довольно, чтобы испортить всю архитектонику парикмахерскихъ ножницъ, и борода потеряла бы всю дѣвственную неприкосновенность свою.

У Эккера сохранилось нѣсколько петербургскихъ чехольчиковъ для бороды, коими онъ пользовался и въ дождь, и въ снѣгъ и въ морозъ. Волосяной чехольчикъ надѣвался на бороду и получалось впечатлѣніе компактной и плотной бороды, бороды египетскаго фараона, или же вавилонскаго царя. Дабы чехольчикъ не сползалъ, онъ былъ снабженъ тонкими проволочными дугами, которыя закладывались за уши. Въ вестибюлѣ у Ритца этотъ чехольчикъ вызвалъ недоумѣніе не только шассе-ровъ и обоихъ портье, но даже и директора, мосея Ульгата. Казалось, вошелъ замаскированный человѣкъ. Лифтъ умчалъ Эккера въ третій этажъ. Только въ передней аппарата, занимаемаго Вонсяцкимъ, портретистъ бережно снялъ чехольчикъ и, глянувъ въ зеркало, убѣдился, что довелъ свою бороду въ самомъ безукоризненномъ видѣ. Вонсяцкій повелъ его въ аппаратъ вдовы Беацъ.

Кармела много слышала о немъ, и онъ былъ встрѣченъ, какъ хорошій, лучшій знакомый.

Въ салонѣ сервированъ былъ круглый столъ съ цвѣтами Эккера.

— Какіе вы счастливые, какъ я вамъ завидую, — говорилъ Эккеръ за обѣдомъ, — вы прямо оттуда, гдѣ такъ много романтизма, гдѣ всѣ ночи напролетъ гитары звенятъ о любви, гдѣ такъ бунтуютъ и кипятъ пылкія страсти...

Кармела и Вонсяцкій переглянулись съ улыбкой, а Вонсяцкій молвилъ, смѣясь:

— Мой милый, вся эта романтика много интереснѣй и безопаснѣй на разстояніи. Ты знаешь, если бы мы съ Кармелой не уѣхали внезапно — отъѣздъ нашъ походилъ на бѣгство — мы, пожалуй, обѣдали бы втроемъ, и твои цвѣты не украшали бы нашъ столъ...

— Да? — переспросилъ Эккеръ.

— Да! Черезчуръ ужъ тамъ пылкія страсти. Онѣ-то тебѣ по душѣ, но тамъ есть нѣкій донъ Юліо Бастардо. Его страсти хватило бы на добрую дюжину европейцевъ. Мы исчезли весьма во время. Спусти нѣсколько часовъ послѣ нашего отъѣзда, онѣ съ нѣсколькими десятками головорѣзовъ примчался на гачіенду Кармелы съ тѣмъ, чтобы похитить ее и расправиться со мной. Объ этомъ узнали мы, уже сидя на пароходѣ.

— Вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ я предпочелъ бы видѣть это на американской фильмѣ, — сказалъ Эккеръ, — но все хорошо, что хорошо кончается, а поэтому, дорогіе мои, выпьемъ за ваше чудесное избавленіе.

Тостъ былъ во время. Лакей разливалъ въ плоскіе бокалы шампанское.

— Я позволю себѣ нѣсколько расширить предложенный тобою тостъ, — подхватилъ Вонсяцкій — выпьемъ за дона Юліо!

Какъ так? — вырвалось у художника.

— Такъ! Если бы не онѣ, Кармела не из-

влекла бы меня изъ болота, гдѣ твой покорный слуга погибалъ.

— Что это? Не второй ли эпизодъ американской фильмы?

— Нѣтъ, самая настоящая дѣйствительность. Но, чтобы ты все понялъ, необходимо начать издалека.

И Вонсяцкій познакомилъ друга и со своей работой носильщика въ порту, и со своей трущобной фондой, и со встрѣчей съ Бей-Муратомъ, и со службой въ кавалерійскомъ полку и со сценой въ тронномъ залѣ президентскаго дворца.

— Такъ онъ былъ живъ? Значить, газеты наврали?

— Да, судьба сберегла его для меня. — И, скомкавъ сцену убійства, Вонсяцкій описалъ свои скитанія по мертвой пустынѣ, упомянувъ о вѣроломствѣ бандита.

Эккеръ уже не перебивалъ. Онъ слушалъ глазами, слушалъ, затаивъ дыханіе, самъ переживая всѣ эти кошмары и ища отраженія ихъ на Вонсяцкомъ. А съ Вонсяцкаго переводилъ взглядъ на Кармелу, такую же внимательную слушательницу, какъ и онъ

Вонсяцкій кончилъ. Всѣ трое съ минуту помолчали. Потомъ Эккеръ молвилъ:

— Какъ все это сложно... Какъ дурные люди сами, не желая, творять добро и куютъ чужое счастье. Только своимъ тостомъ ты отмѣтилъ роль въ нашемъ сближеніи почтеннаго дона Юліо. Теперь я предлагаю выпить за здоровье не менѣе почтеннаго бандита и пожелать ему всяческихъ благъ! Будь онъ вѣрнымъ товарищемъ до конца, не было бы того, что есть. Ты благополучно перебрался бы черезъ границу и быть можетъ, пройдя мимо гачіенды донья Кармелы, никогда не встрѣтился

бы съ нею. Итакъ, да здравствуетъ почтенный бандить!

Тость былъ дружно подхваченъ...

37. Зачѣмъ явился господинъ Тухесъ.

Винсяцкій и Кармела обвѣнчались въ русской церкви. Вѣнчались скромно и тихо, а постороннихъ только и было, что Эккеръ съ полковникомъ, — Скуратовымъ шаферы жениха, да двое испанцевъ изъ посольства, — шаферы невѣсты. Но, несмотря на всю интимность, репортеры, ищущіе сенсаций, успѣли пронюхать, успѣли поковырять кое у кого, успѣли заручиться фотографіей, которую снимали съ молодыхъ по выходѣ ихъ изъ церкви. Въ большихъ бульварныхъ газетахъ, вмѣстѣ со снимкомъ, появились и біографіи супруговъ Вонсяцкихъ. Въ біографіяхъ этихъ дѣйствительность переплеталась съ вымысломъ.

Но развѣ можетъ быть иначе, и какой же репортеръ не заткнетъ за поясъ любого романиста по части вымысла?

А черезъ два дня Вонсяцкому подали визитную карточку: «Адвокатъ Арнольдъ Тухесъ». Дальше — перечисленіе всѣхъ тѣхъ обществъ и организацій, коихъ этотъ Арнольдъ Тухесъ является юристконсультomъ.

Вонсяцкій, недоумѣвая, вертѣлъ этотъ кусочекъ картона. Адвокатъ? Зачѣмъ, по какому дѣлу? Да еще съ такой фамиліей, какъ Тухесъ? Что-то далекое, южно-русское, «мѣстечковое» вспомнилось.

Посмотримъ... И Вонсяцкій попросилъ адвоката къ себѣ.

Арнольдъ Тухесъ оказался громаднымъ нахаломъ и не совсѣмъ опрятнаго вида субъектомъ, съ зычнымъ голосомъ и манерами дурного тона.

Вонсяцкому его имя ничего не сказало, но въ Парижѣ, Тухесъ былъ извѣстенъ, какъ другъ и защитникъ большевиковъ. На каждомъ коммунистическомъ процессѣ, этотъ господинъ выступалъ и, выступая, оралъ, бѣсновался, жестикулировалъ. Свои досуги Тухесъ такъ же темпераментно проводилъ въ веселыхъ ночныхъ заведеніяхъ на Монмартрѣ.

Вотъ и сейчасъ на отекающей фیزیономіи ясно давала себя знать столь же бессонная, сколь и бурная ночь.

На Вонсяцкаго онъ произвелъ отталкивающее впечатлѣніе. Не подавая руки, нехотя указавъ на кресло, онъ спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Вы именно и есть Анастаси Вонсяцкій, двадцати четырехъ лѣтъ?

— Да, это я.

— Бывшій офицеръ бѣлыхъ армій?

— Имѣю счастье гордиться этимъ, — съ вызовомъ отвѣтилъ Вонсяцкій. Но изъ этихъ вопросовъ я еще не вижу цѣли вашего визита, господинъ... господинъ Тухесъ...

— Разрѣшите задать вамъ послѣдній вопросъ, и тогда мы уже перейдемъ къ цѣли моего визита. Вы сочетались законнымъ бракомъ съ госпожей Кармелой Беацъ?

— Да, но я все-таки не вижу... — началъ терять спокойствіе Вонсяцкій.

— Одну секунду терпѣнія, и вы сейчасъ увидите. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ двоеженство преслѣдуется закономъ. Вы же, господинъ Вонсяцкій, двоеженецъ и, надѣюсь, не станете от-

рицать это? — и, забросивъ ногу на ногу, нагло улыбаясь мясистымъ лицомъ, съ падавшими на лобъ прядями жирныхъ волосъ, адвокатъ имѣлъ весьма торжественный видъ.

Вонсяцкій смутился. Ударъ былъ нанесенъ врасплохъ. Въ его душѣ и въ мысляхъ давнымъ давно стерлось и самое воспоминаніе даже о мальчишеской выходкѣ въ Николаевѣ, выходкѣ, казавшейся ему тогда такой рыцарской, такой благородной.

Овладевъ собою, онъ сказалъ:

— Я не отрицаю факта, но его никакъ нельзя принять всерьезъ. То былъ чисто фиктивный бракъ и сама та особа смотрѣла на него именно съ этой точки зрѣнія. Я оказалъ ей необходимую ей тогда услугу, не болѣе. Я ничего не имѣю прибавить, господинъ... господинъ Тухесъ.

Адвокатъ усмѣхнулся съ полнымъ сознаніемъ своей силы и превосходства:

— Для меня это и очень много и очень мало. Очень много потому, что вы сами подтверждаете фактъ бракосочетанія вашего съ дѣвицею Тамарою Кортманъ. И очень мало потому, что передъ закономъ нѣтъ фиктивныхъ браковъ. вы понимаете — нѣтъ! Законъ это нѣчто неизблемое. Законъ это... — И адвокатъ готовъ былъ прочесть лекцію, но Вонсяцкій перебилъ его:

— Короче, ближе къ дѣлу! Чего собственно вы отъ меня хотите?

— Я пришелъ къ вамъ отъ имени моей довѣрительницы, Тамары Вонсяцкой, вашей законной супруги. При ея жизни и не разведясь съ нею, вы вступили во второй бракъ, что грозитъ вамъ большой отвѣтственностью! — И адвокатъ сдѣлалъ паузу, желая насладиться произведеннымъ на молодого двоеженца впечатлѣніемъ. Но молодой двоеженецъ внѣшне былъ спокоенъ.

— Отъ словъ перейдемъ къ дѣйствию. Что вы намѣрены предпринять

— Какъ что? — пожалъ плечами Тухесь, — вамъ угрожаетъ процессъ, очень скандальный и врядъ ли желательный, какъ для васъ, такъ и для вашей второй супруги. Конечно, прежде всего бракъ вашъ будетъ аннулированъ. Однако, изъ сочувствія къ вамъ, моя довѣрительница готова пойти на компромиссъ...

— Этотъ компромиссъ — деньги? — язвительно подхватилъ Вонсяцкій.

— Вы угадали. Въ случаѣ любовнаго соглашенія, моя довѣрительница уничтожить свою претензію.

— Сколько же она требуетъ?

— Не много. Пять милліоновъ франковъ.

— Это вы называете немного?

— Все въ здѣшнемъ мірѣ относительно, — съ ужимкою втянулъ голову въ плечи адвокатъ. — Ваша вторая супруга такъ богата...

— Довольно! — оборвалъ его Вонсяцкій, вставая, и это было такъ внушительно, что вслѣдъ за нимъ тотчасъ же поднялся и Тухесь.

— Значить, война, война со всѣми ея послѣдствіями? — попытался запугать онъ двоеженца.

— Называйте, какъ хотите! Черезъ сорокъ восемь часовъ вы узнаете мое рѣшеніе. Иными словами: пойду я на шантажъ, или не пойду. Имѣю честь кланяться!

Тухесь началъ было уже совсѣмъ въ другихъ тонахъ:

Пять милліоновъ, — это не окончательная цифра. Если вы принципиально согласны вознаграждать мою довѣрительницу, то не исключена нѣкоторая скидка. Совсѣмъ не исключена. Я убѣжденъ, что мы столкнемся...

— Я не задерживаю васъ, господинъ Тухесь.

38. Нѣсколько непріятныхъ часовъ.

Вонсяцкій поспѣшилъ къ Эккеру.

Эккеръ, вылеживая послѣдніе остатки своей болѣзни, былъ еще въ кровати, когда Вонсяцкій бурею влетѣлъ въ его комнату.

— Случилось что-нибудь? — встревожился Эккеръ, приподнимаясь.

— Да, да! И такое, такое непріятное! Я къ тебѣ за совѣтомъ. Укажи, ты умѣешь... и, вообще.. Нѣтъ, нѣтъ, это ужасно! — И, схватившись за голову, Вонсяцкій съ размаху сѣлъ на стулъ и такъ же стремительно вскочилъ.

— Вонсяцкій, я тебя не узнаю! Гдѣ твое обычное умѣнье владѣть собою?

— Ахъ, если-бы это касалось только меня! Пойми-же... Впрочемъ, ты не знаешь. Я и отъ тебя скрылъ и отъ жены. И глупо! Зачѣмъ, зачѣмъ было скрывать! И вотъ я оказался двоеженцемъ. Да, да... Первая моя жена Тамара Кортманъ, которой ты писалъ въ Николаевѣ, и которая здѣсь, въ Парижѣ..

Ошеломленный Эккеръ весь разграбленный пижамою, однимъ прыжкомъ очутился возлѣ своего друга и, схвативъ его, за плечи, тряся у самого лица его великолѣпной бородой своею, допытывался:

— Что ты сказалъ? Эта хищница твоя первая жена? Повтори: твоя жена...

— Да, да, да! Я сдѣлалъ эту глупость! Она мнѣ дорого обойдется! Я обвинчался съ Тамарою, чтобы она могла свободно выѣхать за границу. Это было ей необходимо, чтобы сдѣлаться содержанкой. О, до чего же я феноменальный дуракъ! А помнишь, какъ она меня отблагодарила уже здѣсь? И вотъ новый ударъ! Десять минутъ назадъ

отъ меня вышелъ ея адвокатъ. Онъ поставилъ мнѣ ультиматумъ: или громкій скандальный процессъ и недѣйствительность брака съ Кармелой, или я долженъ откупиться отъ первой жены пятью милліонами франковъ... Голова идетъ кругомъ! Какъ мнѣ быть? И не судъ страшенъ мнѣ и не пять милліоновъ, а то, что объ этомъ должна узнать Кармела. Она подумаетъ, что мы съ Тамарой въ самомъ дѣлѣ были настоящими мужемъ и женою и, никогда, не проститъ моего молчанія объ этомъ. А я молчалъ, потому, что совѣсть моя чиста и молчалъ еще потому...

— Одинъ вопросъ, — перебилъ его Эккеръ. — Итакъ, ваше вѣнчанье было фиктивнымъ, но ты скажи мнѣ правду, ты пользовался супружескими правами своими?

— Никогда, Ни на одинъ мигъ не была она моею! И не потому, что не правилась мнѣ, а потому, что я далъ себѣ клятву не прикасаться къ жевщину, пока не отомщу за отца.

— Такъ... молвилъ въ раздумьи Эккеръ. — Въ моральномъ отношеніи это, конечно, плюсъ, но я не юристъ и не знаю. плюсъ ли это передъ судомъ? Сомнѣваюсь. А въ общемъ, это все не такъ уже очень страшно. Имъ важно получить деньги. Запросивъ пять милліоновъ, они, конечно, удовлетворятся и десятой частью этой суммы... Тебѣ нуженъ адвокатъ..

— Вотъ, вотъ и возможно скорѣе. Здѣсь я никого не знаю. У тебя больше знакомства. Къ кому обратиться?

— Дай, подумаю... И думать нечего! Есть! Нашелъ! Если онъ только возмется, лучшаго не найти. Нашъ петербуржецъ, адвокатъ Александръ Юліановичъ Розенбергъ. Это были крупные помѣщики на Волыни. Солидная репутація. Ведетъ многомилліонныя дѣла, баринъ, любитъ и только понимаетъ искусство, коллекціонируетъ фарфоръ, гравюры,

старинныя книги. Поѣзжай къ нему. Я ему напишу нѣсколько словъ. Онъ далеко не всѣхъ принимаетъ...

Вонсяцкій кинулся отъ Эккера къ Розенбергу, на авеню де Мессинъ. Тамъ лакей сказалъ, что мосье Розенбергъ съ утра уѣхалъ въ Севрскій Музей, гдѣ, подъ его наблюдениемъ устраивается выставка русскаго фарфора.

Вонсяцкій помчался въ Севръ.

Два маленькихъ кентавра у входа. Длинные амфилады высокихъ залъ съ витринами. Служитель провелъ Вонсяцкаго въ глубину, туда, гдѣ уже воздвигнуть былъ выставочный павильонъ и указалъ плотнаго, средняго роста мужчину, съ бритымъ, энергичнымъ волевымъ лицомъ.

— Вотъ мосье Розенбергъ.

Розенбергъ, стоя у витрины съ чудеснымъ русскимъ фарфоромъ, — онъ всю свою коллекцію поднесъ въ даръ музею, — давалъ поясненія нѣсколькимъ французскимъ журналистамъ. Это была живая лекція о томъ, какъ постепенно развивалось въ Россіи фарфоровое искусство, каковы были его достиженія, начиная съ вѣка Елизаветы и, кончая эпохою Николая I-го.

Остановившись поодаль, Вонсяцкій слушалъ, но красивую французскую рѣчь Розенберга воспринималъ машинально, весь поглощенный своею неожиданно-негаданно свалившейся бѣдою.

Розенбергъ кончилъ. Французы, пряча свои блок-ноты, заторопились въ Парижъ, къ завтраку.

Тогда Вонсяцкій подошелъ къ адвокату, назвалъ себя и протянулъ письмо Эккера.

— А, Николай Николаевичъ, — улыбнулся Розенбергъ, — я его давно не видѣлъ. Какъ онъ здравствуетъ?

Пробѣжавъ письмо, Розенбергъ сказалъ:

— Я съ удовольствіемъ готовъ быть вамъ полезнымъ. Сейчасъ я очень занятъ: черезъ два дня

открытіе выставки и, какъ всегда, мы работаемъ галопирующимъ темпомъ.. Вотъ что. Будьте добры пожаловать ко мнѣ завтра утромъ, въ половинѣ десятаго. Мы и побесѣдуемъ, а въ четверть одиннадцатаго, я буду уже здѣсь,.. Очень радъ.. Имѣю честь...

Окрыленный покинулъ Вонсяцкій музей. Розенбергъ произвелъ на него хорошее впечатлѣніе, и было еще впечатлѣніе той солидности, которую подчеркнул Эккеръ.

На завтра, въ указанное время, Вонсяцкій былъ уже на авеню де Мессинъ Лакей ввелъ его въ большую гостиную и попросилъ подождать «маленькую минуточку».

На всемъ лежала печать изысканной художественности и вкуса. Со стѣнъ повѣяло на Вонсяцкаго чѣмъ-то роднымъ, полузабытымъ. Да въ самомъ дѣлѣ, и полузабытымъ и роднымъ были эти акварели Федотова, Венеціанова, Брюллова съ милыми русскими дѣвушками, дамами въ локонахъ и съ покатыми обнаженными плечами, воинственными офицерами въ высокихъ гренадеркахъ и съ уланскими киверами на колѣняхъ...

Это увлекло Вонсяцкаго—онъ самъ мечталъ собрать въ аквареляхъ и гравюрахъ все, относящееся къ русской арміи, особенно же къ русской конницѣ. А эти прелестныя гравюры...

Отчетливой походкой вошелъ хозяинъ.

— Садитесь, пожалуйста. Я васъ не задержалъ?

— О, нѣтъ, я съ такимъ наслажденіемъ любовался всѣмъ этимъ, показалъ Вонсяцкій на стѣну.

— Все это приобрѣтено уже здѣсь. Вещица за вещицей,—молвилъ Розенбергъ,—а вотъ въ Россіи погибла моя весьма недурная коллекція русскихъ акварелей. Для меня погибла,—съ улыбкой объяснилъ онъ. Итакъ, я весь къ вашимъ услугамъ...

Вонсяцкій разсказалъ все, закончивъ вчерашнимъ визитомъ Тухеса и умолкъ, съ вопрошающимъ упованіемъ, глядя на Розенберга, ожидая отъ него, если не чуда, то какихъ-то рѣшающихъ откровеній. Въ рукахъ этого человѣка съ бритымъ, спокойнымъ лицомъ, если и не судьба его, то во всякомъ случаѣ, честь и счастье.

Соображая, помолчавъ, Розенбергъ спросилъ:

— Вы такъ прямо и поѣхали вѣнчаться? Священникъ не требовалъ никакихъ документовъ у вашей невѣсты?

— Нѣтъ! Я объявилъ ему, что намъ необходимо обвѣнчаться возможно скорѣе и что мотивы этого брака—политическіе. А мы, армія, были тогда силою на югѣ Россіи, единственной властью, и священникъ упростилъ всѣ необходимыя формальности до минимума.

— Но вотъ вы сказали, что ваша невѣста была дѣвицею іудейскаго вѣроисповѣданія? Креститься-то она успѣла передъ тѣмъ, какъ поѣхать къ алтарю?

— Нѣтъ, объ этомъ нечего было и думать!

— Вотъ какъ... Слѣдовательно, Тамара Кортманъ обвѣнчалась съ вами, не мѣняя религіи своихъ отцовъ?

— Да, да,—поспѣшилъ согласиться Вонсяцкій, смутно угадывая какой-то переломъ, переломъ въ свою сторону.

— Въ такомъ случаѣ я могу васъ обрадовать,—улыбнулся Розенбергъ,—бракъ вашъ съ Тамарой Кортманъ недѣйствителенъ.

— То есть какъ это такъ?—ушамъ своимъ не повѣрилъ Вонсяцкій.

— Такъ. Она вамъ не жена, а вы не мужъ ей. По русскимъ законамъ оба вы совершенно посторонніе другъ другу люди,—разъ у дѣвицы Кортманъ,—Розенбергъ сдѣлалъ удареніе на словѣ «дѣвицы»—нѣтъ документа о крещеніи ея передъ

вступленіемъ въ бракъ, вся ея претензія сводится къ нулю, а вы нисколько не двоеженецъ.

— Эге... это навѣрное?—какъ-то наивно, по дѣтски вырвалось у Вонсяцкаго. И стало легко, чудесно. Сомнѣнія и радость, безумная радость хаотически переплетались, и самъ онъ былъ сейчасъ хаотиченъ въ своемъ блаженствѣ.

— И вы, Александръ Юліановичъ, возьметесь довести это дѣло до конца?

— Я просто напишу нѣсколько словъ коллегѣ Тухесу, послѣ чего, васъ онъ оставитъ въ покоѣ, а своей довѣрительницѣ сдѣлаетъ нагоняй, зачѣмъ она скрыла отъ него самое главное, разрушившее всѣ ихъ планы.

— И я могу быть спокоенъ?

— Вполнѣ!

О, какъ я вамъ благодаренъ! Я былъ въ такомъ отчаяньи!

39. Вмѣсто послѣсловія.

Скромный, тихій Севръ еще никогда не видѣлъ такого сѣзда, какъ въ этотъ день верниссажа выставки русскаго фарфора. Около музея, вдоль желѣзной рѣшетки черно и густо было отъ скопленія автомобилей. Подкатывали все новыя и новыя машины. Розенбергъ продемонстрировалъ свои знакомства и связи въ парижскомъ свѣтѣ, и демонстрація получилась внушительная. Кто только не откликнулся на чудесно отпечатанныя на картонѣ приглашенія?

Французскіе министры, академики, и профессора, французская знать — родовая, финансовая, меценатствующая. Дипломаты, журналисты, писатели, художники, великіе князья и весь культурный цвѣтъ русской колоніи.

Было много англичанъ, посѣтившихъ выставку, частью изъ снобизма — нельзя не быть тамъ, гдѣ будетъ весь Парижъ, — частью же ради самой выставки, напумѣвшей, какъ событіе художественнаго сезона.

Нарядная толпа вливалась безконечнымъ потокомъ въ обширный вестибюль музея, поднимаясь все выше и выше, заливая пирокую лѣстницу и ея крылья.

Въ небольшомъ выставочномъ павильонѣ было настоящее Вавилонское столпотвореніе, и это еще усугублялось говоромъ, по крайней мѣрѣ, на шести или восьми языкахъ, включительно, до индійскаго, на которомъ объяснялся бронзовый магараджа со своимъ адъютантомъ.

Вонсяцкому и Кармелѣ никогда еще не было такъ весело, никогда еще такъ ярко и приподнято не ощущали они свою любовь, какъ въ этой живой, улыбающейся толпѣ, среди этихъ фарфоровыхъ фигуръ за стекломъ пирамидальныхъ витринъ. Въ двухъ шагахъ великолѣпная борода Эккера, но ни Вонсяцкій, ни Кармела не могутъ протиснуться къ Эккеру, ни онъ къ нимъ.

Наканунѣ заѣзжалъ къ Вонсяцкому адвокатъ Тухесь, но не наглый и самоувѣренный, какъ это было въ первый его визитъ, а съ поджатымъ, какъ у прибитой собаки, хвостомъ. Онъ заявилъ, что довѣрительница его капитулируетъ и, не имѣя никакихъ претензій, беретъ свою жалобу обратно, всецѣло полагаясь на «великодушіе» Вонсяцкаго. Матеріальныя дѣла ея плохи и она была бы чрезвычайно признательна за поддержку, ну, хотя бы

въ размѣрѣ какихъ-нибудь! ста тысячъ франковъ.

Вонсяцкій отвѣтилъ:

— Я ей дамъ двѣсти тысячъ, но послѣ того, какъ вы доставите мнѣ бумагу за ея подписью, засвидѣтельствованную у нотариуса, что она больше не будетъ никогда и нигдѣ называться моимъ именемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ верниссажа Вонсяцкіе собрались ѣхать въ Испанію. Это будетъ ихъ медовый мѣсяцъ, да и, кромѣ того, Кармелъ давно хотѣлось посѣтить страну своихъ предковъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ Вонсяцкій спохватился: упоенный своимъ счастьемъ, онъ забылъ про оставшійся далеко за океаномъ первый кавалерійскій полкъ во главѣ съ Бей-Муратомъ. По числу всѣхъ офицеровъ полка онъ приобрѣлъ 32 изящныхъ золотыхъ портсигара, поставивъ на нихъ свою монограмму и черезъ парижскую миссію республики, послалъ подарокъ свой, съ сердечнымъ письмомъ на имя Бей-Мурата.

Кармела и Вонсяцкій звали Эккера сопровождать ихъ.

— Ты окончательно поправишься и отдохнешь тамъ подъ андалузскимъ солнцемъ, — приглашалъ Вонсяцкій, — и тамъ же напишешь оба портрета, и Кармелы и мой.

И они уѣхали втроемъ.

Замелькали Санъ Себастьянъ, мрачный Бургось, осталась позади выжженная солнцемъ Кастилія, и путники очутились подъ пальмами мраморной площади Санъ-Фернандо, въ Севильѣ, съ ея Альказаромъ, тропическими садами и царящей надъ всѣмъ этимъ мавританской Хиральдою — этой красивойшей колокольней на свѣтѣ.

Здѣсь, въ этомъ волшебномъ уголкѣ, Вонсяцкій получилъ русскія газеты. Онъ какъ-то прочелъ корреспонденцію изъ Варшавы: польскія власти, упраздняя одно изъ русскихъ кладбищъ, давали

трехмѣсячный срокъ для перенесенія могилъ на другое православное кладбище. По истеченіи этого срока, кладбище со всѣми могилами будетъ застроено. Вонсяцкій помнилъ, что на обреченномъ кладбищѣ похороненъ его отецъ. Допустить ли онъ, сынъ чтобы дорогой прахъ былъ развѣянъ? Ни за что! И вмѣсто двухъ мѣсяцевъ, они пробыли въ Испаніи около четырехъ недѣль, и едва Эккеръ закончилъ оба портрета, Вонсяцкій поспѣшилъ въ Варшаву, гдѣ выполнилъ послѣдній долгъ свой по отношенію къ отцу.

И надъ новою могилою русскаго человѣка въ истлѣвшемъ голубомъ мундирѣ вознесся мраморный мавзолей с надписью:

Здѣсь похороненъ полковникъ
Андрей Вонсяцкій
отъ руки убійцы павшій на своемъ
посту.
Миръ праху твоему, вѣрный слуга
своей родины.

Парижъ. Іюль 1929.

Конецъ.